

**Александр
Решетников**

**Трава
зелёная**

2022

Чем знаменит год 1742? В этом году в Российской империи произошла коронация Елизаветы Петровны, дочери Петра I.

Однако действия книги хоть и происходят в упомянутое время, но совершенно далеки от великосветской помпезности двора. Простых людей занимают совершенно другие заботы...

Александр Решетников

Трава зелёная

ГЛАВА 1

КАК НИЗКО МОЖЕТ ПАСТЬ ЧЕЛОВЕК?

Во сне человек не задумывается над тем, как он очутился в той или иной ситуации. Он лишь реагирует на события. Увидел, например, льва, бегущего на него, и понимает: «Надо спасаться!» Всё правильно, лев — это хищник, сожрёт и не поморщится. Хотя возможны варианты. Если человек в реальной жизни работает дрессировщиком, то он и во сне к разным кошечкам относится спокойно, может даже с любовью. Но тоже не факт. Каким бы ты ни был брутальным, подсознание не обманешь. Как говорится, сколько волка не корми, а эта серая тварь всё равно в лес глядит. А тут лев кидается на тебя! Кусает!! А-а, больно!.. Именно от боли я и очнулся. Перенёсся, так сказать, из одной реальности в другую.

— Ну, слава Богу, очнулся! — услышал я над собой. — Сударь, вы меня слышите?

— Ымм... — просипел я в ответ.

Всё тело ломило, словно его хорошенько отдубасили палкой. Нет, с подобным мне встречаться не приходилось: палками меня никто и никогда не бил. Зато один раз, когда я был ещё пацанёнком, неплохо навернулся с велосипеда... Ехал такой с горочки: ветер в лицо, каскетка козырьком назад, улыбка до ушей, а тут песочек на асфальте... В общем, ссадины и царапины потом недели две заживали, а правая нога целый месяц. Ушиб был сильный. Мне тогда бабушка всё йодувую сеточку делала.

Почему бабушка, а не мама? К тому времени меня бабушка с дедушкой воспитывали. А родители...

Мама работала фельдшером на скорой. Приехала она как-то на вызов, а там наркоман. Что произошло в той квартире, я так до конца и не узнал, но результат трагичен: свихнувшийся ублюдок ткнул маме нож прямо в печень. Отец после смерти матери запил. Пить одному дома, видать, было не вмоготу. Первое время делил бутылку со старыми знакомыми. Только у людей есть свои дела и заботы. Раз посочувствовали, два... Хватит. Наверное, и отцу говорили, чтобы остепенился. Всё-таки семилетний сын остался. Не послушал. Стал пить с первыми встречными. Меня же, сразу после гибели мамы, бабушка с дедушкой забрали к себе. А на сороковой день после похорон я стал полным сиротой. Отец повторил судьбу мамы. Пьяный собутыльник ткнул его ножом и тоже в печень.

— Сударь, вы меня слышите? — снова раздалось над головой.

«Да, слышу, слышу», — хотелось сказать, но изо рта вырывалось лишь прерывистое сипение.

Интересно, а что произошло?

Помню: была пятница, 7 октября 2022 года. Почему хорошо помню дату? Так в пятницу в нашем местном театре давали премьеру. А у меня в спектакле есть маленькая роль.

Вообще-то я не артист, и уж тем более не театрал. Театром увлекается моя девушка — Анна. Правда, она тоже не артистка, гримёр. Как-то раз вечером я пришёл за ней на работу, и надо же такому случиться, попал на глаза Харитону Исааковичу — художественному руководителю этого балагана, как я про себя называю наш местный театр. Не знаю, чем его привлекла моя внешность, но он принялся уговаривать меня сыграть небольшую роль в спектакле «Мещанин во дворянстве». На мой вопрос, почему именно этот спектакль решил поставить уважаемый Харитон Исаакович, тот сослался на современные нравы. Якобы сейчас вся так называемая элита, обосновавшаяся на обломках бывшего СССР, представляет

того самого мещанина. Залезли из грязи в князи... Мне тогда стало любопытно, а кем же себя считает сам Харитон Исаакович? Правда, вопрос этот озвучивать не стал. Вдруг ещё обижу человека. Бывает, проскальзывают у меня порою шуточки, вроде обидеть никого не хотел, а люди потом дуются, не разговаривают. А тут ещё подруга работает. Пошучу я, а проблемы начнутся у неё. Хотя проблемы начались у меня. Аня, как только услышала про роль, сразу начала уговаривать: «Леончик, соглашайся, это ведь так классно!»

Кстати, Леончик — это я. А ещё меня называют Леон или более сокращённо — Лео. В действительности моё полное имя Леонид Иванович Фишер. Но театральная публика она такая, всё не как у людей. Впрочем, я не обижаюсь. Подумаешь, небольшой перекосяк в сторону французского. Тем более этот язык мне знаком. Моя бабушка по образованию филолог. Хорошо знает три языка: французский, английский и немецкий. Это не считая более ранних языков, типа древнегреческого, латыни и других. Не сказать, что она на них шпарит, как Аристотель или Цезарь, но понятие имеет. Всё-таки в своё время окончила ВУЗ с красным дипломом, а потом всю жизнь трудилась по специальности. Когда развалился СССР, подрабатывала в качестве репетитора или переводчика. Тогда многим понадобились иностранные языки. Особенно во время деловых переговоров. Вчерашняя басота ринулась торговать с бывшими империалистами. Поэтому бабушка старалась повысить свои навыки. Надо жить, надо зарабатывать. Она вообще у меня целеустремлённая, недаром Дева по знаку зодиак: дело на первом месте. По сути, бабуля одна тащила груз семейных проблем, стараясь поставить на ноги маму и не дать зачахнуть деду, который остался не у дел в связи с приватизацией госпредприятия и его банкротством. Что же, у неё получилось.

После гибели родителей бабушка оформила опеку и плотно занялась моим образованием. В двенадцать лет я уже вовсю щеголял среди пацанов знанием французского, из-за чего получил соответствующую кличку — «француз». Не знаю, почему бабушка налегала именно на этот язык. Наверное, восхищалась Парижем, Мирей Матье, Ален Делоном и Джо Дассеном. Всяко уж не Зинедином Зиданом. Хотя в школе я учил английский. Там вообще не было французского. Лишь «дойче» и «ингланд». С ними тоже не было проблем. По крайней мере, читая книги на этих языках, вполне понимал, о чём идёт речь.

Кому-то может показаться, что я был ботаником... Отнюдь. Мне нравился футбол! Нравился до фанатизма. Мы с дедушкой старались не пропускать ни одной значимой телетрансляции. В общем, болели не по-детски, за что частенько получали нагоняй от бабушки. На улице я тоже постоянно гонял мяч. Даже хотел записаться в секцию. Но не случилось. Тот злополучный полёт с велосипеда как раз совпал с намеченным походом на стадион. В начале сентября была объявлена запись в спортивную секцию по футболу, а тут такое дело... Я даже целую неделю не ходил на школьные занятия. Да и после мой маршрут не выглядел лёгким. Из-за правой ноги нормально ходить не мог, приходилось под чутким надзором деда ковылять на костылях.

Дед у меня по специальности краснодеревщик. На заказ делал такую мебель, которую ни в одном магазине не увидишь. Сплошной эксклюзив. Тот месяц, когда я из-за травмы был вынужден пропускать уроки физкультуры, а так же вместо улицы сидеть дома, он решил приобщить меня к своему мастерству. Всё началось с уроков рисования. Хотя раньше мы тоже занимались рисованием. Недаром у меня был один из лучших почерков в классе. А тут из-за вынужденного безделья пришлось более серьёзно приобщиться к изобразительному искусству. Нет, скорее к копированию и перерисовыванию. Узоры сначала наносились на

бумагу, а потом на деревянные заготовки. Кое-какие лёгкие вещи дед позволял вырезать мне самостоятельно. В общем, увлёкся я этим делом.

А футбол... Конечно, гонять мяч на улице я не перестал, но желание записаться в секцию пропало. Возможно, повлияли бабушка с дедушкой. Они не то, чтобы отговаривали, но футбол за профессию не считали. Дед всегда говорил, что мужчина должен уметь работать руками, творить, создавать... Бабушка полностью соглашалась, и продолжала повышать уровень моего образования. В результате после одиннадцатого класса я поступил в колледж на специальность «ландшафтный дизайн», где проучился три года.

После учёбы ушёл на целый год в армию. Мысли, чтобы откосить, были. Но дед сказал: «Надо. К тем, кто отслужил, всегда отношение более уважительное. А ты — мужчина. Должен уметь завоёвывать уважение к себе». В общем, попал я в роту охраны при ракетной дивизии. Попал, скорее всего, из-за роста. Там все были не меньше ста восьмидесяти сантиметров. У меня же насчитывалось метр восемьдесят три.

Что можно сказать про мою службу? Да то, что вся десантура по сравнению с ротой охраны, как щенки перед волкодавами. Нас учили «ломать» всяких там ВДВ-шников и морпехов. Целый год учили, без каких-либо командировок на хозяйственные работы. Поэтому мне трудно было понять тех, кто всю службу чистил снег и подметал плац. Тут сплошные физо... В общем, хлебнул армейской науки от души. Но я не жаловался. Бабушке с дедушкой присылал лишь позитивные сообщения. Незачем их было напрасно волновать. Среди сослуживцев тоже старался держаться достойно. Всем тяжело. Не плакать же теперь. Однако когда мне предложили контракт, отказался — не моё. Ради чего я три года корпел в колледже над различными проектами? Чтобы потом посвятить себя стрелялкам и рукомашеству? Нее, лучше сходить после трудового дня в фитнес клуб, а потом посидеть с девчонкой в кафе, чем нюхать в казарме пот своих сослуживцев.

— Это... Иван Тимофеевич, а может он по-нашенски не понимает? — раздался над головой ещё один голос. — Всё-таки иноземец...

«Мля, да всё я понимаю! Только сказать не могу. Сами бы так грохнулись», — мысленно прорычал я.

А произошло вот что... После премьеры спектакля все артисты, как водится, собрались на банкет. Даже не переодевались. Прямо в сценических костюмах стали отмечать свой... успех. Наверно, успех. Всё-таки зрители в конце похлопали. Короче, выпили, закусили, ещё выпили... Народ поплыл. Оно и понятно, усталость и волнение сил не прибавляют. Зато сдерживающие тормоза начинают барахлить, эмоции рвутся наружу. Дамам постарше уже хочется не зрительских симпатий, а любви, желательной физической. А тут молодой парень двадцати шести лет стоит. Вот и решила одна прима испробовать на мне свои чары. Дождалась, когда я, возвращаясь из туалета, окажусь в стороне от посторонних глаз, и приступила к «штурму». С таким натиском меня ещё никто не атаковал.

И надо же такому случиться, что Аня обнаружила нас в тот момент, когда главная героиня повисла на моей шее, как влюблённая школьница. Тут-то и проснулась у подруги жгучая ревность, хотя я всячески пытался отстраниться от перепившей дамы. Самое обидное, что вся ненависть, выплеснувшая из Анны, досталась не этой озабоченной особе, а мне. Она кричала, сжав свои маленькие кулачки, и пёрла на меня, как немцы в сорок первом на Москву. Я, выставив перед собой ладони, шаг за шагом пятился назад, пытаюсь при этом оправдаться.

К сожалению, за моей спиной была не Москва, и даже не Сталинград, чтобы стоять

на смерть. За моей спиной оказалась оркестровая яма. Очутившись на краю, я успел несколько раз взмахнуть руками, чтобы удержаться, а дальше был полёт... Только какой-то странный. Вместо деревянного пола или стульев для музыкантов, я упал на голову какому-то бородатому мужику, сидевшему на рыжей кобыле. А может, не кобыле. К какому половому признаку относится скотина, меньше всего занимало мои мысли в тот момент, потому что всё тело сковало от резкой боли, и пришла темнота...

— Месье Леон, вы меня слышите? — на отвратительном французском языке прозвучал очередной вопрос. Правда, и русская речь до этого была сильно сдобрена старорежимным фольклором.

— Слышу, вашу мать!.. — наконец-то мои лёгкие заработали более-менее нормально, и мне удалось произнести внятную фразу. — Помогите подняться!

— О как! По-нашему лается, — одобрительно прозвучала очередная фраза и две пары сильных рук вздёрнули меня кверху, словно репку из грядки.

Очутившись на своих двоих и почувствовав под ногами земную твердь, я попытался оглядеться... Не получилось. Солнечный свет, отражённый от снега, больно резанул по глазам. Пришлось зажмуриться. Из-за чего чуть не потерял равновесие. Хорошо, что руки, придавшие мне вертикальное положение, продолжали уверенно удерживать мою тушку перпендикулярно к земле.

— Спокойнее, сударь, спокойнее. Не надо так спешить, — участливо сказал тот, кто поддерживал меня с левой стороны.

Я, сильно щурясь, скосил глаза в его сторону. Нет, этот человек мне не был знаком. К тому же я не помню, чтобы в спектакле принимали участие гусары. А то, что стоящий слева от меня мужчина именно в гусарском костюме, сомнений не вызывало. Решив не заикливаться на этих непонятках, я повернул голову направо. Ситуация изменилась кардинально. Вместо усатого гусара, передо мною предстал бородатый мужичище в овчинном тулупе и в чёрной мохнатой шапке, увенчанной матерчатым колпаком.

«М-да, — подумал я, — колоритная личность. Ему бы бояр играть. Сразу видно, что борода своя. Наши гримёры не настолько искусны, чтобы лепить такие натуральные образы...» С этими мыслями я снова огляделся. Меня напрягал лежащий повсюду снег, вызывающий рези в глазах. Не сказать, чтобы я страдал от светобоязни, но зимой подобное случалось постоянно. Выходя на улицу, первые пять минут приходилось щуриться, пока не привыкнут глаза.

Я поёжился: «Зябко, однако». Если парик ещё защищал мою короткостриженую голову, то остальное тело испытывало дискомфорт. Лёгкая рубашка, куцый камзол, короткие штанишки и гольфы явно не соответствовали климатическому дресс-коду. Стоять на снегу в сценических туфлях — тоже было не в тему.

— Холодно. В помещение бы надо зайти, — громко сказал я.

— Помилуйте, сударь, а где же ваша шуба? — спросил гусар.

— Шуба? — удивился я и мысленно добавил: «Сроду шуб не надевал. Всегда в пуховике ходил».

— Ну, да, шуба... Или тулуп. В чём вы ехали?

— Ехал? — моё удивление росло, а внутренний голос раздражённо шипел: «Мля, никуда я не ехал! Я грохнулся в эту грёбанную оркестровую яму! Ну, Аня, спасибо, удружила! Кстати, а где она?» — я снова завертел головой.

Вскоре я увидел тройку лошадей, запряжённую в крытые сани. Рядом ещё лошади,

телеги, снующие туда-сюда люди, тела, лежащие на снегу, пятна крови...

— Вон, Иван Тимофеевич! — радостно закричал «боярин» и отпустил меня. — Под деревом шуба!

Действительно, за моей спиной чернел лес, а у ближайшего дерева лежала... Шуба? Странная она какая-то, больше похожа на дублёнку или тулуп. Только сверху не замша или кожа, а материал, как у пальто. Весь мех смотрит вовнутрь, не считая воротника. Что это за мех, я не разобрал. Если честно, то вообще в данном вопросе не разбираюсь. Но когда «боярин» помог мне облачиться, то сразу стало теплее. Для кучи ещё и шапка нашлась. Тоже, на мой взгляд, странная. Про себя я назвал её «ушанкой». По крайней мере очень похожа.

— Скажите, месье Леон, — заговорил гусар, глядя на мои ноги, — неужели вы ехали прямо так, в туфлях?

— Ну, да, — кивнул я, проследив за его взглядом. — А что такого?

— Однако! — покачал он головой. — Нет, это никуда не годится! Хотите до поместья Белкиных добраться без ног?

— Почему, без ног?

— Потому, что отмороженные ноги обычно ампутируют. Я вообще не понимаю, как вы смогли проехать такой долгий путь в туфлях?

«Мля! — приступ возмущения снова накрыл меня. — Какая в задницу дорога? О чём лопочет этот блаженный? Я никуда не ехал, я упал! Упал!.. Упал?.. Почему мы тогда на улице, а не в театре? Может я ещё в отключке? Только отключка какая-то необычная. Цвета, запахи, звуки, тактильные ощущения — всё, как наяву. Обычно я sny по-другому воспринимаю. Да и мыслительный процесс выглядит чересчур критическим».

— Илья Тимофеевич, — отвлѣк меня от размышлений голос «боярина», — а учитель-то молодец! Взобрался на дерево и сорвался оттуда на разбойничьего атамана, аки коршун. У Сеньки Рыжего шея сломана.

— Н-да, месье Леон, а вы не робкого десятка, — уважительно поглядел на меня гусар. — Но, если бы мы вовремя не подоспели, то Сенькины дружки порубили бы вас в капусту. Слава Богу, всё обошлось. Емельян, а ты найди для месье учителя какую-нибудь обувь потеплее, — приказал неизвестный мне Иван Тимофеевич.

Я тем временем снова огляделся по сторонам. Смешанная группа вооружѣнных людей деловито шмонала тела, валяющиеся на дороге. Картина чем-то напоминала период войны 1812 года: гусары вместе с ополченцами дружно дербанят французский обоз. «Война и мир, вашу мать!» — язвительно пронеслось в мозгу, после чего мне захотелось узнать, который час на дворе? Похлопав себя по карману, вспомнил, что перед спектаклем оставил смартфон в гримѣрке. Не дай Бог зазвенит во время акта. Считай, премьеры сорвана. Часы тоже снял, чтобы не смешить народ иновременным аксессуаром. «А сейчас явно не вечер», — пришла в голову очередная мысль. Мозг упорно пытался совместить театральный банкет и моѣ нахождение на заснеженной дороге, из-за чего всё происходящее я воспринимал несколько индифферентно. Главное, что мне не угрожает никакая опасность, а «боярин» с разбойничьим именем Емельян, идѣт в мою сторону с добродушной улыбкой и несѣт в руках валенки. «М-да, — подсказала память, — давненько я не надевал валенок... С самого детства».

— Вот, месье учитель, надевайте, — страшно коверкая французские и русские слова, произнёс «боярин».

— Благодарю, Емельян, — высказал я бородачу свою признательность, после того, как он помог мне надеть валенки прямо поверх туфель. — А почему, ты называешь меня учителем?

— А кем же ещё? — бородач выпрямился и удивлённо уставился на меня. — Барин наш — Белкин Иван Данилович, сказал, что вы, месье учитель, приехали аж из самой Франции чтобы учить его малолетнего сына, Степана Ивановича, наукам.

«О, как! — мысленно развеселился я. — Аж из самой Франции...» К сожалению, за границу я летал всего лишь раз, когда были живы мама с папой. И летали мы совсем не во Францию, а совершенно в другую сторону — в Турцию. Но помню я о той поездке мало. Много ли запомнит шестилетний пацан? Так что вся моя память базировалась на фотографиях, привезённых с курорта. Я их перебирал в часы грусти и печали. Там мама с папой были живые и счастливые. А вот финансовые возможности бабушки и дедушки, увы, не позволяли тратить деньги на иноземные курорты.

Поэтому летом я отдыхал на даче у дедушкиного друга, Михаила Петровича. Отдыхал вместе с его внуком Данькой, которого слишком занятые родители отправляли к деду на всё лето. Зато, благодаря Михаилу Петровичу, я со временем стал пользоваться успехом у прекрасной половины человечества. Нет, он не преподавал нам с Данькой уроки пикапа. Михаил Петрович вообще был далёк от этой темы. Работяга до мозга костей, он всю жизнь трудился на инструментальном заводе кузнецом. Просто один раз, глядя на мою длинную, худую тушку, дедушкин друг покачал головой и сказал: «Тебе, Лёня, греблей надо заняться». Естественно я поинтересовался: «Зачем?» Тогда он мне показал фотографии своей молодости. Оказывается, во времена СССР Михаил Петрович занимался греблей. А я-то вс думал, откуда у него такие красивые, накаченные мышцы? Седые волосы и морщинистое лицо совсем не сочетались с его фигурой, которой могли бы позавидовать короли стриптиза.

Мне тогда шёл четырнадцатый год. Интерес к девочкам неуклонно рос. Рос и я сам, причём стремительно. В классе на физкультуре стоял первым. А вот телесные пропорции подкачали. Про таких обычно говорят: «Хорошая палка дерьмо мешать». Поэтому, послушав умного человека, я занялся греблей и занимался ею до окончания школы. В колледже мои приоритеты поменялись. Насмотревшись по интернету роликов про айкидо, я и ещё несколько моих друзей, решили стать крутыми мачо. Но нет, не стали. Первоначальный запал быстро угас, и дальше мы занимались скорее не ради конкретных успехов, а чисто для поддержания тела в тонусе. К тому же я серьёзно относился к учёбе. Бабушка с дедушкой с каждым годом чувствовали себя всё хуже и хуже. Возраст давал знать о себе. Требовалось самому пробивать дорожку в жизни, больше положиться было не на кого. Спорт же отнимал только время, практически ничего не давая взамен. А вот курсовые работы и рефераты, что я делал за разных лентяев, предпочитавших заплатить деньги, чем напрягать собственные мозги, приносили мне реальную прибыль. Благодаря этому я самостоятельно оплачивал мобильную связь, интернет и общественный транспорт. Ещё хватало на занятия спортом и перекусы в кафешках.

— Что ж, называй меня учителем, — пожав плечами, сказал я Емельяну, ожидавшему мой ответ. — Или Леонидом Ивановичем. Тоже не обижусь.

— Как скажете, мсье учитель, — кивнул тот. — А сейчас пойдёмте к возку. Ехать пора.

ГЛАВА 2

СЕРВИС ДЛЯ ЭКСТРЕМАЛОВ

Боровский уезд, куда сейчас вёз меня возок, располагался примерно посередине между Москвой и Калугой. Узнал я об этом от пацанёнка, который ехал вместе со мной. Звали его Васькой. Белобрысый штыбзик с курносым лицом отличался повышенной словоохотливостью. А ещё он приходился «боярину» Емельяну старшим сыном. Сам же Емельян был крепостным помещика Белкина и выполнял при нём обязанности конюха. Оказывается, едем мы вместе с купеческим обозом аж из самой Москвы, куда помещик посылал за мной Емельяна.

Слушая пацанёнка, я постоянно ловил себя на мысли: «Странный какой-то сон. Помню падение... Помню, как очнулся от боли... Значит, не очнулся? Иначе откуда весь этот анахронизм? Но как тогда объяснить мои размышления? Разве можно, находясь в отключке, понимать, что ты в отключке? Конечно, бывают случаи: ты спишь и чётко осознаешь, что спишь. Мля! Но подобное состояние длится секунды. А меня уже откровенно начал утомлять однообразный зимний пейзаж за окном. Ещё Васька этот не даёт сосредоточиться. Бубнит что-то про разбойников, про то, как я полез на дерево, про гусар, которые возвращались из Москвы в Калугу... Короче, полный трэш! Из всего рассказа в памяти остался лишь мужик с рыжей бородой, на которого я свалился, падая... в оркестровую яму! Что-то как-то я слишком глубоко упал... Помню, крепостное право отменили в 1861 году. Интересно, а сейчас какой год?»

— Васька, какой год на дворе?

— Чаво? — вылупился на меня мальчишка.

— Какой сейчас год от Рождества Христова? — добавил я уточнений.

— Батюшка в храме сказывал, что 1742, — страшно коверкая название цифр, ответил пацан.

«Прикольно! — развеселили меня Васькины слова. — Ну, а что, всё в тему. Я — учитель из Франции, еду в поместье к какому-то Белкину учить его тупого отпрыска наукам. Похоже, в России процветает мода на иностранных педагогов. Или как их там по-другому... Гувернёров! Ещё Пушкин писал про это в своей книге „Евгений Онегин“. Блин, но тогда получается несоответствие. Пушкин творил в 19 веке, а сейчас вторая четверть 18-ого. Интересно, а когда вообще возникла мода на иностранное образование? Наверное, при Петре I, или чуть раньше. Немецкая слобода в Москве возникла не за один день. А у Петрухи все друзья были оттуда. Интересно, а кто сейчас правит страной? Помню, что после смерти Петра I престол заняла его жена, Екатерина. Если верить интернету, то всё её правление сводилось к балам и пьянкам. А чё, классно! Прямо, как в фильме „Красотка“. Вчерашняя шалава вышла замуж за царя, а когда тот окочурился, снова вспомнила увлечения молодости. Тусить и бухать — наше всё! Тем более под рукой казна целого государства. Вопрос лишь в том, насколько хватит здоровья?.. Короче, была Екатерина, а дальше? Может и сейчас она? Не помню. Знаю, что перед Екатериной II на троне побывали ещё две женщины, вроде, Анна и Елизавета. А ещё были Пётр II и Пётр III. А вот когда они правили, и кто за кем шёл, памяти не отложилось. Нее, понятно, что Пётр 3 не мог быть раньше Петра II. Но в остальном сплошной туман. Я, конечно, историю любил, но не настолько глубоко».

— Васька! — я опять перебил словоохотливого пацанёнка, который восхищался

гусарами, что устроили разбойникам кузькину мать. — Кто сейчас правит Россией?

— Чаво? — мальчишка снова непонимающе уставился на меня.

— Кого, говорю, батюшка в храме славит? Кто в России самодержец?

— А-а... Так это, матушка-царица Елизавета Петровна, — произнёс «боярский» сынок, испохабив каждое слово корявым деревенским произношением.

«Блин, чуть не спросил: „А когда она умрёт?“ Ага, нашёл, понимаешь ли, Гугл. Возьмёт и пожалуется гусарам. Лев на меня сегодня уже кидался, а что эти учудят, хрен его знает. Или пусть учудят? Может, тогда очнусь? Нее, что-то стрёмно. Слишком душа не на месте. У меня подобное предчувствие было в армии. Отрабатывали на учениях захват диверсантов. Я тогда был старшим группы. Вроде всех поймали и скрутили, а под ложечкой всё равно неприятно сосало. Оказалось не напрасно. Всех, кого мы захватили, играли роль отвлекающего манёвра, вроде подсадной утки. Вот и сейчас что-то похожее... Может, я действительно провалился в прошлое? Иначе бы давно очнулся. Уже который раз даю себе эту команду, больно щипаю руку, жмурю сильно глаза, а за окном по-прежнему лес да зимний тракт. Холод тоже даёт о себе знать, хоть и едем в закрытом возке. Блин, неудобно. Даже размяться толком нельзя. Зато Ваське, походу, классно. Лепечет о чём-то своём и лепечет...»

— Дядька учитель, — вдруг обратился он, — а ты, какой веры, нашенской?

— Э-э... — ответ сам собой застрял в горле. Что-то совершенно не хотелось обсуждать незнакомую тему. К вопросам религии я имел точно такое же отношение, как колхозная доярка времён СССР к профессиональной стриптизёрше из элитного эротического салона. Мои бабушка с дедушкой были атеистами и всегда учили, что жить надо по совести, а не так, как вещают с амвона. Если человек высоко залез — это ещё не значит, что он скажет что-то умное.

— Я пацифист! — ничего более умного в голову не пришло.

— Э-э... — теперь уже завис пацанёнок. — Пац... пац... пацсвист... А это кто такой?

— Это, Василий Емельянович, я! — пришлось «нейтрализовать» балабола официозом.

— Какой же я — Емельянович? — удивился мальчишка, но было видно, что обращение ему понравилось.

— Ну, не Тараконович же, правильно? — решил слегка потроллить ребёнка.

— Нее, в нашем поместье таких нет, — серьёзно ответил мальчишка, активно замотав головой, от чего шапка съехала ему на глаза.

«Сразу видно, — подумал я, — головной убор с чужого „плеча“. А может, шили на вырост? Ну, а что? Мне бабушка всегда покупала одежду на вырост. Хм... Покупала... А тут явная самоделка: замшевый овчинный колпак, только низ шапки вывернут мехом наружу. Тулуп мальчишки из той же серии. Причём никаких пуговиц и застёжек. Тупо запахнут и стянут на поясе верёвкой. Зимнее кимоно, мля! Кого же он мне напоминает?... Точно, Филиппок! Была у меня в детстве такая книжка. У бабушки с дедушкой вообще было много старых книг. Некоторые не то, что советских, царских времён. А вот моё „общение“ с компьютером жёстко ограничивали. Включал его строго по расписанию. Это уже когда в колледже начал учиться, получил к нему свободный доступ... Что-то я про бабушку с дедушкой вспоминаю постоянно в прошедшем времени... С чего вдруг? Они у меня даже ковид легко перенесли, в отличие от меня. Правда, они прививались, а мне всё было недосуг. Мотался по городу в поисках заказов, предлагал проекты, убеждал... Можно сказать, ландшафтный дизайнер — это сезонная работа. Чтобы припеваючи жить зимой, надо ударно

потрудиться весной и летом. Если бы у меня имелась постоянная работа, то я бы на театр не подписался, несмотря на все Анькины уговоры. А ведь дружок мой — Данька, предлагал мне место прораба на стройке. Образование вполне позволяло. Да и я не заикливался чисто на своих дисциплинах. Чтобы заработать, приходилось и на соседние „грядки“ лезть...»

Тут вдруг непроизвольно всплыла картинка, когда я в первый раз пришёл в колледж и стал изучать на информационной доске список предметов, которые мне предстояло освоить:

1. Информационные технологии в профессиональной деятельности.
2. Экологические основы природопользования.
3. Экономика организации.
4. Основы менеджмента.
5. Охрана труда.
6. Ботаника с основами физиологии растений.
7. Основы почвоведения, земледелия и агрохимии.
8. Основы садово-паркового искусства.
9. Озеленение населённых мест с основами градостроительства.
10. Цветочно-декоративные растения и дендрология.
11. Основы проектирования объектов садово-паркового строительства.
12. Цветоводство и декоративное древоводство.
13. Садово-парковое строительство и хозяйство.
14. Маркетинг ландшафтных услуг.
15. Современные технологии садово-паркового и ландшафтного строительства.

Я помотал головой: «Надо же, сон во сне... А может быть, меня действительно перенесло в прошлое? Только интересно, как? Аномальная зона в оркестровой яме? Почему тогда с музыкантами ничего не происходило? Или происходило? Просто я не в курсе. Вот же чума... Кстати, по поводу чумы... Я болел ковидом... Если мне „посчастливилось“ провалиться в прошлое, что станет с аборигенами? Передохнут, как мамонты? Мля, даже не хочется про такое думать. Сплошной постапокалипсис. Лучше уж полная стерилизация. Надеюсь, хватит иммунитета, чтобы самому не окочуриться в местном климате?»

Тут возок дёрнулся и остановился. С улицы раздались бодрые мужские голоса. Похоже, станция «Березай», кому надо — вылезай. Девочки налево, мальчики направо... Шустрый Васька моментально выпрыгнул из возка и, громко шмыгнув, вытер рукавом тулупа свой курносый нос. Раз я учитель, то надо сделать ему замечание. Какое? Не размазывать соплю рукавом. А для этого... Мля, ну откуда у крепостного мальчишки носовой платок? Хотя одежду тоже не стоит пачкать.

— Васька, гляди! — привлёк я его внимание, наконец-то выбравшись из убогого чрева нашего транспортного средства. — Делаешь глубокий вдох, зажимаешь большим пальцем ноздрю и резко выдыхаешь через свободную дырку... — проделав вышеперечисленные манипуляции, я украсил снег густым зеленоватым сгустком.

«М-да, походу и у меня от холода нос протёк...» — кольнула лёгкая озабоченность.

— А затем проделываешь аналогичную процедуру с другой ноздрей, — продолжил я мастер-класс по избавлению носовой полости от излишков.

Пацан, открыв рот, с нескрываемым любопытством следил за моими телодвижениями. Сказанные мною слова он, скорее всего, не понял. Зато действия охарактеризовал верно.

— Запомнил?

— Ага! — пацан мотнул головой, отчего шапка снова съехала ему на глаза.

— Затем берёшь щепотку снега и вытираешь ею нос. Пальцы после этого тоже вытираешь об снег. Увижу, что марашь соплями свой тулуп, заставлю отжиматься тридцать раз, понял?

— Ага, дядька учитель, понял, — испуганно моргнув, ответил пацан.

«Ясно, — внутренне усмехнулся я, — процедура воспитания бойцов Российской армии является для ребёнка тайной, покрытой мраком. Пугают непонятные слова и мой хмурый взгляд. Ничего, пусть привыкает к дисциплине. Так, а где мы находимся? — я огляделся. — Ёпте, крепость! Причём деревянная. Острог по-русски. Видел я такую в интернете...»

Оказалось, что передо мной никакая не крепость. Наш обоз остановился перед воротами, которые вели на постоялый двор. «Хе-хе! — шутливое настроение снова дало о себе знать». Вот если бы в 21 веке вокруг каждой гостиницы выстраивали подобные сооружения... Дубовые ворота вместо ресепшена. Подошёл, пнул ногой от души и кричишь: «Девушка, можно номер заказать?» А в ответ из бойниц: «Пы-дыж! Пы-дыж! Пы-дыж!» И сразу понятно, что в связи с массовым наплывом туристов все места заняты. Это мне вспомнилась поездка в Анапу, где я решил отдохнуть недельки две после увольнения из армии. Так-то я служил в Новгородской области... Леса, болота, комарьё... «Брр! — от воспоминаний снова прошиб озноб. — Холодно, однако. Где, мля, ходит этот администратор?»

«Администратор», больше похожий на лешего из мультфильма «Дядюшка Ау», стоял у раскрытых ворот и с любопытством рассматривал наше воинство: десяток гусар, пять купеческих подвод и крытый возок, специально выделенный помещиком Белкиным Иваном Даниловичем для доставки моей драгоценной персоны. Запустив нас на широкое подворье, дядюшка Ау поспешил запереть ворота здоровой дубовой задвижкой. Убедительный дресс-код. Не иначе заведение пользуется популярностью? Видать желающих, приобщиться к весёлой ночной жизни, хватает. Недаром несколько часов назад нас попытались обобрать. Какой тусняк без бабок? Благо, гусары ехали следом, услышали выстрелы и поспешили узнать, в чём дело? Между прочим, у нас тоже есть потери: один убитый и двое раненых. Все из купцов. Это трупы разбойников развесили на деревьях вдоль дороги, предварительно раздев. Купцы же своего мертвяка повезут до дома. Ничего, не испортиться — зима на дворе. А я какой-то слишком спокойный. Не к добру это.

Что можно сказать про гостиницу? В ней только один минус... Минус пять звёзд! Даже в самом главном помещении земляные полы. Мало земляных полов, так ещё и печка топится по-чёрному. Стал спрашивать, почему бы не вывести трубу наружу? Выяснил — невыгодно: кирпич стоит денег, печь с трубой потребляет больше дров и быстрее остывает, искры, вылетающие через трубу, могут поджечь солому, которой покрыта крыша. Я в шоке! Сервис для экстремалов. А для профилактики ровной осанки — деревянные лавки. Спи спокойно, дорогой товарищ. Аминь.

Ужин не лез в горло. Нет, с едой было всё в порядке, если не брать во внимание деревянную посуду: каша, сало, ржаной хлеб, яички, отвар из каких-то трав, даже предложили водку... Но я отказался. От неё шёл такой сивушный запах, что моя тонкая душевная организация стала озираться в поисках пистолета. Как говорится, лучше застрелиться. Или застрелить производителя этого пойла. Еда же не лезла в рот по другой причине... Я всё больше начал убеждаться в том, что попал... Попал в прошлое. И, скорее всего, навсегда. Прощай, бабуля... Прощай, дед... Прощай, Аня, чтоб тебе икалось всю жизнь, и этой великовозрастной актёрке заодно... М-да, qualis artifex pereo (какой артист

погибает)... Хочется вскочить и крушить всё... Всё, что попадётся под руку! Удерживает от этого лишь слабая надежда, а вдруг я сплю?

ГЛАВА 3

ФАМИЛЬНОЕ НАСЛЕДСТВО

Ночь прошла под знаком чёрной меланхолии. А мысли мои можно было сравнить с поляками, которых злобный Иван Сусанин водил по кругу, не давая выбраться из чащобы. Лучиком света в этом тёмном царстве можно назвать моё желание ознакомиться с собственными документами. При свете потрескивающей лучины я облазил дорожные баулы. Нашёл...

Итак: Лионель Фишер, сын Иоганна Фишера, доктор философии, 32 года... То есть в своей ситуации, судя по найденным документам, я должен отнестись философски? М-да... Радует, что удалось сохранить фамилию, которой так дорожила бабушка. Вообще-то Фишер — это её девичья фамилия. Когда она выходила замуж, то категорически отказалась менять её на Лизунову, под которой жил дед. Тот и не настаивал. К тому же он сам был детдомовский, а фамилию ему придумал весёлый сотрудник милиции, глядя на то, как малыш увлечённо лижет сосульку. Дед рассказывал, что его обнаружили на вокзале. Случилось это ранней весной. Возраст ему определили в районе двух лет. Каких-либо бумаг и документов при нём не оказалось. Родителей, конечно, искали, делали разные запросы, но всё бестолку.

Моя мама, кстати, тоже отказалась брать папину фамилию, несмотря на наличие у него родни. Быть Рукосуевой её как-то не прельщало. Отец маму сильно любил. Сильнее, чем своё родовое имя. Поэтому стал Фишером. Именно это смирило мою бабушку. Она изначально вообще была против свадьбы. На дворе лихие 90-ые, её девочка только-только окончила медицинское училище, а тут непонятный парень, приехавший хрен знает откуда. Хрен знает откуда — это из Башкирии. Тем более деревенский. В армии отслужил, домой возвращаться не захотел. Правильно, чё делать в деревне? А тут сослуживец из Сергиева Посада к себе зовёт. К тому же Москва близко, на электричке ехать всего час. Так папа оказался в мамином городе...

Уснул я под утро. Уснул, пытаюсь понять, неужели я похож на того, чьё место занял? Меня же везли от самой Москвы... Всяко должны были разглядеть. Хорошо, можно принять во внимание, что часть моей головы скрывает пышный парик, но остальное-то запомнить нетрудно. Или для местных жителей все иностранцы на одно лицо? Ну, а чё? Бороды нет, усов тоже, одежда чудная... Так и уснул. Что снилось — не помню. Разбудили, когда на дворе ещё стояли сумерки. Вот же не спится людям. Причём гусары вчера неплохо накидались. Справедливости ради нужно отметить, что здешнее пойло их тоже не особо вдохновило: «... то ли дело в Москве...»

Оказывается, там проходила коронация, после которой новоиспечённая императрица Елизавета Петровна закатила многомесячный пир. Что-то беда у нас с правительницами, то одна уходит в загул, то другая. Вроде Екатерина II была серьёзной дамой. Но, если верить тому же интернету, после её смерти страна осталась с многомиллионным долгом, отчего её сынок, Павел, был вынужден экономить буквально на всём. Подданные не поняли такой бережливости своего государя и, науськиваемые благородными англичанами, грохнули скрягу. Причём грохнули табакеркой. С тех пор, наверное, медики заговорили о вреде табакокурения.

Между прочим, гусары тоже смолят свои трубки почём зря. Рассказать им, что ли про

импотенцию и другие проделки злобного Никотина? А то печь дымит, они дымят... Какая в сраку экология? Впору надевать противогаз! Куда там эти вояки едут? В Калугу? А оттуда на южные рубежи? В какую-то Ахтырку? Ага, на границу с Речью Посполитой. Чтоб вас там всех поубивало! Правильно царь Михаил Фёдорович повелевал казнить курильщиков. И так настроения нет, ещё эти... Кстати, если я здесь, то настоящий Лионель Фишер там?.. Получи, Аня, подарочек! Эх, только бабушку с дедом жаль...

— Дядька учитель, — отрывает меня от общения с гусарами «Филиппок», — тятя зовёт, ехать пора.

— И долго нам ехать? — недовольно интересуюсь.

— Нее, к вечеру уже будем на месте.

— Ступай, скоро буду...

Попрощался с гусарами. Они что-то в путь не рвались. Видать ещё не все вчерашние трофеи пропили. Я же перед уходом поинтересовался, который час? Оказалось, что часов ни у кого нет. До поездки в Москву у двоих были. Они их носили на цепочке через шею. Писк моды! Но длинные московские празднества сильно ударили по кошельку, поэтому часы перекочевали к скупщику. Зато удалось узнать сегодняшнюю дату — 19 ноября. Блин, это что же получается, у меня вчера была днюха? Хотя навряд ли, календарь здесь другой. А по найденным документам я и старше, и день рождение у меня 2-ого апреля. Хорошо, что не 1-ого. Но всё равно, придётся из скорпиона превращаться в барана... Лишь бы не в настоящего.

Снова однообразная, унылая дорога. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, учу пацанёнка считать. Хорошо, что не с нуля. Кой-какая база уже есть.

— А сейчас, Васька, мы будем с тобой запоминать сотни, — сказал я, разобравшись с горем пополам с десятками. — Понял?

— Ага!

— Скажи: «Сто».

— Сто!

— Поп залез под стол...

— Гы-гы! — обнажает «лошадиные» зубы.

— Что ты тут гыгаешь? Гусь что ли?

— Нее...

— Тогда давай дальше... Скажи: «Двести».

— Двести!

— Дураки на месте.

— Гы-гы, — снова изображает «гуся».

— Теперь скажи: «Триста».

— Триста!

— Выбей зуб у тракториста.

— Э-э... А кто такой тракторист? — страшно коверкая слова, спрашивает пацан, отчего выходит примерно следующее: «А хто энта такуй, трахпарис?»

— А это водитель железного коня. Конюх, по-вашему.

— А разве бывают железные кони? — удивлённо хлопает глазами.

— Кони бывают разные. Из чего сделаешь, из того и будут. Из дерева, из камня, из железа... Сейчас льда много. Из него красивые кони получаются, — навешиваю на ребёнка словесные гирлянды, а то тракторист вылез совсем не ко времени.

— А мы из снега бабу лепили, — тут же хвалится пацан.

— А ты мне тут горбатого не лепишь? — наигранно хмурю брови.

— Э-э... — зависает Васька.

— Чего блеешь, как козёл? — продолжаю хмуриться. — Ну-ка быстро назови все десятки!

— Десять, двадцать, тридцать... — бубнит пациент логопеда. Приходится поправлять, чтобы цифры называл чётко. Иначе слова обретают такую уродливую конструкцию... М-да, русский язык он у всех разный.

— Васька, тебе сколько лет?

— Мамка сказывала, что весной десять исполнилось.

— А кто тебя до этого считать учил? Откуда цифры знаешь?

— Так к барчуку батюшка приходит, учит его... Я тоже запоминаю...

— Молодец! Только путаешься часто. Для начала выучи все десятки и сотни. Их немного. Столько же, сколько пальцев на руках и ногах. А потом они всё время повторяются...

— Зачем?

— За мясом! — резко меняю тему. А то начнёшь объяснять и совсем заблудишься. — Сколько лет барчуку?

— На два года младше меня...

Дальше я задавал вопросы, стараясь побольше разузнать про семейку Белкиных. Всё-таки они мои работодатели. Если отношения сложатся, то я на несколько лет буду обеспечен кровом, жратвой и денежным довольствием. Оказывается, дворянский сынок приписан к какому-то полку. До двенадцати лет таких детей обучают по месту их проживания. То есть при церкви, или батюшка приходит на дом. Кроме батюшки можно отдельно нанять учителя. Мой случай тому пример. А с церковными мужами мне соревноваться глупо. В законе Божьем я разбираюсь, как ассенизатор Микола в высшей микробиологии.

В двенадцать лет у барчука будет выбор, идти в кадетский корпус или продолжить домашнее образование. Мне выгоднее, чтобы учёба продолжилась дома. Так работу не потеряю. Только придётся периодически привозить своего подопечного в Москву или в Питер для сдачи экзаменов. Таким образом, надзирающие органы отслеживают, насколько тот или иной дворянин достиг успехов в науках. По сути, осуществляется заочное обучение. Длится всё это четыре года. После чего необходимо отправиться по месту службы. А точнее, к месту дислокации своего полка. Так же имеется возможность пожить под крылышком у родителей ещё четыре года. Правда, в обязательном порядке придётся самостоятельно освоить несколько наук: фортификация, география, история. А иначе — марш в полк. В двадцатилетнем возрасте назначается последний экзамен. Причём те дворянские дети, которые показывают наибольшие успехи в науках, скорее других производятся в чины. Конечно, всё это я узнал не от Васьки. Пообщался утром с гусарами, преодолев в себе стойкое отвращение, вызванное запахом перегара и табачного дыма. Эх, тяжела ты доля нелегала...

Слушая ответы Васьки, я мысленно прикидывал план будущих действий. Радостного выходило мало. По сути, мне придётся переучиваться самому. Что я могу дать мальчишке? Только хорошую физическую подготовку? Все остальные мои знания выбиваются из рамок местных реалий. Кстати, в баулах я видел какие-то книги. Неужели по философии? Тогда, ну, их козе в трещину. Нафига будущему офицеру философия? Тут надо изучать физику, математику, геометрию, топографию, географию, фортификацию, историю и уставы. А ещё

упражняться во владении оружием. Иностранные языки — это само собой. Мода ни них. Родную речь тоже не следует забывать. Умение составлять грамотные доклады — нужный навык. Кстати, было бы неплохо вместе с дворянским сынком обучить ещё парочку пацанят из крепостных. Грамотные помощники будущему офицеру не помешают. Ладно, определимся на месте. Как говорится, война план покажет.

ГЛАВА 4

КАСТИНГ

Когда обозначились первые признаки наступающих сумерек, показался Боровск. Нет, я увидел его не через оконце возка. Захотелось до ветру. Крикнул Емельяну, чтобы притормозил. Вышел, огляделся... Прямо по курсу деревянный мост через реку. А на холме за рекой вырисовываются различные строения и верхушки церковных куполов. Кое-где курятся дымы. Порыв ветра донёс запах натопленной бани... «Эх, лепота!» — вдыхаю полной грудью дразнящий аромат и орошаю придорожный сугроб золотистым колером.

— Емеля, как река называется?

— Протва, господин учитель.

— А купцы чего свернули? — проследил я за авангардом нашего обоза. — Зачем идти по льду, когда мост есть?

— На той стороне мытник стоит. За проход по мосту с купцов мзду берут.

«Ага, вот и таможня нарисовалась», — усмехаюсь иронично. Потом поинтересовался, долго ли нам ещё ехать? Оказалось, что нет. Надо лишь перебраться на ту сторону. Белкины живут в самом городе, а в поместье ездят летом... Короче, как на дачу. Правда, этим летом дача сгорела...

— И чего, часто у вас тут бывают пожары? — подтолкнув Ваську вглубь салона, сам продолжаю разговор на улице. Сразу в возок залезать не хочется. Зад от многочасового сидения ноет и просит передышки.

— Бывают... В основном спьяну. А тут ещё моду взяли эти трубки сосать... Тьфу, бесовы дети, — Емельян сплюнул, после чего поспешно перекрестился. Я, конечно, атеист, но моментально уловил несоответствие — конюх крестился двумя перстами.

— Емеля, а ты что, из староверов?

— Э-э... — мужик сначала растерялся, а потом злобно насупился.

— Да ты не тушуйся! Как верить в Бога — это твоё личное дело. Мне до него никакой охоты нет. К тому же я не из болтливых. Ладно, хватит морозиться, давай, поехали, — пришлось ускориться, чтобы отвлечь бородача от ненужных мыслей. К тому же в желудке засосало не по-детски. Ел-то я лишь утром. А доставшиеся в дороге кусок ржаного хлеба с салом погоды не сделали.

Пока доехали до дома Белкиных, создалось стойкое ощущение, что побывал на американских горках. Дорога то вверх, то вниз, то вправо, то влево... М-да, рельеф города однообразием не обижен. Ворота нам открыл мужичок с перевязанным лицом. Эдакий Бунша из кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию», когда ему лицо повязали платком, чтобы больше походил на царя. Этот совсем на царя не походил. Скорее на жертву логопеда: исправить по науке неправильный выговор не получилось, пришлось пустить в ход руки. Всё равно бестолку. Шепелявил мужичок безбожно. Оказывается, зуб у него болел. Звали страдальца Прохором.

Васька, выпрыгнув из возка, тут же умчался в дом. Я же что-то разволновался... Как всё сложится? Пока стоял и думал, разглядывал двор. Дом впечатления не произвёл. Одноэтажный деревянный пятистенок на каменном фундаменте. Два небольших косячатных окна, застеклённых слюдой. Других не увидел. Порадовала труба на крыше, из которой вился дымок. Значит, топили по белому. Пока Емеля разбирался с лошадьми, ко мне подошёл

Прохор и пригласил пройти в дом. Пошли... Поднялись по невысокому крыльцу, и очутились в тёмных сенях. Чуть не грохнулся. Однако мой сопровождающий двигался так, словно надел прибор ночного видения. Из сеней попали в просторное помещение с печкой. То ли кухня, то ли столовая, то ли обеденный зал... Однако, судя по полатям, понял: «Поспасть здесь тоже можно...» Короче, универсальная комната. Так же заметил ещё парочку дверей. Куда они вели, пока не ясно. А в универсальной комнате меня встретило всё семейство Белкиных.

1. Иван Данилович — глава семьи. Мужчина, примерно тридцати лет. Среднего роста, темноволосый, носит щегольские усы.

2. Мария Васильевна — жена хозяина дома. Младше мужа лет на пять. Русоволосая, глаза голубые. Вроде беременная.

3. Степан Иванович — старший сын моих работодателей и мой будущий подопечный. Похож скорее на мать, чем на отца. На вид 7–8 лет.

4. Василий Иванович — второй сын четы Белкиных, примерно трёхлетнего возраста.

— Bonjour, Madame. Bonjour, Monsieur, — здороваюсь и отвешиваю лёгкий поклон.

— Ванечка, — женщина обеспокоенно смотрит на мужа, — а как мы с ним разговаривать-то будем? Он же по-русски не говорит.

— Сударыня, — перехожу на Великий и Могучий, — можете не беспокоиться. Пётр Великий научил европейцев уважать русский язык.

— Слава тебе, Господи! — крестится Мария Васильевна, успокаиваясь — По здорову ли добрались?

— Вроде здоров, — пожимаю плечами, — но замёрз и оголодал сильно.

— Ох, а я тут сижу! — всплеснула женщина руками и соскочила с лавки. — Прохор, поди, растопи баню и натаскай воды. Гостю с дороги помыться надо! Ванечка, проследи, чтобы Емельян занёс вещи господина Леона. Марфа, забери детей и отведи в комнату. Прасковья, на стол давай накрывай...

Все тут же забегали, засуетились. Только я один, как дурак, стою в шубе посередине комнаты. Ага, стою на асфальте в лыжи обутой... Но вскоре и обо мне вспомнили. Помогли раздеться, принесли ковш с водой и небольшое корыто, полили на руки, усадили за стол...

* * *

— Как добрались, Емельян? — спросил Иван Данилович, выйдя на двор.

— Да всё обошлось, барин.

— Что, обошлось? — насторожился мужчина.

— На обратном пути тати на нас напали.

— И что?

— Так это... Мы с купеческим обозом вместе ехали. Только позади него. Разбойники выскочили, начали стрелять, обоз остановили. Господин Леон, как услышал шум, из возка выпрыгнул и, ну, бежать к лесу... У ближайшего дерева остановился и начал карабкаться вверх. «Ну, — думаю, — спужался». А потом я отвлёкся, не до него стало. Схватил Ваську и тоже в лес, от беды подальше... Затаились, смотрим... Купцы, кто успел, разбежались. Остальные кулями на дороге лежат, снежок кровью орошают. А тати уже всю у телег хозяйничают. Атаман их на коне разъезжает, покрикивает, торопит. И вдруг...

— Ну? — не выдержал Иван Данилович.

— Атаман на коне возле дерева остановился, на которое господин Леон залез. И тут господин Леон, как прыгнет сверху на атамана, и вместе с ним свалился в сугроб. Шею он татю сломал.

— А дальше? Что делали остальные разбойники?

— Разбегаться начали. Оказывается, следом за нами ехали гусары. Услышали выстрелы и поспешили узнать, что случилось? Побили они татей. Тут и мы к возку возвратились. Только господина Леона всё нет. Оказывается, сомлел сердешный. Лежит верхом на злодее и не шевелится. Я грешным делом подумал, что он Богу душу отдал. Попросил одного из гусар помочь мне, затащить тело в возок. Расстроился. Послали вы меня за учителем, а я мертвяка привёз...

— Ну-у?

— Очнулся, слава Богу! Только мне показалось, что господин Леон, как будто изменился.

— Как изменился?

— Помолодел, что ли и добрее стал. Со мной и Васькой разговаривать начал.

— А до этого что, вообще не говорил?

— Какой говорил! Он смотрел на нас, как на пустое место. Я уж подумал, что ваш покровитель не учителя нашёл, а упыря какого...

— Ты, Емельян, думай, что говоришь! Михаил Илларионович Воронцов самой государыне прислуживает. А она дурных людей не приглашает в нашу державу.

— Вам виднее, — тяжело вздохнул конюх.

— Кстати, как он там поживает?

— Не знаю. Я его не видел.

— А как же ты забрал учителя?

— Слугу вместе с учителем прислали. Мол, вот, забирай, это месье Леон. А Михаилу Илларионовичу недосуг, дела государственные...

— А подарки-то передал?

— Слуге и передал.

— Ну, ладно тогда. Бери сумки и пошли в дом. А то зябко становится.

* * *

Не успели мы с Марией Васильевной сесть за стол, как с улицы вернулся Иван Данилович и присоединился к нам. Мне показалось или он действительно прихрамывает? Отбросив подозрения в сторону, переключился на ужин. Угощали меня ухой, овсяной кашей, лепёшками и сбитнем. В общем скромно. Несмотря на голод, стараюсь держать марку. Спина ровная, ем не спеша, аккуратно. Периодически промакиваю губы белым шёлковым платочком, который ещё ночью отыскал в дорожной сумке. Короче, пускаю пыль в глаза. Показываю, что я высококультурный, образованный европеец. Хозяева с вопросами не спешат, больше сами рассказывают. Говорит в основном Мария Васильевна.

Так я узнал, что бывшая императрица, Анна Иоанновна, ещё в 1737 году издала указ об обязательном образовании дворянских детей. Ага, понятно — учиться надо всем, иначе налагаются штрафы. И тут возникает вопрос, где взять учителей? Своих-то практически нет.

А дворян в державе, как блох на помойной собаке. В своё время поместная система позволила государству содержать большое войско, благодаря которому страна росла и укреплялась. Только про образование этого войска никто не задумывался. Есть батюшки, вот и пусть следят за своей паствой. И чё? Люди плодятся, размножаются, а уровень грамотности упёрся в церковные каноны и застыл, пока светская власть не дала пинка. Иначе народ скатится до уровня первобытных племён и будет, как в Америке, когда кучка злобных мужиков с огнестрельным оружием и железными мечами подгрести всё под себя.

Короче, своих учителей нет, приходится брать там, где есть. Первоначальный выбор пал на немцев и итальянцев, которых ценили за строгость, исполнительность и аккуратность. Угу, перфекционисты рулят! Так, а что же в моём случае? Вон оно чё... Несколько лет назад были налажены дипломатические отношения с Францией, которой мудро руководит Людовик XV. А ещё в семье Петра Великого была французская гувернантка... Ясно, Белкины решили подражать ныне покойному императору. Тем более сейчас на Российском престоле обосновалась его младшая дочь, Елизавета Петровна.

— А кто были ваши родители, господин Леон? — вдруг спрашивает Мария Васильевна.

«Блин! — меня аж обдало жаром. Задумался и чуть не ляпнул: „Мой папа был немецкий автоматчик“. Так, надо поменьше отвлекаться, а то шуточки до добра не доведут. Итак, что мы имеем? Сейчас Францией правит Людовик XV. О нём я знаю только по книге Александра Дюма-старшего „Жозеф Бальзамо“. Вот и преподнесём увлекательную историю. Главное не забыть сказать, что я из дворянской семьи. Иначе будут глядеть на меня, как на половую тряпку...»

— Отец мой был управляющим в одном из имений, принадлежащем его величеству Людовику XV. Пост этот он получил после того, как оставил военную службу по причине тяжёлого ранения... — начал я своё выступление, а потом под эту канву подвёл историю из книги. Тут вся фишка в том, чтобы самому не стать главным героем. Лучше выступать в роли стороннего наблюдателя. Зато, чем больше словесной мишуры о других персонажах, тем меньше вопросов обо мне самом.

— Почему же вы решили покинуть Францию? — спросила Мария Васильевна после многочисленных охов, ахов и просьб пояснить непонятные слова и значения. М-да, всё-таки мой русский сильно отличается от здешнего. Наверное, поэтому легко сошёл за иностранца.

— Меня там ничего не держало, — продолжаю после тяжкого вздоха. — Родители преставились от старости, а моя возлюбленная, став жертвой подлого коварства, умерла от горя. Поэтому я решил попытать счастья в далёкой северной стране. К тому же я обожаю детей. Моих знаний вполне хватит, чтобы ребёнок из благородной семьи получил тот уровень образования, с которым ему будет не зазорно появиться в высшем свете.

Судя по масляной поволоке на глазах у Марии Васильевны, мои слова легли на благоприятную почву. А что её муж?.. Впечатлён не меньше. Сидит, задумался о чём-то своём. Так, надо добивать.

— Сударыня, разрешите сделать лёгкий портрет с вашим изображением?

— Э-э... Что, прямо сейчас? — сильно удивляется женщина.

— О-о! Поверьте, это много времени не займёт. Но будет ещё лучше, если вы сядете рядышком с уважаемым Иваном Даниловичем. Вместе вы так замечательно смотрите! — елей так и льётся из меня, аж самому тошно. А куда деваться? Депрессию лечат не душевными терзаниями, а рискованными приключениями.

Чем же я собрался рисовать и на чём? Осматривая свои карманы в поисках хоть каких-

нибудь полезных вещей, я обнаружил два предмета: карандаш для подвода губ и маникюрные бокорезы. Бокорезами перед спектаклем подравнивал ногти. Наверное, непроизвольно сунул их в карман, куда обычно клал листочек с текстом. А карандаш меня попросили передать гримёрам. А я то ли забыл, то ли не успел...

Рисовать решил на прядильной доске, что грустно стояла в углу комнаты. Бумаги, к сожалению, не было. Белкины чинно сели рядом друг с другом, а я начал творить... Конечно, портретному письму я специально не обучался, но моих навыков хватило, чтобы оба супруга пришли в полный восторг! М-да, испортил орудие труда. Теперь кому-то из дворни придётся делать новую прядильную доску. С этой же будут сдувать пылинки...

— Господин Леон, а что вы ещё умеете? — спросил хозяин дома.

Вроде спросил без злого умысла, даже лицо такое добродушное, но я напрягся. Может, проверяет? Отвечать следует аккуратно, дабы не встрять. Кстати, а что я умею?.. В принципе, много чего. Как минимум из меня получился бы неплохой управляющий: разбираюсь в бухгалтерии, могу составить бизнес план, неплохо шарю в коттеджном строительстве. Так же могу изготовить симпатичную мебель. Были бы инструменты и хотя бы примитивный столярный станок. А ещё хорошо ориентируюсь в почвоведении и различных растениях. Про школьные предметы и говорить нечего. В общем, озвучил все свои достоинства, стараясь при этом делать лицо попроще. А то ещё подумают, что зазнался. Вроде всё нормально, но тут Мария Васильевна огорчается из-за того, что в плане музыки и танцев я полный ноль. Как же её мальчику без этих наук? Мля!!! Нафига будущему офицеру музыка и танцы? Чтобы под мазурку в темпе вальса ходить в атаку? Надо как-то выкручиваться...

— Мария Васильевна, петь вашего сына могут научить в церковном хоре. Лучше православных батюшек этого никто не сделает. Что же касается танцев, то они ни к спеху. Разве детей пускают на ассамблеи? Да и нечего им делать среди взрослых, где играют в азартные игры, пьют вино и курят табак.

— А вы сами? — спрашивает у меня.

— По праздникам, конечно, от вина не откажусь, а вот всё остальное... — тут-то я выдал и про одержимость азартными играми, и про вред от курения... К тому же, когда болел ковидом, столько начитался в интернете про лёгкие, что спокойно могу описать, как они работают, от чего заболевают, и меры по противодействию болезням. Кажется, перестарался. Чета Белкиных смотрит на меня, чуть ли не как на гуру вселенского масштаба.

— Это хорошо, что вы не курите, — вдруг мило улыбается Мария Васильевна. — Наши батюшки считают сие занятие бесовским.

— Абсолютно с ними согласен, — серьёзно киваю.

— Скажите, господин Леон, — тут ко мне обращается Иван Данилович, — а где вы взяли такой интересный пишущий предмет? — и указывает взглядом на карандаш, которым я сделал портретный набросок.

Снова засада. Я не знаю, умеют в этом времени делать что-то похожее или нет? На кого же сослаться, чтобы было трудно проверить? Что ж, пусть будет монах Морихэй Уэсиба — основатель айкидо. Заодно втянем поучительную историю, дабы не сильно преклонялись перед Европой. В общем, получилось следующее... Злобные португальские купцы захватили рыбацкую лодку, в которой находился этот самый монах и два его ученика. Всех привезли в Европу и выставили на продажу. Молодых учеников купили быстро, а заболевшего старичка брать никто не захотел. Я пожалел пожилого человека и забрал к себе. Отдали мне его

практически задаром. Кому нужен больной старик? Морихэй Уэсиба, слава Богу, выжил. Это он в знак признательности подарил мне карандаш. А ещё научил тайной борьбе...

Мой незамысловатый рассказ произвёл впечатления не меньше, чем предыдущий. Мария Васильевна постоянно охала и говорила, что я совершил богоугодное дело. Иван Данилович сначала отнёсся к рассказу с сомнением... Разве в Европе существует работорговля? Пришлось снять с мужчины розовые очки. Рассказал ему про пиратов, благо в своё время прочитал про них немало. Ещё поведал, как европейские дельцы в погоне за прибылью, напроць забывают о христианской морали и устраивают на берегах Африки охоту на местных жителей, после чего увозят их в Америку и продают в рабство хозяевам плантаций. В общем, шокировал семейку.

— А где теперь Морихэй Уэсиба? — спрашивает Мария Васильевна.

— Я ему дал денег, чтобы он смог возвратиться на родину. Надеюсь, что он уже дома...

— Вы поистине благородный человек, господин Леон! — снова поволока на глазах. Блин, как бы муж ревновать не начал.

— Это долг каждого честного христианина, — отвечаю.

— Да-да, — соглашается. — Кстати, а вы к какой церкви относитесь?

«Что значит, к какой? — бьёт в голову тревожная мысль. — Наверное, имеет в виду, католик я или протестант? Блин, а я Ваське сказал, что пацифист... Зря, зря... Разболтает мальчишка. Хотя, здесь такого слова, скорее всего, ещё не знают. Что же отвечать?»

— Знаете, Мария Васильевна, в вашу страну я ехал с серьёзными намерениями. Поэтому меня не редко посещала мысль: «А не принять ли мне православие?»

— Ой, правда?! — расцвела хозяйка. — Я буду за вас молиться!

«Ага, — пришли грустные мысли, — сначала ты будешь за меня молиться, а как покрещусь, придётся самому. Тут за этим строго следят, хрен расслабишься. Ладно, поживём, увидим. Хотя, куда я денусь? Если захочу чего-то достичь, нужно будет стать своим. Не уезжать же из России... Да и куда? В Америку? А что там хорошего? Я никого не знаю, меня никто не знает. И чего, бороться за выживание? Конечно, за себя я постараюсь. Но разве ради этого нужно ехать в Америку? Меня и здесь, вроде, неплохо принимают».

— Господин Леон, а вы меня не познакомите с тайной борьбой? — неожиданно спрашивает хозяин дома.

— Э-э... — зависаю: «С какой борьбой? О чём он? Мля, я же сам про монаха рассказывал». — Конечно, познакомлю, Иван Данилович. Мне не трудно.

— Ванечка, поздно уже, — спасает положение Мария Васильевна. — Кормилица детей спать уложила. На улице темно и холодно. Да и господину Леону пора в баню идти, истопилась...

Муж, тяжело вздохнув, согласился. Однако не успокоился. Он очень надеялся, что завтра я обязательно покажу ему приёмы неизвестной борьбы. Покажу, чего же не показать? Я, конечно, не Стивен Сигал, но вернувшись из армии, тренировки по айкидо возобновил. Два-три раза в неделю хожу в спортзал обязательно. Пяток приёмов постарался отработать до автоматизма. А то в жизни всякое случается. Бедного художника любой обидеть норовит, поэтому приходится. Да и в армии меня кое-чему научили...

От размышлений отвлекает хозяйка, позвав за собой. Ага, решила показать комнату, в которой мне предстоит ночевать. Исходя из её слов, выходило следующее. В большом помещении, где стоит печка, ночевали Прохор и его жена Марфа. Она же кормилица. Своих детей у них нет, оба умерли во младенчестве. По соседству с центральной комнатой

находятся две спальни. Одна большая, другая маленькая. В большой обитают сами Белкины вместе с детьми, а маленькая для гостей. Теперь она моя. Ещё существует пристрой к дому. Там живут: конюх Емельян, его жена Прасковья, их сын Васька и пятилетняя дочь Наташа. Другой прислуги нет. Остальные крепостные находятся в поместье.

— Вы грязные вещи Прасковье отдайте, она стирает, — просвещает меня Мария Васильевна.

— Хорошо, — с удовольствием соглашаюсь и начинаю капаться в дорожных сумках в поисках смены белья.

Комнатка мне досталась примерно два с половиной на два с половиной метра. Окон нет. Зато есть деревянный топчан. На нём матрац из грубой ткани, набитый соломой и аналогичная подушка. Хозяйка меня обрадовала серой ситцевой простыню, такой же наволочкой и войлочным лоскутным одеялом. Кроме топчана в комнате имеется небольшой стол, на котором стоит керамический подсвечник. Рядом со столом табурет. Вот и всё. Ну, а что я хотел? Хорошо хоть полы деревянные, а не как на постоялом дворе.

ГЛАВА 5

БАНЯ ПО-ЧЁРНОМУ

Я, конечно, не ханжа, но всё равно как-то непривычно... В баню меня проводила Прасковья. Проводила и не уходит. Правда, я не сразу это заметил. Пытался рассмотреть внутреннее убранство при свете лучины. М-да, лучины... Даже не свечи. Воск денег стоит, а лучин, как лопухов в овраге — сорвал, подтёрся и выбросил. Поэтому используют их постоянно и повсеместно. Свечи же, как торт по праздникам.

Оказывается, у меня в комнате стоял не подсвечник, а специальное приспособление, на которой лучину закрепляют. А ещё под неё обязательно ставят тару типа тазика, наполненную водой. Вода выполняет две функции: свет отражает и служит защитой от нежелательного пожара. Технология, однако! В бане освещение вообще прикольно устроено. В деревянную стену вбита железная скоба, наружная часть которой сильно смахивает на змеиный язык. В «язык» как раз вставляется лучина. Под этой конструкцией стоит ведро с водой.

Что ещё можно сказать про баню? Состоит она из двух помещений. Сначала идёт небольшой предбанник, где хранятся дрова, сложенные в поленницу, потом сама помывочная. Причём достаточно просторная. Тут и каменная печка, которая топится по-чёрному, и здоровая бочка, именуемая купелью, и липовые полати. В бочке можно искупнуться, как в ванной. Правда, лечь не получится.

— Чего ждёшь? — вздрогнув от неожиданности, спрашиваю у застывшей позади меня Прасковьи. Напугала...

— Чем барину помочь?

«Опа, оказывается я уже барин!» — внутренне усмехаюсь. В принципе всё правильно: «мой» папа действительно был дворянином. Так что я не сильно обманул Белкиных. Когда готовился к бане и шмонал дорожные баулы, наткнулся на стопку писем. Решил поинтересоваться, взял одно... Письмо было написано на немецком языке. С горем пополам удалось разобрать содержание. Спасибо, тебе, бабушка, что заставляла учить иностранные языки и читать книги на языке оригинала. Короче, письмо было написано моим дядей, который в пространных выражениях ставил в пример моего отца, успешно поднявшегося по чиновничьей лестнице вверх, в результате чего ему присвоили дворянское звание. Типа, и ты давай, дерзай. А он свой долг перед братом выполнил, помог племяннику получить хорошее образование. «Доктор философии — хорошее образование?!» — возмущался я. Ещё бы знать, как при помощи этого образования заработать на жизнь? Мутит, что-то дядя, мутит... Конечно, доктор философии звучит солидно. Такую степень абы кому не дают. Тогда какого хрена меня спровадили в Россию? Что, в Европе тёпленького местечка не нашлось? Ладно, разберёмся. Там ещё письма лежат, глянем. В тот момент некогда было особо заниматься чтением. Мария Васильевна и так обеспокоилась, чего я застрял?

— А чем ты можешь помочь? — с подозрением гляжу на... Хочется сказать: «Бабу». Простоватое лицо, необременённое интеллектом, спокойствия не прибавляло. А ещё у неё муж старовер. В вопросах веры я не силен, но наслышан, что староверы отличались строгими нравами. Сейчас предложит спинку потереть, а следом Емельян с топором завалится...

— Вы одёжку скидайте, я грязную сразу заберу. Завтра уже чистое наденете.

Это, конечно, можно. Однако я снова напрягся... Моё нижнее бельё!!! Костюм-то я надел сценический, зато под ним... Во-первых: это трусы-боксеры леопардовой расцветки. Во-вторых: белая футболка, на которой нарисован первобытный мужик, бегущий с копьем за мамонтом. Плюс к рисунку приложена пояснительная надпись: «Добытчик. Кормилец». В-третьих: у меня тату на правом плече. Здоровенный такой скорпион. В армии отказался обозначать свою принадлежность к войскам РВСН, а тут Анька соблазнила. Типа это так брутально, к тому же твой знак зодиака... Именно через неё в моей черепушке осел весь звёздный зоопарк. Она вообще на астрологии повёрнута...

— Ты, Прасковья, иди... Грех это холостому мужчине перед замужней женщиной обнажаться. А грязные вещи я на лавке оставлю, после заберёшь.

— Как же так?! — искренне расстроилась баба. — Где это видано, чтобы баре стеснялись, да ещё в бане? А кто вас веником охаживать станет?

— Прасковья! — делаю хмурое лицо. — Там, откуда я приехал, совсем другие законы. К тому же я не православной веры. Так что лучше иди, не искушай меня.

Женщина обиженно поджала губы и ушла. Блин, лишь бы Марии Васильевне не пожаловалась. Тогда в баню заявится целая делегация. А что делать со шмотками? Выкидывать жалко. Кстати, а чего я так переживаю? Подумаешь, вещи необычные... Мода в Европе такая! Наличие тату тоже можно объяснить... Пока я стоял и предавался размышлениям, в баню пришёл Емельян.

— Господин учитель, чем же вам не угодила Прасковья?

— Э-э... — я даже не сразу нашёлся, что сказать. Вот же, блин горелый, уже мужу настучала. — Емельян, там, откуда я приехал, не принято, чтобы холостой мужчина обнажался перед замужней женщиной, даже если она холопка. Грех это... Кстати, может, ты мне послужишь?

— Ну-у... — замялся бородач и начал чесать свой затылок. — Вообще-то я не против. Только Прохору совсем худо...

— Зубом что ли мается? — догадался я.

— Ага. Вот и пришёл ко мне. В доме-то стонать несподручно. Ещё детей барских разбудит...

— Слышь, Емельян, а водка в доме есть? — спросил я после недолгого раздумья. Всё-таки алкоголь притупляет боль. А ещё можно попробовать вырвать больной зуб.

Помню, как на даче у Михаила Петровича у меня зуб разболелся. Боль была такая, хоть вешайся. И как быть? На дворе ночь с субботы на воскресенье, больницы поблизости нет, до города далеко, а машину с вечера разобрали, чтобы с утра подшаманить. Позвонили в скорую... Там посоветовали выпить что-нибудь обезболивающее, а утром ехать в город на приём к зубному. У них же свободных машин нет, тем более ехать далеко. Короче, сплошной облом. Тогда Михаил Петрович решил лечить меня самостоятельно. Водкой, конечно, не поил. Слишком мал я был для водки. А вот таблетки от боли дал. Затем усадил меня в кресло, привязал руки к подлокотникам, сказал Даньке, чтобы держал мою голову, взял клещи и вырвал мне зуб.

Сначала было больно. Ещё кровь жути нагоняла. Но успокоился быстро. Потом остаток ночи полоскал рот хлоргексидином, чтобы никакая зараза в ранку не попала. Водка, между прочим, тоже помогает. Нее, не в смысле полоскать. В поликлинике, перед тем, как удалить зуб, делают анестезию. И всё бы хорошо. Но когда действие анестезии прекращается, ранка болеть начинает. Иногда достаточно сильно. Но граммов сто водки моментально устраняют

эту проблему. Проверено лично.

— А что такое «водка»? — огорошил меня Емеля.

— Напиток такой, крепкий, аж горло дерёт, — попытался я объяснить: «Неужели не знают, что такое водка?»

— А-а! Вы, наверное, имели в виду хлебное вино?

— Наверное, — киваю головой.

— И зачем оно вам?

— Прохора лечить будем! И ещё нужны клещи самые маленькие, найдёшь?

— Даже не знаю, — снова чешет свой затылок. — Клещи у Прохора есть. Он у нас и по дереву мастерит, и по железу... А хлебное вино только у хозяев.

— Марфе скажи. Она же хлопочет по кухне. Для мужа-то расстарается. Не пьянства ради, здоровья для! — выдаю крылатую фразу из своего времени.

— Хорошо, попробую, — но видно, что сомневается. А ещё, наверное, побаивается своих хозяев.

— Пробуй. Как всё найдёшь, веди сюда Прохора. Нечего дома пугать детей.

Емельян ушёл, а я понял, что мыться давно уже пора. В баньке жарковато. Пока разводил политесы, вспотел. А тут ещё парик, будь он неладен. Считаю, вторые сутки ношу, не снимая. Даже спал в нём. Вот ведь приплющило. Но на будущее, думаю, он нафиг не нужен. У меня свои волосы вполне симпатичные. Конечно, выбрасывать его не стоит. Всё-таки вещь дорогая. Видел как-то в магазине парики. Цена, как за хорошую шапку. Здесь, наверное, ещё дороже. А вот подставка под парик нужна. Вещи беречь надо. А ещё плечиков нужно наделать. И вообще, завтра устрою полную ревизию своему гардеробу. А то даже толком и не знаю, что есть в дорожных сумках.

Размышляя о будущем, положил на лавку принесённые с собой вещи: полотенце, панталоны и лёгкую рубашку. Другое бельё, соответствующее названию «нижнее», не обнаружил. Рядом стал складывать то, что было на мне. Тёмный суконный плащ с пелериной, который накинул поверх камзола. Не в шубе же в баню переться? Сверху легли: камзол, рубашка, короткие штанишки, гольфы... Увенчал эту стопку париком. Остался в трусах и в футболке. И тут в баню Емельян буквально затаскивает Прохора. А у мужичка глаза, словно у бычка, которого ведут на скотобойню. В следующее мгновение оба прищельца неожиданно превратились в двух барышень бальзаковского возраста, которые увидели перед собой негра из рекламы дезодоранта.

— Чё вылупились, как будто неделю по нужде не ходили? — зыркаю на них грозно.

— Одежки, господин учитель, у вас чудные, — справившись с оторопью, отвечает Емельян. Прохор лишь согласно кивает. Хотя морда так перекошена, что не поймёшь, кивает или дразнит меня.

— Это у тебя чудные, а у меня самые модные. Даже у французского короля такого нет! — заявляю высокомерно. — Ладно, лирику в сторону. Принёс, о чём я просил?

— Э-э... Да, вот клещи, — и протягивает мне жуткий агрегат, позаимствованный, скорее всего из подвалов святой инквизиции.

— Я же просил самые маленькие.

— Эти самые маленькие, — виновато втягивает голову.

— Ладно, давай. Как говорится, используй всё, что под рукою и не ищи себе другое. А где хлебное вино?

— Марфа сейчас принесёт.

— Хорошо, пока её нет, сажай своего товарища на лавку поближе к лучине и руки ему за спиной вяжи.

— Зачем? — спрашивает удивлённо.

— Чтобы махать ими не начал. А то понаставляет нам синяков... Некоторые от боли такими буйными становятся, впятером не сладить. И повязку ему с лица сними.

В этот момент заходит Марфа и тоже пялится на меня коровьими глазами. Блин, что не так? Всего лишь трусы и футболка. Согласен, раскраска и картинка отличаются неким авангардизмом, но не впадать же от этого в ступор!

— Бутыль давай, — протягиваю руку, а то ещё, уронит, дурёха.

— А-а? Ага, возьмите, конечно, — кивает невпопад.

— А теперь иди, — приказываю, забрав бутыль. — Нечего тебе тут делать.

Ушла... Только не как все нормальные люди, а пятясь спиной назад. Я тем временем отыскал ковш, плеснул в него примерно сто пятьдесят граммов сивушного пойла и поднёс ко рту Прохора.

— Пей.

— М-м... — говорить не может, только мычит и головой мотает.

— Не пьём мы, господин учитель, — подсказывает бородач. — Нельзя нам.

— Если сам не выпьёт, насильно волью! — начинаю злиться. Помочь хочу людям, а они тут из себя целочек строят. — Живо!

Подействовало. Мужик зажмурил глаза и открыл рот, куда я и влил содержимое ковша. М-да... Картина: «Рыба, выброшенная волной на берег». Как бы не окочурился. Беру с лавки свой гольф и сую ему под нос.

— Занюхай! Занюхай, говорю...

Мужичка отпустило. Даже лицо порозовело. У-у, глазки осоловели. Значит, пора. Велю показать, какой зуб болит? Потом ищу глазами приспособу, чтобы засунуть её между зубов. А то сожмёт челюсти и хрен, что сделаешь. Ещё зубы себе покрошит. Нашёл подходящий сучок, велел плотно сжать его зубами. Емеле же приказал зафиксировать товарищу голову и не отпускать. Сам тем временем примеряюсь клещами к большому зубу. Заодно говорю Прохору, чтобы закрыл глаза, а то их вид меня сильно смущает. С горем пополам удалось аккуратно обхватить зуб клещами. Сразу не дёргаю, расшатываю потихоньку. Иначе сломаю, вообще хрен выдернешь. Большой снова начинает мычать. Видать, я с анестезией ошибся, доза мала оказалась. Ничего, потерпит.

В какой-то момент понимаю, пора! Резко тяну клещи на себя и... Лечу с ними назад... За спиной неизвестным образом оказался деревянный таз с водой. Об него и запнулся. В результате моего падения произошло сразу несколько событий. Первое, зуб полностью покинул место прежней дислокации. Успел всё-таки выдернуть. Второе, вместе с зубом изо рта вылетел сучок, который зажимал Прохор. И всё бы ничего, но этот дебил заорал так, словно ему шилом в задницу ткнули. Практически одновременно с криком Прохора за дверью раздался истошный бабий вопль: «Убили!», после чего послышался шум обвалившейся поленницы и топот бегущего тела.

— Емельян, помоги подняться! — матерясь, на чём стоит свет, обращаюсь к охреневшему бородачу. Клещи с вырванным зубом по-прежнему держу в руке. — А ты чего орёшь, придурок? Всех переполошил. Сейчас весь дом сюда сбегится... Чё дёргаешься? А-а, руки связаны... Емельян, развяжи своего товарища. А ты слушай, пока я не забыл... День тебе пищу принимать нельзя, а то в ранку зараза попадёт.

— А пить можно? — спрашивает вполне осмысленно. Ишь ты, очухался.

— Не можно, а нужно! А ещё нужно постоянно полоскать рот хлебным вином. Только не глотай, а выплёвывай.

— Нее, мы вообще не пьём, — мотает головой, после чего глядит на освобождённые руки.

— Это правильно. На, держи свой зуб. Память тебе, — протягиваю ему клещи.

— Что здесь творится?! — словно бойцовский петух, в баню влетает хозяин дома.

— Да вот, Иван Данилович, всё помыться, никак не получается. Не знаю, чем приглянулся твоим холопам, но каждый самолично желает пройтись по мне веничком. Только не могут договориться промеж себя об очередности.

Выслушав мой ответ, Иван Данилович обводит нас внимательным взглядом... Замечает в руке Прохора клещи с выдернутым зубом, стоящую на лавке бутылку с хлебным вином, мои трусы и футболку, из-под которых выделяется рельефное тело...

— Так, пошли все вон, кроме господина Леона! Бутылку оставь! — это уже Марфе, которая тишком протиснулась в баню и попыталась забрать «лекарство».

Я тем временем замечаю за спиной Марфы Прасковью и саму хозяйку дома. М-да, скучно в деревне без цирка. Наконец все уходят. Остаёмся вдвоём с Иваном Даниловичем. Он вызвался самолично меня попарить, а заодно послушать, что здесь произошло на самом деле? Так же попросил рассказать про одежду. Очень уж она необычная...

ГЛАВА 6

УТРО КРАСИТ НЕЖНЫМ СВЕТОМ...

Я проснулся от детского смеха и топота. Сразу в голову пришла мысль: «Люблю ли я детей?» Внутренний голос услужливо подсказал: «Если с хорошим кетчупом или майонезом, то, пожалуй...»

Представив детишек, измазанных майонезом, вспомнил анекдот на тему: «Бес в ребро, а молодки далеко». Оно и понятно, какие старику молодки с его-то пенсией? Поэтому он лезет к своей бабке, типа, давай вспомним молодость, займёмся оральным сексом... Бабулька, глядя с сомнением на сморщенный дедов причиндал, стала выдвигать условия, что неплохо бы сначала намазать его сметанкой, мёдом, вареньцем... Старик не выдержал кулинарных перечислений и ляпнул, что такой член он и сам пососать может... Кстати, а чего это с утра пораньше меня потянуло на пищеварительные темы?

Хм... А почему я решил, что сейчас раннее утро? Если судить по густой темноте, которая наполняет мою комнату, то на дворе полярная ночь. М-да, хреново, когда в помещении нет окон. Ещё хуже, если в этой комнате отсутствует электричество. Вчера, общаясь в бане с Иваном Даниловичем, я понял, что спичек тоже нет. Вообще. Огни разжигают при помощи огнива.

Надо вставать. Время всяко уже много. Раз дети носятся по дому, как лоси, значит, выспались. А мы вчера засиделись с Белкиным в бане. Сначала я развеселил его рассказом о том, как дёргал Прохору зуб. Вспомнили истории о покойном Петре Великом, который тоже любил поработать в качестве дантиста. Во время рассказа я узнал, что Боровск чуть ли не центр обитания староверов, поэтому народ к питию и табакокурению относится крайне отрицательно. Сам Иван Данилович придерживается официальной веры, но вполне лоялен к другим религиям. Страсти же нагнетают церковные иерархи и необразованные людишки, наслушавшись эмоциональных проповедей.

Себя Белкин считает грамотным. Умеет читать, писать, делать несложные математические действия. Короче, уровень четвероклассника моего времени. Здесь это считается если не круто, то где-то близко. К тому же работает он судьёй при воеводской канцелярии. А вообще хотел быть военным, но травма, приведшая к хромоте, закрыла путь к военной службе. То-то я думал, что походка у него странная.

Между прочим, пьют в Боровске мало, зато гонят много. Этим занимаются, как сами купцы, так и дворяне. Всё уходит на продажу. В плане торговли здесь вообще конкуренция. А я всегда считал, что дворянам заниматься торговлей запаadlo. На словах, может быть, и так, но на деле каждый стремиться урвать лишнюю копейчку. Кстати, по поводу копейчки... Мой работодатель объявил, что моя кандидатура его полностью устраивает, и он готов платить мне за работу сто рублей в год. Интересно, много это или мало? М-да, пока по магазинам не походишь, не узнаешь. Так же Иван Данилович намекал про подарки и поощрения. Например, отрез хорошей ткани для пошива костюма.

И вообще мне показалось, что он передо мной заискивает. С чего бы вдруг? Неужели считает ценным работником? Боится, что перекупят? Проявляться это начало после того, как я рассказал ему про свои трусы и футболку. Рассказал, естественно, легенду. Зато приоткрыл кое-какие секреты. Трусы-то у меня с резинкой. А здесь её ещё не придумали. Это я знаю точно! Смотрел как-то передачу «Галилео». Резину случайно изобрёл некий

Чарльз Гудбир в 1839 году. Нет, я не предлагал Ивану Даниловичу совместный бизнес. О таких вещах думать ещё рано. Но он, похоже, нашёл во мне источник тайных знаний, которые можно с пользой применить. А ещё Белкин плакался по поводу сгоревшей дачи. То есть загородного поместья. Плакался, как я понял, не случайно. На это его подтолкнуло моё заявление о том, что неплохо разбираюсь в архитектуре. Спрашивал, могу ли я составить проект? Могу, без проблем. У меня больше десятка авторских разработок. Тем более, здесь не требуется проводки газа, электричества, водопровода. Вопрос в другом, что мне за это будет? А то непонятно, гувернёр я или архитектор? Тут и старшего сына нужно воспитывает, и («...если вас, конечно, не затруднит...») за младшим присматривать. Короче, пытаются нагрузить по полной.

Домой мы с Белкиным вернулись под утро, когда баня уже начала остывать. Напарились, намылись... Он ещё предлагал выпить. Я отказался. Отказался по нескольким причинам. Во-первых: очень сильно болею с похмелья. Не всегда, конечно. Если только перепью или качество напитка говённое. Здешнее пойло убивает всякую надежду на радужное утро. Во-вторых: отсутствие таблеток от похмелья. Активированного угля нет, аспирин нет, анальгин тоже нет. И это я перечислил самое элементарное. И в-третьих: начинать новую жизнь с пьянства как-то не комильфо. Какой из меня воспитатель, если буду дышать на ребёнка перегаром? Меня бабушка не поймёт! Да, скорее всего я её больше никогда не увижу. Но память-то, любовь и уважение остались со мной...

Белкину же я сказал, что пью лишь хорошо очищенные напитки. Он сразу стал выпрашивать секрет изготовления «божественного нектара». Секреты я знаю. Насмотрелся в своё время, как Михаил Петрович делает различные виды самогона. Там было и для себя, и для гостей, и в качестве лекарств... Что ж, я намекнул Белкину, что секрет открыть можно, но что взамен? Пусть думает...

Во время общения с Иваном Даниловичем я больше всего размышлял о своей роли гувернёра. В первую очередь мои мысли ходили вокруг учебного материала, то есть вокруг книг, по которым стану учить его сына.

Когда собирался в баню, мельком глянул на «свои фолианты». Для детей младшего школьного возраста там абсолютно ничего не было. Логика, риторика, философия, диалектика, какие-то кодексы, журналы... Причём всё на французском языке. Таким вещам нужно начинать обучать лет в пятнадцать, не раньше. Бульварные романы тоже ни к чему. В них одни глупости.

Короче, на Ивана Даниловича ложилась задача по снабжению меня самыми современными российскими учебниками. А ещё канцтоварами. У них дома я ничего подобного не заметил. Может в другой комнате? Кстати, выяснилась одна очень неприятная вещь... Пишут аборигены гусиными перьями!!! В рот — пароход, как быть?! Ни зачищать перья, ни писать ими я не умею!

Хотя можно сказать, что перья мне всегда готовил мой слуга, но он, к сожалению, умер в дороге от простуды. Пусть Белкин найдёт какого-нибудь писаря, который покажет мне мастер-класс по заточке перьев. Заодно придётся «поранить» руку. Сразу овладеть письмом у меня точно не получится, поэтому нужно прикрыть свою корявость травмой. Только желательно получить её естественным путём и лучше всего не во время показа приёмов тайной борьбы. А то какой я гуру? Белкин же не на шутку заинтересовался «секретами японских монахов». Особенно после того, как увидел у меня тату. Надо было выкручиваться, вот я и сослался на ритуал. Якобы всем посвящённым в тайну накалывают этот знак...

— Леонид Иванович, не желаете ли поспедать? — раздался голос Марфы после неуверенного стука в дверь.

— Желаю! — само сорвалось с губ. — Только принеси, пожалуйста, лучину в комнату. А то не видно ничего!

— Конечно, конечно, Леонид Иванович.

Надо же, Белкин уже проинструктировал свою дворню. Вчера сам спросил, как лучше ко мне обращаться? Ну, я и подыграл, типа, чтобы вам было удобно, произносите моё имя на русский манер. Потом ещё загнал мульку про царя Леонида из Спарты. Кто же не смотрел фильм про «300 спартанцев»? Белкин с таким вниманием меня слушал... Здесь, похоже, с развлечениями совсем глухо. У народа информационный голод, поэтому верят разным проходимцам. Хм... Это я о себе?

— Вот, Леонид Иванович... — Марфа прошла в комнату и установила лучину. Установила и стоит, мнётся.

— Сказать чего хочешь? — спрашиваю у неё, встав со своего топчана. М-да, жестковато, однако. Нарастить бы матрасик.

— Вы уж не серчайте на меня за вчерашнее, — делает виноватые глазки.

— А-а, пустое, — махнул рукой. — Лучше скажи, как там Прохор?

— Благодарствуем, Леонид Иванович. Перестала щека у него болеть. Только десна немного кровит.

— Пока ранка не заживёт, так и будет кровить. Пусть на той стороне пищу не жуёт, а после еды обязательно рот поласкает. И про хлебное вино не забывайте. Оно заразу в ранке убивает.

— Хорошо, хорошо.

— Тогда иди, — пытаюсь отослать её. Хочется одеться без лишних глаз.

— Может вам ещё какая помощь требуется?

Вот же навязчивая. Ни вздохнуть спокойно, ни пёрнуть. Ну, сама напросилась...

— Требуется, Марфушенька, очень требуется... Дёрни меня скорее за палец, — и протягиваю ей указательный палец правой руки. Женщина, без всяких раздумий дёргает. Я под это дело громко выпускаю газы... — Ой, спасибо, моя дорогая, ой, спасибо! На душе сразу так легко стало...

Баба стоит и обескураженно хлопает глазами. Видать не знала подобного способа борьбы с метеоризмом. То ли ещё будет!

— А теперь иди, милая, — пытаюсь состряпать самое невинное лицо, — приготовь воду, умыться с утра надобно.

Ушла. А я задумался над тем, как и чем мне бриться? Станков фирмы «Gillette» здесь нет, геля для бритья тоже, и с мылом беда — дорогое. Поэтому люди моются щёлоком. Ладно, чего грустить? Белкина бреет Прохор, значит, и меня побреет. Тем более должок за ним. Услуги стоматолога стоят не дёшево...

Одеваясь, наткнулся на бокорезы... Что же, пора заняться воспитанием детей, а то что-то они расшалились. С этими мыслями выхожу в общую комнату.

— Марфа, а где Иван Данилович и Мария Васильевна?

— Барин ушёл на службу, а барыня в церковь.

Теперь понятно, почему барчуки такие активные, осадить некому. Делаю строгое лицо и командным голосом рявкаю:

— Дети, быстро ко мне! — моя фраза производит эффект разорвавшейся бомбы. Оба

пацанёнка, словно натолкнувшись на невидимую стену, замирают. В глазах испуг и удивление. У Марфы тоже всё не слава Богу, кувшин из рук выронила. Хорошо, что пустой. — Чего стоим? Или команда не проходит?

Переглянулись и не знают, что делать? Я тем временем беру табурет, сажусь на него и продолжаю вопросительно смотреть на детей. Старший решился подойти первым. Младший жмётся за его спиной.

— Руки покажи, — снова приказываю. — Вниз ладони поверни... Ой, беда!

— Что такое, Леонид Иванович?! — подсказывает Марфа.

— Грязь под ногтями! Не пристало дворянину, и уж тем более будущему офицеру быть таким неаккуратным.

— Э-э... — женщина не знает, как себя вести.

— Ничего, мы поможем этой беде! — меняю тон с приказного на ласковый. — Садись-ка, Степан Иванович, ко мне на колени.

Пока ребёнок размышляет, быстро подхватываю его и усаживаю лицом к окну. Потом достаю из кармана бокорезы, беру правую ладонь ребёнка в свою руку и начинаю аккуратно стричь ногти. Степан сидит, словно лом проглотил. Кажется, даже не дышит... Нее, дышит, слава Богу. Маленький Васька подошёл поближе и с любопытством следит за процедурой. Марфа тоже не уходит. Чтобы не стояла без дела, отдаю ей остриженные ноготки. Нечего мусорить на пол. Закончив со Степаном, сажаю на колени Василия Ивановича. Тёзка Чапаева ведёт себя более раскрепощённо. Понял, что с братом ничего плохого не случилось, и сразу проникся симпатией к маникюрным процедурам. А потом мы все вместе мыли руки. Нечего грязь оставлять под ногтями. А вот кушал я один. Правда, детей посадил рядом. Чтобы смотрели на меня и запоминали. Ем, а сам комментирую:

— Осанка во время приёма пищи у будущего офицера должна быть ровная. Иначе гусь он лапчатый, а не офицер... Кушать нужно не спеша, с достоинством, а еду тщательно пережёвывать, чтобы лучше усваивалась организмом и прибавляла силы. Кто глотает её, как собака, никогда не станет хорошим офицером, ибо теряет человеческий облик... Локти на стол не ставим. Так делают только свиньи... Второе блюдо необходимо кушать при помощи ножа и вилки... Нож берём в правую руку, а вилку в левую...

Говорю и ем, говорю и ем... У детишек даже слюни потекли. Было бы с чего. На первое вчерашняя уха, на второе жаренные с салом яйца, отдельно лепёшка и сбитень. Яйца, между прочим, пожарены в чугунной сковороде. Есть из сковороды я не стал. Попросил у Марфы деревяшечку, похожую на лопатку, и с её помощью переложил блюдо в тарелку. Тарелка из керамики, расписана петухами и покрыта глазурью. Такую посуду называют, вроде, майоликой. Производство, скорее всего, местное. Серебряная ложка и двузубчатая вилка тоже не тянут на импортную диковинку. Кстати, нужно тщательнее покопаться в «своих» баулах. Неужели я отправился в путь без столовых принадлежностей?

— После того, как покушали, губы необходимо промокнуть чистым платочком или салфеткой, — что и делаю, достав шёлковый платок. — Затем необходимо тщательно прополоскать рот водой, чтобы удалить остатки пищи, иначе она начнёт гнить и источать смрадный запах. Ещё лучше полоскать не водой, а отваром из трав: ромашкой, полынью, зверобоем, шалфеем... Кстати, Марфа!

— Что, Леонид Иванович? — женщина вздрогнула от неожиданности. Тоже внимательно меня слушала, хотя делала вид, что занята по кухне.

— Прохору скажи, пусть свой рот отварами полощет. Полезно это. Лучше всего

попынью. Кстати, где он?

— На конюшне мастерит что-то...

— Мастерит — это хорошо. Плохо, что я не бритый. Слуга у меня был раньше, большой умелец по этому делу. Но умер, сердешный, в дороге. Простыл. Лихоманка стубила. Некому стало меня брить, — делаю скорбное лицо.

— Конечно, конечно, Леонид Иванович, — и пулей вылетает из комнаты.

— Ну, а вы, орлы, чего задумались? Запомнили, что я вам рассказывал?

— Да! — не задумываясь, выпалил младший.

— Хорошо. Тогда садись на моё место, и повтори, всё, чему я учил...

— Э-э, — мнётся.

— Не робей, Василий Иванович! Имя у тебя такое, что не пристало робеть. Ты главное начни, а мы со Степаном Ивановичем тебе подсказем. Подсказем, же? — гляжу на старшенького.

— Угу, — кивает головой.

Правильно, он старший, негоже его подставлять. А вот внимательности учить надо. Послушает братика, вспомнит, что не так, сделает замечания. Главное, чтобы не насмеялся. Во время учёбы только дураки насмеются. Тут не цирк, а тренировка памяти. Но шутить можно, если в тему.

Пока малец с важным видом принимал гордую осанку, с улицы прибежали Марфа с Прохором. Я велел Марфе дальше заниматься своими делами, а Прохору приготовить всё для моего бритья. А дальше четыре пары ушей слушали Васькины рассуждения. Конечно, ошибался. Я ненавязчиво поправлял, и одёргивал Степана, когда тот начинал чересчур эмоционально тыкать на ошибки. Мол, старший брат должен быть рассудительным и спокойным.

Настала очередь Степана садиться на моё место, но тут Прохор объявил, что всё готово и плотоядно продемонстрировал опасную бритву. Ну, и рожа... Вылитый Джек Потрошитель. Даже боязно к нему подходить. Вдруг захочет отомстить за вчерашнее? Но деваться некуда. Мысленно попросил у всех обиженных мною людей прощение, подмигнул детям и разрешил им отдохнуть, а сам шагнул навстречу неизвестности... Прохор намазал мне лицо какой-то фигнёй, после чего бритва замелькала в опасной близости от моих глаз. Жутко. А латентный убивец, скрывающийся под маской добродушного брадобрёя, только подливает масло в огонь, загадочно заглядывая в мои глаза. Хрен тебе! В наших глазах крики: «Вперёд!»

Пока меня брили, успел пропеть песню Виктора Цоя три раза. Тут рядом объявилась Марфа. Принесла откуда-то малюсенькое зеркальце и протянула мне. Охватить взглядом всё лицо сразу проблематично, поэтому высматриваю изображение по кускам. Я не спешу. Желая отомстить за пережитый мною ужас, держу интригу. В ожидании вердикта, муж с женой затаили дыхание. Как бы не окочурились от недостатка кислорода...

— Отличная работа, Прохор! — возвращаю людям надежду к жизни. — Вижу, что на тебя можно рассчитывать.

— Всегда, пожалуйста, со всем уважением, Леонид Иванович, — расцвёл мужичок.

— Тогда не буду тебя больше задерживать, — даю понять, что может заниматься, чем угодно. А то начнёт расшаркиваться, осерчаю и нагрублю. Не люблю слащавости в разговорах, противно. Кстати, нужно сходить в свою комнату. Видел в сумке какую-то парфюмерию. Вроде, одеколон. Вот и освежим личико...

ГЛАВА 7

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ

Благоухая цитрусовым ароматом, как порезанный на дольки апельсин, стою посередине общей комнаты и размышляю, чем же заняться дальше? Во время этого занятия вдруг замечаю, что Стёпка, Васька и Марфа заинтересованно водят своими носами, словно волки. Ага, учуяли мой парфюм!

Спасибо тебе, неизвестный Лионель Фишер, хорошее наследство мне оставил. В флаконе действительно находится одеколон, причём цитрусовый. Интересно, в России такой делают? Скорее всего, неизвестный мне философ привёз его из Европы. Кроме одеколona я обнаружил пару батончиков душистого мыла, зеркальце, помазок и бритву. Всё было аккуратно уложено в коробочку. Прямо, как аптечка у автолюбителя. Нужно будет бритву показать Прохору, пусть сравнит, оценит. Тем более не стоит бриться чужим станком, когда есть свой, не гигиенично это. А ещё мне в комнату требуется комод, чтобы разложить по полкам свои вещи. Постоянно ковыряться в баулах уже надоедает. В доме я комодов не заметил. Только сундуки по углам. Кстати, нужно зайти в комнату к Белкиным и поглядеть, как у них там всё устроено?

— Марфуша, — ласково обращаюсь к кормилице, которая занимается каким-то шитьём, — а где обычно спят дети?

— Там, — кивает головой на дверь, глядя на меня с любопытством.

— А поглядеть можно?

— А чё там глядеть-то? — любопытство сменяется недоумением.

— Марфа, ты еврейка, что ли?

— Э-э... — сначала зависает, а потом энергично мотает головой и спрашивает обиженно, — чего это вдруг я — еврейка?

— Потому, что только евреи отвечают на вопрос — вопросом. Я же тебя спросил, можно ли поглядеть, в каких условиях живут дети? Да или нет?

— Конечно, можно. Нет там ничего тайного, — продолжает дуться.

— Тогда будь так любезна, покажи мне их комнату.

— Ну, пойдёмте, — нехотя оставляет шитье и поднимается с лавки.

— А вы куда? — грозно смотрю на детей, которые решили увязаться следом. — Садитесь за стол и вспоминайте всё, чему учил вас во время завтрака, — пацаны разочаровано вздыхают и идут к столу.

Что можно сказать про комнату Белкиных? Здесь есть окно, которое очень похоже на двух своих товарок из общей залы. Так же, как и там, на полу разложены цветные половички. Из красного угла на всех вошедших строго глядит неизвестный мне святой. Святого из общей комнаты я тоже не знаю. А ещё помещение разделено на две части шторкой. За шторкой находятся детские кровати. Блин, а когда пацаны подрастут, где им спать?! Тесновато тут. Если только предложить Ивану Даниловичу двухъярусную кровать... Одну такую я даже сам проектировал для Даньки. Друган был счастливым отцом девочек-близняшек. Правда, в этом времени с матрасами запарки. Ортопедических нет. У меня вообще набит соломой. Сами же хозяйева спят на здоровенной перине.

— Лебяжий пух, — с гордостью заявляет Марфа, после того, как я пощупал постельные аксессуары Белкиных.

Наволочки подушек украшены затейливой вышивкой. Сами подушки сложены аккуратной горочкой. И вообще, в комнате царят уют и чистота. Даже мочой не пахнет. Видать Марфа все ночные горшки опорожнила. Надо будет сказать, чтобы из моей комнаты тоже вынесла. Ходить на двор пока лень, если только по большому приспичит... Так... Шкафов и комодов не видно. Всё те же сундуки и полочки на стенах. Ага, наконец-то обнаружил вещи, связанные с типографией, то есть книги. Похоже что-то религиозное. В руки брать не стал. Так же замечаю принадлежности для письма и маленькие кисточки. Неужели детишки чего-то малюют?..

Продолжая осматривать комнату, пропустил момент, когда в доме появились новые действующие лица. А вот Марфа среагировала оперативно. Оказывается, из церкви возвратилась хозяйка, которая ходила туда с Прасковьей. С ними пришёл какой-то мужик. Мария Васильевна разговаривает с ним почтительно, а Марфа помогает ему снять шубу... Вот те на! Батюшка припёрся. Интересно, зачем? Проводить уроки с детьми, или моя персона вызвала интерес? Скорее всего, и то, и другое. Но моя роль главная. Будут оценивать, способен ли немец научить детей чему-нибудь хорошему. То-то вы научили, да так, что страна во всех науках от Европы отстала.

— Bonjour, messieurs, — здороваюсь одновременно со всеми, выйдя в общую комнату.

— И вам доброго дня, Леонид Иванович, — приветливо улыбается Мария Васильевна.

«Это чё, она знает французский? — искренне удивляюсь. — Нее, скорее всего, просто угадала. Я вчера здоровался похожим образом, наверное, запомнила».

— А я вот батюшку привела, — продолжает Белкина. — Знакомьтесь, Леонид Иванович, это отец Лазарь.

«Угу, — усмехаюсь про себя, — он же лазер, он же лузер... А ничего так себе батюшка мамон отъел. Даже если захочет с девкой согрешить, пузо не даст. Хотя, может быть у него член, как у коня Александра Македонского», — вспомнил я анекдот и чуть не заржал во всё горло. Сдерживаемый мною смех приняли за радушную улыбку.

— Рад, весьма рад, — батюшка пытается сделать движение, означающее поклон. Руку для пожатия не протягивает, видать не принято ещё. — Мне тут Мария Васильевна поведала, что вы желаете перейти в православную веру...

«Ох, ничего себе! Без меня, меня женили!..» Пока я мысленно метался в поисках выхода, благодаря которому смогу избежать вербовки в адепты любителей православия, подбежали мальчишки.

— Мама, мама, а Леонид Иванович нам ногти подстриг! — после чего дети наперебой поведали Марии Васильевне, а так же всем остальным, почему грязь под ногтями не красит дворянина.

— Леонид Иванович, что за бокорезы? — спросила Мария Васильевна, как только поняла, о чём идёт речь и рассмотрела пальчики своих сыновей.

— Да собственно вот... — я достал из кармана хорошо знакомый всем жителям 21 века предмет и протянул его Белкиной. Здесь люди тоже стригут ногти, но делают это при помощи перочинного ножа, который так же используют для зачистки перьев.

— Хм... Искусная вещица, — произнёс отец Лазарь, повертев вслед за Белкиной в свои руках бокорезы. — А что на них за письмена?

«Мля! Какие ещё письмена?» — обдало меня жаром. Стараясь сохранить на лице спокойствие, беру бокорезы в руки и читаю: «Zinger» в степени «R». Рядом артикль, состоящий из букв и цифр. Даты, слава Богу, нет.

— Это, отец Лазарь, клеймо. Так мастер помечает своё изделие, чтобы конкуренты не подделали.

— Хм... Понятно. А что это за металл? Никогда такого не видел.

«Хромированная сталь!» — чуть не ляпнул я, но вовремя тормознулся. Менделеев свою таблицу придумает к концу следующего века. Поэтому, скорее всего, о хrome ничего не известно. А уж о процессе хромирования тем более. Нет таких технологий, как и самой гальваники. Это я знаю точно. Как-то на уроке по истории архитектуры нам рассказывали про Исаакиевский собор в Питере, который украшен скульптурами, изготовленными при помощи гальванопластики. Меня это вопрос заинтересовал, я проник в тему глубже... Короче, ждать ещё лет сто...

— И я не знаю, отец Лазарь, — развожу руками, — Мастера берегут свои секреты от посторонних глаз и ушей. Недаром европейские монархи щедро финансируют науку. Благодаря новым открытиям вложенные деньги окупаются сторицей.

— Это вы о чём, Леонид Иванович? — живо интересуется служитель церкви, а у самого плещется алчный огонёк в глазах. Надеюсь, на время забудет о своих религиозных поползновениях в мою сторону. Я же пока попробую придумать убедительные отмазки.

— О науках, уважаемый, отец Лазарь, о науках. А сейчас прошу покорнейше меня простить. Неотложные дела, знаете ли, вынуждают покинуть ваше прекрасное общество, — с этими словами разворачиваюсь и иду в свою комнату. Нужно накинуть верхнюю одежду. А идти мне потребовалось в уборную. Нижний «клапан» дал знать о себе. Как раз в тишине и поразмышляю.

— Какие дела, Леонид Иванович? — слышу за спиной расстроенный голос хозяйки.

— Дела, о которых при дамах не говорят, — останавливаюсь на секунду и изображаю виноватую улыбку. Надеюсь, не дура, поймёт. Кстати, заметил за собой одну особенность, во время бесед с аборигенами пытаюсь вспомнить фильмы с историческим сюжетом. Для чего? Ворую оттуда фразы. А то мой чересчур современный русский язык приводит народ в тупик. Вроде бы говор родной, а смысл инопланетный.

Где находится сортир, мне Белкин показал ещё ночью. Ходить в бане по нужде, пусть даже по малой, я наотрез отказался. Для меня это всё равно, что вместо унитаза ссать в раковину. А бегать было с чего. После того, как я забраковал местную водку, Иван Данилович кликнул Емельяна и велел ему принести квас. Тот и принёс здоровенный жбан. Литров на пять, не меньше. Пока мылись, да лясы точили, сосуд полностью опустел.

На распутье между баней и сортиром я тормознулся. Нет, камня с указательными надписями не увидел. Просто в голову пришла вполне логичная мысль: «Чем подтираться?» Туалетная бумага отсутствует, для лопухов тоже не сезон... Вспомнил одного знакомца, с которым вместе работали на объекте. Там все удобства тоже располагались на улице. Так вот, когда он ходил в туалет, то всегда брал с собою полторалитровый баллон с водой. Или даже два. На вопрос: «Зачем?» Ответил, чтобы подмываться. Бумажкой всё равно все складки чисто не вытрешь. Парень, между прочим, был мусульманином, а научил его мулла. Правильно, кстати, научил: нижнее бельё не измажется, нечему будет засыхать и карябать нежные участки кожи... Поэтому я сначала пошёл в баню. Там Прасковья каждое утро в здоровом медном чане подогревает воду. Её, обычно, используют для стирки.

Зашёл в баню... Темновато. Свет вовнутрь проникает лишь через маленькое волоковое оконце, предназначенное для выхода дыма из помещения. Ничего, чан видно. Потрогал воду... Ещё тёплая. Это хорошо! А то попа кашлять начнёт. Осталось найти ковш. К

сожалению, пластиковых баллонов пока не придумали. Блин, ни хрена не видно! А огнива у меня нет. Да и пользоваться я им не умею. Пока лучину запалю, весна настанет. Короче, вошкаюсь, как крот в норе. Ещё плащ постоянно за что-нибудь цепляется. Уже и не рад, что пошёл в баню. Давление на нижнюю часть тела растёт, а предохранительный клапан в организме природой не предусмотрен. Наконец-то! За чаном прятался. Набираю воду и бегу к сортиру... Бегу, а сам думаю, как бы не упасть? И ещё бьётся одна тревожная мысль, получится ли быстро расчехлить иновременную одежду? Подбегаю, дёргаю на себя дверь...

— Сука!!! — выдыхаю с яростью, абсолютно наплевав на чувства верующих. И когда только успел? Прямо передо мной раскорячился отец Лазарь. Теперь запор ему точно не грозит, даже если таковой имелся. Мой свирепый вид был способен напугать кого угодно.

— Ч... ч... что с... случилось, сын мой? — спрашивает, заикаясь.

— Терпеть уже не могу! А тут ты... — шепчу злобно.

— Так зайди за угол, ничего страшного... — и улыбается, сука...

ГЛАВА 8

КРАДУЩИЙСЯ ТИГР, ЗАТАИВШИЙСЯ ДРАКОН

Говорят, что общая беда сближает. Поэтому, когда к сотрудникам уголовного розыска попадает в разработку бывший сиделец, они «пробивают» всех его корешей по отсидке. Всё правильно, кому же ещё доверять, как не человеку, с которым вместе чалился? Вот и я сменил гнев на милость, когда принял гордую позу орла за углом туалета.

— ... это всё потому, отец Лазарь, что женщины по натуре существа эмоциональные, вот и пытаются выдать желаемое за действительное.

— Но разве вы сами, Леонид Иванович, не говорили...

— Говорил, — перебиваю батюшку, скрытого от моего взора туалетной стенкой. — Только я говорил, что мысли о переходе в православие меня посещают. Да — посещают. Но думать — это одно, а принять решение, которое останется со мною на всю жизнь — совсем другое. А если честно, отец Лазарь, то я разочаровался в христианстве.

— Отчего же? — кряхтя, спрашивает служитель церкви.

— Сами посудите, Христос учил милосердию. Основной его постулат: «Возлюби ближнего своего». А что происходит на самом деле?

— Что?

— Католики и протестанты режут друг друга похлеще заправских мясников. На Руси, как я знаю, после реформ Никона тоже произошёл церковный раскол. Все ратуют за Христову веру, но при этом люто ненавидят друг друга... — на этот выпад отец Лазарь не ответил, было слышно лишь его кряхтение, а я продолжил. — К тому же у меня есть личные претензии к служителям церкви.

— Это какие? — ишь, встрепенулся.

— Бабушка моя отличалась удивительной красотой. Так вот, когда раньше срока почил в Бозе мой дед, молодая вдова осталась с двумя детьми, которых нужно было растить и воспитывать. Сами понимаете, как это трудно. Один монах взялся ей помогать, но за помощь стал требовать плотской близости. Когда же бабушка возмущённо отвергла его притязания, то он обвинил её в колдовстве и в том, что она специально уморила своего мужа. В результате женщину сожгли на костре. А теперь скажите мне, уважаемый отец Лазарь, что это за христиане такие, которые радостно прыгают вокруг горящего костра, где заживо горит человек? Ужель это не бесовщина?

Я намеренно выдумал эту историю. Просто всегда хотелось понять, почему священники, рисуя для народа всевозможные дьявольские проявления, сами ведут себя подобным образом?

— А как вы про это узнали? — задаёт батюшка вполне логичный вопрос, но не отвечает на мой, что снова наводит меня на мысли о пейзажах...

— Во время учёбы в Королевском колледже я имел возможность посещать многие архивы. Так вот, ко мне случайным образом попало дело с обвинениями в адрес моей бабушки. Ещё ранее я наткнулся на переписку двух монахов, в которой один открывает другому истинные цели своего поступка. Самое ужасное, что тот, кому направлено послание, не пресекает злые намерения, а подсказывает, каким способом лучше достичь желаемого. Как вы понимаете, первым монахом был тот, кто домогался моей бабушки.

— Сын мой, — после тяжёлого вздоха, начинает говорить отец Лазарь, — Господь Бог

посылает нам испытания, чтобы проверить, насколько сильна наша вера... Вспомни, как Исаак не побоялся принести в жертву своего сына...

«Чё ты несёшь?!» — так и хотелось крикнуть. Испытания женщине с двумя детьми? Если бы эта история не являлась выдумкой, а случилась на самом деле, то женщина ради детей сто процентов отдалась бы тому монаху. Или батюшка защищает своих коллег?

— Сволочь был ваш Исаак! — перебил я, не сдержавшись. Несмотря на моё безразличие к религии, некоторые общеизвестные вещи, благодаря телевизору и интернету, осели в моей черепушке.

— Э-э... — мой сосед издал странный звук. То ли тужится, то ли возразить хочет. Наконец разродился, — Почему — сволочь?

— Потому, что родители ради детей жизни свои не жалеют. А этот придурок ребёнком прикрылся.

— Ради веры...

— Вот и принёс бы сам себя ради веры! — снова перебил я. — Поэтому, уважаемый отец Лазарь, прошу не торопить меня с принятием решения. Слишком много сомнений в моей душе. Кстати, вы же преподаёте старшему сыну Ивана Даниловича Закон Божий?

— Да.

— Разрешите мне тоже присутствовать на этих уроках...

— Конечно. Только зачем вам?

— Чтобы лучше понимать принципы православия. А ещё мне необходимо улучшить свои познания в русском языке. Надеюсь, вы не откажите?

— Нет, конечно. С удовольствием с вами позанимаюсь. Кстати, а вы вполне сносно говорите на русском. Где научились?

— Мой слуга был поляком. Всё от него, — кинул я непроверяемую отмазку.

Тут мои «булки» стали заметно коченеть. Да и организм, вроде, избавился от излишков. Сунув палец в ковш, убедился, что температура воды ещё вполне приемлемая. Поэтому я быстренько провёл необходимые процедуры и натянул штаны.

— Вы уже всё? — слышу голос своего товарища по отсидке.

— Угу, — киваю.

— Я тоже. Пойдёмте в дом?

— Конечно. Только сначала приберу за собой. Всё-таки мы не свиньи, чтобы гадить, где попало, — с этими словами я взял кусок древесной коры, лежащей поблизости, поддел им коричневое новообразование и отнёс в туалет.

— Станный вы, — глядя на мои действия, прокомментировал батюшка. — Пусть бы лежало до весны, а там вместе со снегом...

— Во всём должен быть порядок, отец Лазарь. Этим и отличается человек от скотины. Представьте, что к вам в дом пришла куча гостей, и каждый оставил своё «яблоко», да не там, где положено... «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой», не это ли велит нам святая книга?

— Ну-у... — задумался батюшка. — Могли бы приказать холопам.

С улыбкой развожу руками, а самого злость берёт: «Могу, конечно, могу! Сначала нагадить, а потом искать того, кто подчистит за мной моё дерьмо». И ведь не объяснишь, не поймёт. Это всё равно, что пытаться убедить волка отказаться от мяса. Кроме конфликта ничего не выйдет. Поэтому, как говорится, улыбаемся и машем...

— Отец Лазарь, а у вас есть поместье? — хочу проверить свою догадку.

— Да, сто пятьдесят десятин.

— Э-э... — я зависаю. — А это сколько?

«Блин горелый, мало того, что алфавит здешний не знаю, так и с единицами измерения полный напряг. Надо будет хорошенько проштудировать местные учебники... Кстати, а не написать ли на их основе новую книгу по математике? Ну, а чё? Привести, так сказать, всё к единому знаменателю. Даже отца Лазаря можно позвать в соавторы. Тем более слово „метр“ является греческим по происхождению. Это мне бабушка говорила. А в России вера от греков... Ладно, поживём, увидим».

На основе объяснений отца Лазаря, я понял, что десятина — это примерно один гектар. То есть у него сто пятьдесят гектаров земли и сорок пять душ крепостных крестьян. Интересно, много это или мало? Ах, вот оно что... Счёту поддаются только лица мужского пола. А женщины что, как бы не существуют? Жуть!

— Отец Лазарь, а где вы учились? — очень мне любопытно.

— В славяно-греко-латинской академии, — заявляет гордо.

Слышал, слышал. Правда, даже не знаю, где она находится и когда её основали? Отец Лазарь говорит, что в 1687 году в Москве. Тогда страной управляла сестра Петра I, Софья. Похоже, умная баба была. А после Петра одни алкоголички стали на престол взбираться. Вот ни за что не поверю, что Софья имела склонность к подобному. Не тот менталитет. Это уже потом Пётр вместе с науками кучу дерьма из Европы прихватил.

Кстати, во время общения с отцом Лазарем, меня всё подмывало сказать, что я буддист. А чё, мол, в христианстве разочаровался, а тут японский монах... Но слегка поразмыслив, оставил эту затею. Во-первых: здесь христиан-европейцев терпели лишь потому, что такова была политика государства. Но, как известно, народ далеко не всегда разделяет устремления властной верхушки. Во-вторых: я слышал, как гусары хаяли турок. Мало того, что турки — враг номер один, они ещё и басурмане. То есть люди иной веры. А как относятся к буддистам, я вообще не представлял. Наверное, считают язычниками. Какое — доверить ребёнка язычнику? На кол его! И третье: допустим, местная церковь в лице того же отца Лазаря приняла моё заявление спокойно и начала потихоньку выспрашивать, а что представляют из себя буддисты? И чего отвечать? Цитировать кодекс самурая, который я как-то полистал ради любопытства? Ага, только заикнусь о харакири, меня сразу объявят антихристом. Самоубийство-то большой грех! Про конфуцианство я тоже знаю немного. В основном по книге Сунь-Цзы «Искусство войны». Книга действительно интересная. Идеи заложенные в античности, оставались актуальными и в 21 веке. Кстати, захотел спросить у батюшки, известна ли ему такая книга? Но мы уже зашли в дом...

Мля, прямо, как в мультфильме: «Поели, можно и поспать, поспали, можно и поесть». Только в моём случае вместо сна выходит более «приземлённое» слово. Я-то думал, что сейчас отец Лазарь займётся обучением детей, а тут Мария Васильевна сажает гостя за стол, и меня заодно. Ага, second breakfast (второй завтрак)! В принципе, я не против. Тем более в меню пироги. Здешних пирогов я ещё не ел. Один с творогом, другой с ягодами, третий с луком и яйцом. Жаль, нет кофе. Или, хотя бы, чая. Пьём сбитень из местных даров природы. В принципе вкусно. Да ещё мёд в придачу. Грех жаловаться. А я и не заметил, когда Марфа занималась пирогами? Знаю, что такие вещи быстро не делаются...

В разговоре участия не принимаю. Батюшка и хозяйка обсуждают местные сплетни. Отец Лазарь тактично не упоминает наше с ним приключение. Молодец! Мария Васильевна, тоже не лезет ко мне с вопросами. Видать, возложила эту инициативу на батюшку. Короче,

сизу, слушаю, слушаю... Уже глазки начали слипаться. Блин, ну, сколько можно болтать ни о чём?! А дело когда? Потом подумал, раз мозги сами настроились на спящий режим, почему бы чуток не кимарнуть? Только собрался встать из-за стола, снова — мимо! Домой со службы вернулся Иван Данилович. Неужели на обед? И что, продолжение банкета? «Я не хочу быть таким, как отец Лазарь!» — невольно ужасаюсь, глядя на выпирающее брюхо служителя церкви.

— Леонид Иванович, пойдёмте на двор, — зовёт Белкин, после того, как поздоровался с батюшкой.

Все с любопытством смотрят на хозяина дома. Мне тоже интересно, куда и для чего меня зовут? Выходим... Блин, это чё за дура такая в руках у Емельяна? Вроде копьё, но больно здоровое.

— Мы что, собираемся охотиться на медведя? — пытаюсь за шуткой скрыть свою тревогу. Уж больно грозно смотрится копьё в руках бородатого мужика.

— А вы желаете поохотиться на медведя? — живо интересуется Иван Данилович.

— Нет! — отвечаю поспешно. Пусть с рогатиной на медведя ходит кто-нибудь другой. Упаси меня Боже от таких приключений. — Я против убийства незащитных животных!

— Это медведь-то незащитный? — весело смеётся Белкин, и забирает у Емельяна неизвестное мне холодное оружие. — Да вы шутник, Леонид Иванович. Надеюсь, не забыли о нашем вчерашнем уговоре?

— Это, о каком? — беседа всё меньше и меньше начинает мне нравиться.

— О приёмах тайной борьбы. Обещали показать.

— А копьё зачем? — тыкаю в грозную хреновину.

— Это не копьё, а протазан. Их имеют право носить только пехотные офицеры! — заявляет гордо.

«И на хрена?» — чуть не сорвалось с губ, но вовремя тормознулся. Слишком с большим пиететом отозвался Ивана Данилович об э-э... протазане. Вроде так он назвал здоровенное копьё. Он что, решил убить меня этой штуковиной?..

— Защищайтесь, Леонид Иванович! — слова хозяина дома приводят меня в ужас.

Блин!!! Позавчера с дерева грохнулся, вчера — в бане! Я ещё не отошёл от этих последствий, а тут новые приключения... Испуганно шарахаюсь в сторону от выпада копьём, нацеленного в мою грудь. А довольный Белкин начинает новую атаку... Ну, кто тянул меня за язык? Ага, захотелось похвастать приёмами айкидо. И ведь не пил же! На трезвую голову выдал компромат против себя... А Белкин, словно насмехаясь, короткими тычковыми движениями загоняет меня в конюшню. В какой-то момент на его лице появляется глумливая ухмылка, от чего я прихожу в холодную ярость: «Чё, хромой Сильвер, поиграться вздумал? Ну, держись!»

Ловлю взглядом тот миг, когда остриё оружия заканчивает движение вперёд и начинает возвращаться. Резко сближаюсь, хватаю древко руками, и помогаю своему противнику завершить начатое движение. Белкин, не ожидавший от меня подобной прыти, дёргает со всей дури протазан на себя, пытаюсь вырвать его из моих рук. Вектор наших общих усилий совпадает. В последнюю секунду я отпускаю древко. В результате хитромудрый барин теряет равновесие и шлёпается на собственный зад, а горячо любимый им протазан улетает в сторону.

— Ах ты, морда басурманская, барина бить?! — вдруг слышу сбоку яростный рёв и вижу, как на меня несётся Емельян.

Моё тело сработало чисто на рефлексах. Шаг в сторону с линии атаки, перехват руки атакующего и, используя инерцию его движения, раскручиваю мужичка вокруг своей оси, после чего отправляю полностью дезориентированное тело в свободный полёт. Емельян шмякнулся рядом с Белкиным, который смотрел на происходящее непонимающим взглядом. Тут из конюшни выскочил Прохор, сжимая в руке шило. Быстро сообразив, что «наших бьют», этот Маньячелло, злобно щерясь, двинулся на меня. Я ждать не стал. Удар «маваши гери» с правой ноги в челюсть отправил «маньяка» в нокаут.

— Кому добавки?! — похоже, вхожу в раж.

Добавка потребовалась Емельяну. Причём два раза. Действовал он по одному и тому же сценарию, поэтому летал по скотному двору, как фанера над Парижем. А Белкин, продолжая сидеть на снегу, с удовольствием наблюдал за этим зрелищем.

— Любо, Леонид Иванович, любо! — захлопал он в ладоши. — Лихо это у вас получается. Емельян, остепенись! Лучше помоги мне подняться.

Пока Емельян поднимал своего хозяина и лазил за улетевшим в сугроб протазаном, я приводил в чувство несчастного Прохора. Вчера зуб выдернули, сегодня снова надругались над челюстью. Хотя, сам виноват. На хрена попёр на меня с шилом? Ещё этот взгляд, как у маньяка... Во сне увидишь, кондрашка схватит.

— Леонид Иванович, я надеюсь, вы Прохора не убили? — слышу за спиной голос Белкина.

— Сам на это надеюсь! Кто меня тогда брить будет? Правда, после всего случившегося боязно подставлять ему свою шею, вдруг задумает недоброе...

— Ай, бросьте! Прохор мухи не обидит.

— Ага, а на меня с шилом бросился.

— Это он так пугал.

— Вот и допугался на свою голову. Прохор... — хлопаю мужичка по щекам, — ты меня слышишь?

— Слышу, барин, слышу... — разлепляет веки и водит по сторонам мутным взглядом. — Чем это вы меня так?

— А ты разве не видел?

— Нет. Помню, как вы сделали ко мне шаг, а дальше — темнота.

ГЛАВА 9

ВО МНОГИХ ЗНАНИЯХ МНОГИЕ ПЕЧАЛИ

Если женщина перестаёт верить в сказки, значит, она начинает стареть. А вот мужчины изначально воспринимают окружающий мир скептически. Это толкает их на разнообразные опыты, эксперименты... Иван Данилович Белкин тоже все мои «эпические» рассказы делил на три. Кто я? Немчура-схизматик, который приехал в Россию хрен знает, откуда и рассказывает всякие небылицы. Ну, как русскому человеку на это спокойно смотреть? Совершенно невозможно. Вот и решил устроить мне проверку.

Конечно, если бы я «сел в лужу», то работы не лишился. Муторное это дело — искать иностранного учителя. Зато мой авторитет упал бы ниже плинтуса. И как в таком случае выстраивать отношения? Если хозяин дома поглядывает на тебя с брезгливостью и пренебрежением, то дворня станет поступать аналогично. Правда, понимание всего этого пришло несколько позже, когда «разборки» на скотном дворе завершились и все «раненные» вернулись в строй. И тут на меня накатило... Боевой кураж пропал, зато начало трясти, как в ознобе. А Белкин, скотина такая, вдруг решил ознакомить меня со своим хозяйством. Ну, а чё? Раз «принят в стаю», то пусть поглядит, как мы живём.

Обход начали с конюшни, при которой находилась небольшая мастерская. Кузня — не кузня, плотницкая — не плотницкая... В общем, нечто универсальное. Потом пошли коровник, курятник, свинарник... Короче, хозяйство приличное. Подворье занимает не меньше тридцати соток. Ходим по нему, ходим... А я в сценических туфлях и плаще. Не догадался надеть валенки с шубой. Плюс отходняк даёт о себе знать...

— Леонид Иванович, да вы никак зубами стучите? — заметил моё состояние Белкин.

— Да вот, знаете ли, что-то замёрз, — пытаюсь бравировать.

— Нее, такое дело никуда не годится. Пойдёмте в дом, — говорит уверенно.

Пошли в дом... А в доме, прямо, как в храме: всё торжественно и величаво. В общей зале за столом сидит отец Лазарь и распевно читает какой-то церковный учебник. Рядом расположились Мария Васильевна и оба её сына. Пацаны откровенно зевают, зато женщина однозначно впала в религиозный экстаз. Глаза поблёскивают, на лице играет румянец... «Хорошо ей, — думаю про себя. — А меня что-то трясёт, как грушу. Блин, так и окочурится недолго. Угу, как раз в тему выйдет. Для отпевания всё готово: батюшка, безутешная вдова, дети-сироты, а вон и плакальщицы из-за печки нарисовались...» Марфа и Прасковья выглянули на шум, вызванный нашим приходом. И тут Белкин меня удивил:

— Марфа, быстро доставай пшеничное вино!

— Зачем, барин?

— Леонида Ивановича растереть надо! Замёрз, сердешный, а я не доглядел... Чего стоишь? Живо!

И начался в доме переполох. Женщины принялись причитать и мельтешить, отец Лазарь вздохнул, отложил в сторону книгу и прикрыл глаза, у мальчишек пропала сонливость, но вспыхнуло любопытство... А меня отвели в комнату, раздели, натёрли хлебным вином, заодно заставили выпить граммов сто, а после укутали, словно младенца. Ага, осталось только соску в рот сунуть. Вскоре народ рассосался, предоставив мне наслаждаться одиночеством. Хорошо, что лучину зажгли, а то бы лежал сейчас в потёмках, нюхая сивушный запах, исходящий от собственного тела. Но, как не странно, ничем особым

не воняло. К тому же накатила усталость, и я незаметно уснул...

— Мужчина, не желаете уединиться в отдельной комнате для приватного танца? — слышу над ухом мурлыкающий голос, а на моё плечо ложится мягкая ладонь.

Я отрываюсь от своего «Мохито», и с любопытством поворачиваюсь на звук чарующего голоса. Возле меня стоит длинноволосая блондинка с зелёными глазами. Девушка одета в прозрачный сиреневый пеньюар, длиной до середины бедра. Под ним легко угадывается высокая грудь четвёртого размера, прикрытая розовым ажурным лифом, который в состоянии спрятать лишь треть выдающихся округлостей. Осиная талия круто переходит в изящный овал бёдер, на которых держится узкая полоска розовых бикини. А на великолепных стройных ножках кокетливо красуются чулки в цвет пеньюара. Девушка заметно отличается от своих «подруг», которые сейчас извиваются на сцене возле шеста. Троица танцовщиц сплошь темноволосые. Вопреки стереотипу, на сцену к ним никто не лезет, деньги в трусы не суют. Мужчины вальяжно сидят на мягких диванчиках, общаются, выпивают, смеются, изредка бросают реплики в сторону стриптизёрш... Я же сижу один. Мой друг почему-то не пришёл. Общаться не с кем, девушки на сцене тоже не впечатляют...

— А пойдём, — махаю рукой и поднимаюсь со своего места.

Отдельная комната, огороженная от общего зала двойной плотной занавеской, представляет из себя помещение, размерами два на два метра. Стены задрапированы бордовой тканью, с потолка льётся приглушённый фиолетовый свет, полы покрыты синим ковролином. Из мебели только кожаный диван светло-коричневого цвета.

— Присаживайтесь, — мило улыбается белокурая прелестница, выпуская мою руку из своей.

Сажусь... А танцовщица тем временем поворачивается ко мне спиной, соблазнительно наклоняется и нажимает какую-то кнопку на стене. Комнату моментально заполняют звуки блюза.

— Вам нравится такая музыка? — спрашивает блондинка, выжидательно глядя в мои глаза.

— Вполне, — киваю великодушно.

От этих слов у девушки призывно вспыхивают глаза, она медленно проводит языком по своим губам и начинает двигаться в такт музыке... Комнатка небольшая, поэтому блондинка вьётся возле меня, как бабочка у цветка. То «случайно» заденет, то сядет, то легко толкнёт и отвернётся, словно желая уйти. Тем временем её многочисленные одёжки одна за другой непринуждённо покидают тело, открывая моему взору всё великолепие грациозной фигуры. И вот последний кусочек ткани падает на пол... Вау!!! От этого зрелища сердце в груди начинает бешено колотиться, а во рту всё пересыхает... Я не выдерживаю, хватаю девушку за ягодицы и притягиваю к себе...

В этот момент свет в комнате становится до неприличия ярким, драпировка со стен падает, и мы оказываемся внутри прозрачного аквариума. Собравшиеся вокруг него мужчины одобрительно свистят, хлопают, подмигивают... Но вдруг я замечаю среди них своих родителей и бабушку с дедушкой. Они тоже смотрят на нас. Затем мама с папой иронично хмыкают, разворачиваются и уходят, а вид бабушки и дедушки выражает полную растерянность, как бы говоря: «Ну, как же так?..» Я отталкиваю девушку, бегу к своим родным, чтобы объяснить, но натыкаюсь на стенки аквариума... На толстые стенки аквариума... На очень толстые стенки аквариума... Я бьюсь, бьюсь, бьюсь, словно муха об стекло, но сил не хватает. В результате обессилено падаю и начинаю плакать. В этот момент

свет в зале резко тускнеет, и я понимаю, что остался один.

Чья-то маленькая ручонка осторожно дёргает меня за рукав. Открываю глаза. На меня удивлённо глядит маленький Васька.

— Господин учитель, вы, что ли плачете?

— Ага, Василий Иванович, плачу, — и чувствую, как по щеке действительно течёт слеза.

— А зачем?

— По малой нужде сильно хочу, а вставать лень. Вот и думаю, поплачу, может, пройдёт?

— А чего лениться? — с этими словами малыш наклоняется и достаёт из-под моего топчана горшок. — Вот, держите! Марфа давеча его опорожнила. И плакать не надо, всё и так уместится.

— Спасибо, Василий Иванович, — улыбаюсь. — Ты настоящий друг.

— Тогда покажи большого паука! — заявляет после непродолжительного раздумья.

— Что за паук? — я даже не понял, о чём идёт речь.

— У тебя на плече. Марфа говорила, я слышал.

— А-а! Конечно, покажу. Только мне подготовиться надо. Ты, Василий Иванович выйди на чуток... Как всё будет готово, я тебя позову, договорились?

— Ага, — кивнул ребёнок и уже собирался выйти, как я добавил. — Приходи вместе с братом. Обоим покажу. Кстати, чем он занимается?

— С мамой... Книжку ей читает.

— А где отец Лазарь?

— Ушёл.

— А твой папа?

— Тоже ушёл. Они вместе ушли.

— Хорошо. Иди, — отпускаю его...

Наконец-то! А то уже не могу терпеть, так и тянет наполнить горшочек. Но не при ребёнке же трясти «причиндалами»? А вообще было бы неплохо обзавестись отдельным домиком или пристроем. А то живу, как в проходном дворе, не уединится, ни расслабится. Хех, «живу»... Ну, да, всё правильно, недавний сон дал мне ясно понять, что тот прежний мир остался где-то там за толстым, толстым стеклом... А скорее всего лишь в моей памяти. Тяжело вздыхаю, но тут же одёргиваю себя. Я взрослый, здоровый мужчина... Да, здоровый! После сна чувствую, как тело просто переполнено энергией! А значит надо жить, развиваться, строить новые планы...

После таких жизненно-утверждающих мыслей захотелось узнать, который час? Но, увы, у Белкиных часов нет. Интересно, почему? Неужели слишком дорого? Жаль, жаль... Эх, был бы действующий образец, то при желании и скопировать нетрудно. Конечно, речь идёт не о маленьких часах. А вот настенные вполне по силам... Кстати, батюшка вроде обмолвился, что при храме существуют часы... Но, думаю, будет проще съездить в Москву и купить там. Или заказать, привезут. Чего самому мотаться? Тут главное — деньги. А они у меня есть. Правда, не знаю, много или мало? Ещё в первый день я обнаружил в «своих» дорожных сумках небольшой ларчик, поделённый на три отделения. В одном лежал увесистый кошель с различными монетами, в другом шкатулочка с украшениями, а в третьем мои документы... Эх, я же хотел комод в комнату... Точно! Давно пора разгрести баулы и всё разложить по полкам. Так, надо найти Прохора и поговорить с ним на эту тему. Он же вроде в мастерской

хозяйничает... Но сперва необходимо выполнить обещание...

— Василий Иванович, — кричу, приоткрыв дверь, — будьте так любезны, зайдите вместе со своим старшим братом в мою комнату. Марфа пусть тоже зайдёт, лучину нужно обновить...

Демонстрация тату и рассказ о том, что это за зверь такой — скорпион, занял, наверное, минут тридцать. Даже кормилица развесила свои уши, из-за чего была морально изнасилована в самой извращённой форме. Мария Васильевна потеряла свою крепостную и учинила розыск. Нашла, и такое выдала... Её бы сержантом в учебную роту... Правда, свои умозаключения я оставил при себе. Быть второй жертвой не на шутку разошедшейся барыни не хотелось, поэтому под шумок тихо слинял из дома. Походу не я один. У Прасковьи неожиданно нашлись дела в бане, в которой по совместительству находилась прачечная.

— Слышь, Прасковья, а чего это Мария Васильевна так осерчала? — спрашиваю женщину, остановившись возле бани.

— Как тут не осерчать, Леонид Иванович? Готовить давно пора, а Марфа пропала и на зов не откликается. Оказывается, у вас сидит... Хорошо, что там дети были.

— В смысле? — опешил я.

— А вот такой и смысл, господин учитель, — ответила женщина и отвернулась, всем своим видом давая понять, что продолжать разговор не намерена.

Это что, Мария Васильевна заподозрила свою холопку в блуде? Или ко мне приревновала? М-да, ничего не понятно.

— Слышь, Прасковья, а ты вязать умеешь?

— Вы, господин учитель, меня обидеть хотите? — женщина развернулась всем корпусом в мою сторону и упёрла руки в бока.

— Зачем, обидеть? — я недоумённо уставился на Прасковью. — Просто спрашиваю...

— А вот не надо просто спрашивать, — и нос кверху задрала.

— Ох, ё... — я даже растерялся. — А как надо, сложно, что ли? Сначала песню спеть, потом сплясать, да?

— Ничего не надо! Любая порядочная женщина умеет вязать, — и снова нос кверху.

— Хм... Судя по твоим словам, у непорядочных женщин с вязанием существуют какие-то проблемы? Кстати, а в Боровске много непорядочных женщин? — усмехаюсь, а сам думаю: «Интересно, кого она имела в виду? Неужели проституток? Разве они здесь есть? А чего тогда Белкин говорил про центр староверов?»

Зря я задал этот вопрос. Бабам только дай языком почесать. В результате я узнал... Нет, не про проституток. Про дворян, с которыми Белкины находились, так сказать, в контрах. А раз дворяне в контрах, то и дворян друг с другом на ножах. Заодно сплетница прошлась по некоторым купчихам и мещанкам. М-да, оказывается много в Боровске женщин, которые не умеют вязать... Это, конечно, печально, но мне совершенно неинтересно. Я-то задавал не праздный вопрос. На дворе конец ноября. Зима, считай. А моя одежда напоминает театральный гардероб. Я хочу не гольфы и короткие штанишки, а что-нибудь практичное. Шерстяные гамашы, хотя бы. До термобелья пока ещё, как Ленину до коммунизма, поэтому ориентируюсь на местные возможности.

А ещё хочу свитер. Моя девушка... Уже бывшая девушка, умела вязать прекрасные свитера, а ещё носочки, шапочки, варежки и прочие тёплые приبلуды. Научилась, между прочим, благодаря роликам из интернета. Я тоже много чего оттуда почерпнул. По крайней мере, вполне чётко представляю процесс создания некоторых вещей. Визуальная память у

меня хорошая. Вот и хочу нарисовать Прасковье эскизы, а она по ним свяжет всё необходимое. А ещё хочу некий аналог джинсов и высокие зимние ботинки. В валенках чувствую себя, как панда какая-то. Правда, в одном из баулов я нашёл сапоги, но они, сука, оказались маленькими! Тем более не соответствуют названию «зимние». Если только надевать вместе с тёплыми портянками. Но, как я уже сказал, они и без портянок не лезут на мою ногу. Придётся продать или обменять. А ещё можно подарить. Тому же Прохору, например. Ему в самый раз будут. А вот Емельяну не полезут, голени у него слишком здоровые.

— Я так понял, что ты, Прасковья, первая мастерица в Боровске? — принимаю решение прекратить ненужный трёп.

— Ну, уж скажете, первая... — зарделась баба, как невеста на выданье. — Мария Васильевна лучше меня вяжет.

— А она что, умеет? — удивляюсь.

— Конечно, умеет! — неподдельно возмутилась Прасковья.

Понятно, приписываем Марию Васильевну к порядочным женщинам. Думаю, лучше с ней обговорить мой будущий гардероб. А то стоящая передо мною «артистка» только и умеет, что играть эмоциями. Хотя...

— Прасковья, а ты петь умеешь?

— Э-э... — видать сбилась с мысли. — Умею.

— Споёшь мне на ночь колыбельную? А то я без них засыпаю плохо.

— Нее, — качает головой после короткой заминки. — Колыбельные пусть Марфа поёт, у неё лучше получается.

— Марфе ко мне нельзя. Мария Васильевна снова ругаться будет. А ещё у неё муж ревнивый. Давеча с шилом на меня кинулся. Хорошо, что Иван Данилович рядом оказался. А что я сделал? Всего лишь сказал, что у Марфы глаза красивые...

— Чё, правда, что ли?! — опешила баба.

— Ага, — тяжело вздыхаю и развожу руками. — Ладно, идти мне надо... — развернулся и пошёл, зародив в голове «артистки» новую порцию слухов. Ну, а что? Такой талант необходимо развивать...

От бани я не сразу направился в конюшню. Решил пройтись по двору. Оценить, так сказать, с профессиональной точки зрения. А то прошлый раз, когда Белкин проводил для меня экскурсию, мысли совсем другим были заняты.

Ну, что тут можно улучшить? Опираясь на уже полученный опыт, прежде всего, необходимо перестроить туалет. В доме есть мужчины, женщины, дети, а кабинка всего одна. Да и выглядит слишком хлипко, щели повсюду. Прямо, как за забором. Особой разницы не видно. Короче, никакого удобства и комфорта.

Сам дом тоже надо переделывать. А ещё лучше новый рядом поставить. Тем более площади позволяют. У каждого ребёнка должна быть отдельная комната. А ещё требуется помещение, где бы имелась возможность заниматься физическими упражнениями. Спортзал, так сказать. Вот сейчас, где заниматься? Месить снег с навозом на скотном дворе? По мне, так занятие сомнительное. И снова возвращаюсь к устройству санитарно-технических устройств. Чем бегать на двор, проще в доме провести канализацию. Заодно домофон установить. Сделать его нетрудно. И света надо побольше. А то окна маленькие, да и то лишь там, где без них полная жо... чёрная дыра. И почему стеклят слюдой? Неужели со стеклом проблемы? Допустим, ещё не научились делать плоские стандартные листы. Но

выдувать стекло всяко умеют. Трудно, что ли пропустить через вальцы? М-да, в голове куча вопросов, а спросить ответа не у кого.

Помещения для животных мне тоже не понравились. Слишком убого и грязно. Скотину необходимо содержать в чистоте. А то ухаживают только за лошадьми... Свиньи, между прочим, любят порядок не меньше. Был я как-то у одного фермера на предприятии. Он хрюшек разводил. Так вот, когда месячных поросятки забирают у свиноматки, то селят их в отдельные вольеры, которые по чистоте с аптекой можно сравнить. Сама свиноматка тоже живёт припеваючи. Её моют, делают массаж, включают приятную музыку... Всё правильно, здоровая мама, здоровые дети.

Пока гулял по подворью, откуда-то приехал Емельян. Оказалось, что он ездил на реку за водой. Несмотря на то, что возле дома имелся деревянный колодец, бородач раз в день совершал вояж на Протву. На санях, в которые был запряжён один мерин, размещалась здоровенная бочка, литров на двести, не меньше. Понятно, воды надо много: кушать варить, стирать, скотину поить. Того, что набегало в колодец, явно не хватало.

— Емельян, — обратился я к бородачу, когда тот более-менее освободился, — ты в деньгах хорошо разбираешься?

— Ну-у... — мужик зачесал свою тыковку.

— Чего нукаешь? Пока из Москвы до Боровска ехали, ты же за всё платил.

— Я, — кивает.

— Значит, разбираешься в деньгах?

— Так-то да, разбираюсь.

— А я вот, нет. Мне ваши деньги плохо знакомы.

— Тогда идите лучше к Прохору.

— Зачем? — удивляюсь.

— Он с купцами больше знается, лучше объяснить сможет.

— Понятно... — чешу свой подбородок.

Сама судьба направляет меня к этому мутному типу с глазами конченого маньяка. Что ж, и за комод поговорим, и обсудим ценность местной валюты. Я как раз взял с собою кошель. Сначала хотел проконсультироваться у Прасковьи, но эта сорока не внушала доверия в таком интимном деле, как финансы. Емельян тоже что-то юлит...

Прохор вырезал новую прядильную доску. Наблюдать за ним было крайне забавно. Ноги в валенках, сидит на табурете, причём одна нога подогнута под пятую точку. Дышит прерывисто, кончик языка высунут наружу, словно дразнится. Вот как тут подумаешь, что человек занят серьёзным делом?

— Прохор, тебе привет от Мани!

— От какой Мани? — удивлённо пялится на меня.

— Которую тискал в чулане. Ты смотри, Марфа узнает, глазёнки твои бесстыжие выцарапает.

— Не знаю я никакой Мани! — пошёл мужичок в отказ.

— Это ты отцу Лазарю будешь рассказывать на исповеди. А я, между прочим, по делу к тебе пришёл, а не блуд твой обсуждать.

— Да, что же ты такое говоришь, Леонид Иванович...

— Не «ты», а — «вы»! Совсем уже заговариваться начал, — грозно хмурю брови.

— Ох... Простите, Леонид Иванович.

— Хорошо, прощу, но с одним условием...

— С каким?

— Раз ты такой специалист по женщинам, подскажи, где тут у вас проживают молодые вдовушки? Сам понимаешь, я мужчина молодой, не женатый, а естество требует...

— Вот, ей Богу, Леонид Иванович, не блудил я и вдовушек таких не знаю, — а сам крестится двуперстно.

— А с купцами общаешься?

— Общаюсь, — кивает, и смотрит на меня выжидательно.

— Неужели не обсуждали местных бабёнок?

— Ну-у... — замялся Прохор и покраснел.

Вот жешь, прямо, как дитё малое, ей Богу. Захотелось потроллить мужичка, а получается, что вербанул его.

В результате я узнал и про вдовушек, и какие купцы, чем торгуют, и выяснил, что имею в наличие сорок семь рублей с полтиной и два гривенника. Проще говоря, сорок семь рублей семьдесят копеек. Деньги вполне приличные. Потому, что на один рубль можно было купить 2,5 пуда мяса — это примерно 40 кг. Так же один рубль стоили 100 живых куриц, или 8 овец, или 4 пары сапог, или 3 тонны ржаного хлеба. А за один полтинник (полрубля) не составляло большого труда приобрести пуд меди. Услышав слово пуд, я стал визнавать про прочие единицы веса и вскоре припух. М-да, многие знания, многие печали. Но, чтобы они уложились в голове, сначала надо всё записать. Иначе в мозгах сплошной винегрет.

Кстати, прядильную доску, которую Прохор вырезал, я тоже испортил, превратив её в наглядное пособие. Нарисовал на ней комод в трёх проекциях. После чего объяснил его назначение и принцип действия. Латентному Казанове моя задумка понравилась. Стали думать, как воплотить её в жизнь...

ГЛАВА 10

PARDONNE-MOI CE CAPRICE D' ENFANT...

Плохих бабушек не бывает, если не считать разных исключений, без которых не обходится наша жизнь.

Бабушка всегда следит: хорошо ли накормлен её внук, чистая ли на нём одежда, носит ли в кармане свежий носовой платок, заслуживают ли доверия друзья, с которыми он общается? Всё это в своё время коснулось и меня. А друзей всегда хватало. Не сказать, чтобы я являлся душой компании, но скучно со мной точно не было. И если моя бабушка к ребятам относилась снисходительно, то к девушкам предъявляла очень серьёзные требования.

Взять ту же Аню... Вот почему бабушка к ней благоволила? А потому, что, несмотря на некоторые странности (увлечение астрологией и мистицизмом), девушка прекрасно готовила и вязала. Кстати, Анна покорила бабушку как раз в тот момент, когда подарила ей на день рождения собственноручно связанную безрукавку. Действительно, выглядела вещица притягательно, сочетая в себе уют и толику кокетства. Но речь не об этом.

До Ани у меня тоже были девушки. На одной даже чуть не женился. Случилось это через год после моего увольнения из армии. Поводом к женитьбе послужила Оксанина беременность. Не сказать, чтобы мы шибко хотели детей, но чересчур рьяно тоже не предохранялись. Просто старались соблюдать элементарные правила. Но девушка залетела... Я этот факт воспринял вполне спокойно. Без ложных стереотипов посещал с ней женскую консультацию. Всё-таки Оксана носила в своём чреве моего ребёнка. Так же стойко терпел постоянные перепады её настроения и капризы. В общем, старался быть заботливым. Однако так случилось, что мне пришлось уехать в другой город — работа. Деньги сами с неба не падали, а тут ещё свадьба на носу. А моя ненаглядная хотела такую свадьбу, чтобы все подружки лопнули от зависти.

Бабушке Оксана не нравилась, причём по всем пунктам: «Да — смазливая, но не более. На красоте семью не построишь», — говорила она. И вот, когда я в поте лица зарабатывал нам на свадьбу, моя невеста попёрлась на вечеринку. В принципе понять её можно, скучно одной. Тем более большинство беременных женщин считают, что с ростом животика их красота стремительно меркнет. Дурнушками быть никто не хочет, поэтому Оксана принялась на вечеринке флиртовать. Видать захотела доказать (интересно кому?), что она по-прежнему королева.

В результате выпила лёгкого вина и решила продемонстрировать крутые па под зажигательную музыку. Итог печален: неудачное движение, падение, выкидыш. Я про несчастье узнал от бабушки. Оказывается, на вечеринке присутствовала внучка одной из её знакомых. Внучка поделилась новостью со своими родными, а они «просветили» мою бабушку. После этого бабуля выставила мне ультиматум, что таких дур в нашей семье она не потерпит. Я, если честно, тоже был жутко расстроен. Прежде всего, меня жгла лютая обида: «Пока я там корячился, эта овца пустилась в загул и убила моего ребёнка...» Короче, мы расстались.

Чего вдруг мне вспомнилась бывшая невеста? Да вот, сейчас я наблюдаю нечто похожее, глядя на Марию Васильевну. Женщина пытается всячески доказать, что она ещё красотка. Правда, проявляется это не совсем так, как в моём времени. Однако перепады настроения присутствуют в полной мере. Значит, мои подозрения по поводу её

беременности подтверждаются? Ну, а что? Сначала чересчур эмоционально отчитала свою холопку, потом лично вышла во двор, чтобы найти и пригласить меня к обеду. С удовольствием наблюдала, как я учу её детей изысканным манерам во время трапезы, до слёз обиделась на моё нежелание отведать добавки, зато с огромной радостью восприняла просьбу обсудить гардероб, который я хочу заиметь. Даже выдала несколько листочков бумаги, чтобы я смог наглядно продемонстрировать свои хотелки. Мля, а бумага-то дорогая! 2 копейки стоит десяток листков формата примерно А-4. А ещё на две копейки можно питаться полмесяца. Без изысков, конечно, скромно, но с голодухи не помрёшь.

Во время размышления о ценах, меня посетила мысль...

Если новая императрица, Елизавета Петровна, устраивает многомесячные загулы, как это отразится на экономике? Обычно ни к чему хорошему подобные действия не приводили. Когда в казне не хватает денег, а именно это случается при бездумных тратах, начинается кризис, задерживается зарплата, цены растут, как на дрожжах... Или она чисто ради коронации позволила себе подобный каприз? Но всё равно, вышла-то не неделя, и даже не месяц, а почти полгода. Нездоровая тенденция.

М-да, жаль, что я знаю историю лишь по верхушкам. Период правления Елизаветы Петровны для меня сплошной туман. Помню, она упоминается в фильме «Гардемарины», который любила смотреть бабушка. Там одну из главных ролей исполнял её любимчик — Дмитрий Харатьян. Что я помню по фильму? Пару песен: одна про русскую дорогу, а вторая непосредственно о гардемарирах. Ещё помню хитрого канцлера Бестужева; интриги французских шпионов; дуэли; бегство богатой наследницы, которую хотели заточить в монастырь, чтобы присвоить её наследство; войну России с Пруссией. Победили, кстати, наши, но как-то странно победили. Вопреки воле главнокомандующего, забыл, как его имя. О! Зато вспомнил, что Пруссией правит король Фридрих II, которого прозовут Великим. Е чём его величие, в голове почему-то не отложилось. Зато всплыла другая вещь...

Русские победили, но Елизавета Петровна, дождавшись победы, скончалась. На Российский престол вступил Пётр III, который все завоевания русской армии похерил на корню. Причём не в результате войны, а просто из-за личной любви к Фридриху II. Типа: «Простите, мудрейший из мудрейших, что воевали с вами. Все города, которые мы захватили, покорнейше вам возвращаем...» Козёл, мля! Люди кровь проливали... Точно, именно этот любитель прусского короля будет мужем Екатерины II. Она же при поддержке гвардейских полков скинет с престола дебильного муженька. Только утраченного не вернуть. Новоявленной императрице ради признания нужна дружба с Европой, а не война. К тому же Екатерина II сама немка.

Что дают лично мне пришедшие в голову воспоминания? Ни-че-го! Правда, появилось желание прибить дебила под именем Пётр III. Только боюсь, что это желание неосуществимо. Я даже не помню, когда случится война. Хотя, если рассуждать логически, закончится она вместе со смертью Елизаветы Петровны. А Лизка только-только начала править страной. Интересно, как долго это продлится? М-да, с датами у меня как-то не очень.

— О чём вы задумались, Леонид Иванович? — обращается ко мне Белкина.

— О чём? — а сам смотрю на барыню, как верующий глядит на икону. По крайней мере, пытаюсь изобразить такой взгляд. — Знаете, Мария Васильевна, когда женщина не праздна, она становится похожей на иконописную богоматерь. Появляется в ней что-то одухотворённое. Прямо, как у вас сейчас...

— Неужели, правда? — лицо Белкиной моментально отражает целую палитру эмоций.

Как говорится, удивлена, смущена, польщена.

— Чистая правда! — прижимаю руки к груди.

Ну, а чё? Если при помощи лести можно достичь кое-каких целей, почему бы нет? К тому же отсутствует злой умысел. Все ради общих интересов. А они есть. Во-первых: я решил заметно расширить гардероб, и не только свой. Помимо свитера и гамаш я делаю рисунок детишек, обвязанных прикольными шарфиками и одетых в симпатичные шапочки. Потом рисую мужчину в твидовом костюме и аналогичном пальто, а затем добавляю ему шарф и шапочку. Заодно поясняю, что сейчас в Европе новая мода.

Вру, конечно. Но Белкиным во дворцах Петербурга не блистать. Не та порода. Зато строгая, практичная одежда, по моему мнению, может завоевать популярность в местной среде. Да и кто поедет в Европу, чтобы проверять мои слова? Так же рассказываю про тёплые ботинки и делаю соответствующие рисунки. На мои художества смотрит не только, Мария Васильевна, но и оба её сына. Интересно же, как господин учитель на чистом листке рисует их самих. Вообще-то я к этому не стремился, но у людей своя фантазия.

Во-вторых: после рисунков, касающихся деталей гардероба, я перешёл к жилью. Лично мне целый дом не нужен. Хозяйство — это лишние расходы. В здешнем быте я полный лузер, а значит, придётся обзаводиться собственным штатом прислуги. Только помню ещё по армии, каково это — иметь людей в подчинении... Считаю, ты отвечаешь за каждого. Но каждому по барабану твои проблемы. У них куча собственных желаний, которые с твоими заботами вообще никак не пересекаются. Недаром дисциплину наводят жёсткой рукой. Прежде, чем кататься на коне, его усмиряют и объезжают. Но лично меня это напрягает. А тут Белкины, которым по праву рождения положено управлять людьми. Мне же хватит отдельной благоустроенной комнаты...

Так вот, я рисую двухэтажный дом... Сначала вид снаружи. Это обёртка для «конфетки». На неё, прежде всего, ведутся люди. Мне ли этого не знать! Затем вид изнутри... При этом я расписываю все прелести нового жилья. Тёплый, удобный туалет, ванна, канализация, светлые помещения, зал для гостей, отдельные детские комнаты, комнаты для прислуги, кухня... Короче, вливаю в уши доверчивой женщины все выгоды цивилизации. Тем более она решила сознаться, что действительно тяжела и к лету ждёт ребёночка. Что же, тут сам Бог велел расширяться. Младенец не даст спокойной жизни никому, а Степану с Василием нужен полноценный отдых, иначе голова не будет воспринимать науки.

Понятно, что никто не начинает строить новый дом зимой. Хотя за жителей Африки я не поручусь. Но ведь за зиму можно хорошо подготовиться к строительству. Расписать подробный план, посчитать количество необходимого материала, составить смету, подыскать адекватных строителей. И вообще, материал лучше покупать заранее. Во время строительства много чего требуется, но здесь нет специализированных строительных магазинов со стабильными ценами. Зато купцы, как только узнают про твои задумки, цены быстренько поднимают. Это я выяснил во время разговора с Прохором.

Так же я прояснил вопрос, касающийся материального благополучия Белкиных. Доход приносило поместье и служба Ивана Даниловича. А должность у него была денежная. Помоги её получить некий Михаил Илларионович Воронцов. Кто это такой, я абсолютно не знал. Но этот тёзка фельдмаршала Кутузова, по словам Прохора, состоял в свите государыни-матушки Елизаветы Петровны. М-да, высоко забрался человек.

Кстати, сама Мария Васильевна приходилась Воронцову очень дальней родственницей. Причём бедной родственницей, без особых талантов и ярко выраженной красоты. Куда такую пристроить? Точно не в столицу. Вот и сосватали её в своё время за Белкина, который принимал участие в детских играх Воронцова. Видать родители каким-то образом пересекались, возможно, дружили. Короче, суммарный годовой доход моего работодателя составлял примерно полторы тысячи рублей. Не больше. А вот меньше — да. Опираясь на эти данные, я прикинул, что за пятьсот рублей он может построить очень даже неплохой кирпичный домик. Или первый этаж кирпичный, а второй из дерева.

Почему я хотел кирпичный дом? Тут выходило несколько соображений. Во-первых: для престижа. Белкин дворянин, тем более при хорошей должности, значит, нужно соответствовать статусу. Во-вторых: каменный дом долговечнее. Построит сейчас, меньше будет жилищных проблем у детей в будущем. В-третьих: из соображений пожарной безопасности. Лучины-то жгут постоянно. Сплошные костры по всему дому. Особенно в холодное время года, когда световой день слишком короткий. Да и пасмурно часто. Лично я в этом плане могу предложить лишь увеличение оконных размеров. Другими идеями голова пока не разродилась. В четвёртых: это забота о здоровье. Древесные постройки подвержены плесени и грибку, что приводит к лёгочным и желудочно-кишечным заболеваниям.

Насмотрелся я в своё время, как разные фирмочки предлагали дешёвые, деревянные дома. Выглядели они классно. Эдакие резные теремки с картинок. Но не проходило и пары месяцев, как дерево внутри дома начинало чернеть. Значит, его не обрабатывали никакими антисептиками. Существуют ли антисептики в это время, я вообще не представляю. Скорее всего, нет. Если только известь. Помню, как Михаил Петрович чуть ли не каждый месяц белил свою дачу. Она у него как раз была из дерева. Ага, мало того, что постоянно пачкаешься в этой белилке, так ещё и обновлять её не успеваешь.

И в-пятых: на роль гувернёра я себя никогда не готовил. Постараюсь, конечно, приобщить детей к наукам, но быть пожизненным воспитателем — не моё. Зато на примере Белкиных могу сделать себе неплохую рекламу. Думаю, подражатели всяко найдутся. А подражатели — это новые заказы, а значит, деньги. Жить тупо на средства, которые будет платить мне Иван Данилович, как-то не вдохновляло. А вдруг я захочу обзавестись собственной семьёй? Почему бы и нет? Тем более общество тут такое, больно-то не загуляешь. Не в монаха же теперь превращаться? Конечно, меня притягивают монастыри, но исключительно женские.

— А в комнате для спортивных игр, Мария Васильевна, можно так же поставить клавишник и учить детей танцам и музыке, — добиваю боярыню её же хотелками.

Ну, всё, теперь ночная кукушка точно прожужжит все уши своему мужу. Кстати, а ведь он просил меня подумать над проектом дачи... Что же, раз я рассказывал Белкиным про японского монаха, то и дачу нарисую в японском стиле. Был у меня подобный заказ. Один экстравагантный заказчик возомнил себя самураем, и решил выделиться. Причём не только повешенной на стену катаной, но и всем прочим. Наверное, насмотрелся японских фильмов... Небольшой пруд, свисающая ветка сакуры и он в виде медитирующего болванчика...

Блин, чуть не заржал. Между прочим, несмотря на все смехуёчки, дача получилась очень даже миленькой и уютной. Но если постройка дома особых проблем не создала, то над обустройством ландшафта вокруг него пришлось изрядно потрудиться. Нестандартной формы пруд, огороженный природным камнем, мостик через него, галечные дорожки, газон

с нежной травкой, декоративные кустарники и чёртова сакура. Это было обязательное условие заказчика. И ведь не объяснишь дураку, что в нашем регионе она плохо приживается, а на то, что зацветёт, и вовсе можно только молиться. Проще сирень посадить. И красиво, и патриотично, и запах обалденный.

Мама и сыновья снова глядят, как я рисую очередной «шедевр». Дачу решил строить из дерева, только не из брёвен, а из бруса. Вспомнив про цену на медь, я подумал, что медный купорос всяко должны производить. А ведь медный купорос замечательный антисептик. Правда, это воспоминание не заставило меня поменять планы относительно городского дома. Поместье Белкины посещают время от времени, а тут живут постоянно. Зато крыша у дачи будет из черепицы. Не забыл я и про «сакуру». Сирень украсит террасу, на которой можно пить чай. Кстати, чай в Боровске продают. Только цена... Триста граммов чая стоят, как четыре пары новых сапог. Блин, в моём времени героин дешевле стоит. Но всё равно, побаловать себя чаем время от времени можно

Так и вижу... Уютная терраса, вокруг которой растёт душистая сирень, круглый столик, плетёные кресла, на столе самовар... Твою мать! Тут и самоваров нет! А я ведь ни разу не жестянщик. Как делать самовары, даже не представляю. Все мои успехи в работе с металлами, это литьё несложной фурнитуры из алюминия и бронзы. Например, ручка на дверь в виде собачьей головы. В магазине эксклюзивные вещи не купишь, заказывать дорого, поэтому приходилось приспособливаться самому. Всё — копейка в дом. Правда, ради этого нужно было обходить свалки. Но если смятые алюминиевые банки валялись чуть ли не на каждом углу, то медь и олово, из которых получается бронза, просто так не найдёшь. Ага, волка ноги кормят. Жаль, что сейчас в Боровске нет таких свалок. Алюминия тоже нет, не придумали ещё. От тихой грусти рисую пруд и Алёнушку, плачущую по братцу Иванушке.

— Это кто? — спрашивает меня Белкин младший.

— Это, Василий Иванович, девушка у пруда.

— А чего такая грустная?

— Замуж никто не берёт.

— Почему никто не берёт? — снова вопрошает этот почемучка.

— Капризная больно. А кому капризные нужны?

— А мне она нравится, — вдруг заявляет Степан.

— Это чем же? — в разговор вступает мать.

— Она на тебя похожа. А я тебя люблю...

ГЛАВА 11

СМОТРИНЫ

Как-то друг мой, Данька, рассказывал, каково это — поменять школу. С ним подобная оказия случилась после пятого класса. Его родители купили новую квартиру... То есть поменяли однушку на двушку. В результате у друга появилась своя отдельная комната. С одной стороны — классно! А с другой... Новая квартира находилась далеко от прежней школы. Данькина мама даже слушать не хотела, чтобы её малолетний сын ездил на учёбу через половину города. Пришлось ему переводиться в ту, которая располагалась рядом с новым местом жительства. И вот ты заходишь в помещение, где на тебя вылупилось двадцать пять пар глаз... Причём совершенно незнакомых глаз и буравят, как рентгеном... Ага, попал чувачок впервые в тюремную камеру. Для ребёнка это выглядит именно так. А дальше, как себя поставишь. Сможешь убедить окружающих считаться с собой — прекрасно. В противном случае — сломанная психика. Сегодня я себя чувствовал примерно так же, как когда-то мой друг Данька. Но обо всём по порядку...

Сидим мы такие за столом: я, Белкина, её сыновья, и занимаемся рисованием. То есть я рисую, а они смотрят. Алёнушку у пруда уже нарисовал, за любовь Степана к своей маме порадовался, послушал спор братьев по поводу того, кто любит маму сильнее... Потом Белкина мальчишек обняла, поцеловала... Короче, успокоила. Их успокоила, принялась терзать меня... Когда это женщина проходила мимо такой темы, как мода? Я-то рисовал в основном для себя, ну, и чуток ребят зацепил. «А мне? — так и читалось в её васильковых глазках». Вопросительный взгляд вскоре был подкреплён вопросом на тему европейской моды. Типа, что носят женщины?

Особое внимание Белкина заострила на корсетах. Тема корсетов мне сразу не понравилась. Стал вспоминать, почему? Вспомнил, что как-то читал в интернете статью про них. Якобы дамы так сильно утягивались, что даже дышать трудно было. Оно и понятно, сосуды и мышцы пережимаются, кровоток нарушается, лёгким расширяться некуда... М-да, такая мода — лишний повод для развития всевозможных заболеваний. Но главное в другом... Беременные женщины тоже носили корсеты. А это уже угроза для плода. О чём я популярно и разъяснил Марии Васильевне, ссылаясь на компетентное мнение королевских медиков. Даже наглядную картинку нарисовал. Белкина впечатлилась! Вот и прекрасно! Фиг его знает, что медики этого времени вообще думают о корсетах, а я постараюсь уберечь близких людей от всяких глупостей. Да, Белкины для меня сейчас самые близкие люди.

Пока Мария Васильевна находилась под впечатлением от услышанного, я принялся продвигать в жизнь своё видение моды. Что сейчас носят модницы в Европе, можно было только догадываться. Зато в своё время я пересмотрел немало женских журналов, которые покупала Анна. Все эти кофточка, шапочки, капоры, пуловеры, пончо, кардиганы и прочие приблуды она предпочитала вязать сама, используя изображение в журналах, как наглядное пособие. Получалось стильненько. Вот и я, с поправкой на это время, накидал для Белкиной несколько вариантов «модного туалета». Жаль, что карандаш у меня был только светло-бордовый, поэтому приходилось дополнять образы словами. Увлёкся...

Вдруг замечаю, что пацанята зевают, а Марфа подаёт хозяйке какие-то знаки. Белкина тоже заметила эти знаки. После чего убрала все рисунки и попросила, чтобы я позанимался науками с её сыновьями, но не здесь, а у них в комнате. Тем более там тоже есть стол, а ещё

книги, бумага, перья, чернила... Я согласился. Правда, через силу. Мне хотелось возвратиться в мастерскую к Прохору, где мы с ним обсуждали изготовление комода. Мария Васильевна тогда оторвала меня от дел, и вот снова не даёт их продолжить. Но деваться некуда. Не конфликтовать же?

В комнату к Белкиным шёл с мыслью, как выгодно воспользоваться ситуацией? Придумал!.. Поучу без посторонних глаз русский алфавит, используя для этого дела Стёпку. Он уже читать умеет. По слогам, правда, но всё же. Короче, пришли в комнату, расположились за столом, который, между прочим, оснащён секретером, и принялись точить свои зубки о гранит науки. В главной роли, естественно, Степан Иванович. Я объяснил ему, что будущий офицер должен уметь доводить до своих подчинённых мысли правильно. Иначе, если офицер дурак, то и солдаты будут такие же. А дураков любой враг побьёт.

Мальчонка проникся важностью момента, и принялся учить меня вместе с Василием Ивановичем азам русской словесности. Белкин младший, несмотря на то, что ему шёл всего четвёртый год, оказался сообразительным мальшом. Информацию запоминал легко. Думаю, если и дальше так дело пойдёт, то годам к пяти научится хорошо читать и считать до ста. По поводу счёта уже я позабочусь. Он у них у обоих хромает.

Азбукой занимались недолго, минут тридцать. Потом гляжу, ребятки устали. Внимание начало плавать, как глаза у боксёра после нокаута. Сразу на ум пришло изречение из моего времени, что лучший отдых — это смена деятельности. Поэтому по-быстренькому с пацанами поприседали, поотжимались и снова за учёбу. Но теперь я решил заняться письмом. Благо в секретере имелись и листки бумаги, и заточенные перья. Первым делом попросил Степана показать, как он владеет пером? Короче, не лучше моего. Правда, я позориться не стал, чтобы не уронить свой авторитет, но понял: «Придётся в гордом одиночестве набивать руку в этом нелёгком деле».

Зато, чтобы было веселей, мы придумали песенку. Придумали её под занятия спортом. Я вначале хотел использовать песню, которую пел в армии во время пробежек, но быстро передумал. Слова там не для детских ушей, слишком ядрёные. Плюс много выражений не соответствующих этому времени. А вот мотивчик никуда не делся, как и способ исполнения. Запевала выдаёт строчку, остальные её повторяют, и так далее. Получилось у нас следующее:

Мы идём, земля дрожит.
Боевой наш грозен вид.
Прячься, прячься супостат,
Русский здесь идёт солдат.

Кулаки у нас крепки.
Так дадим, слетят портки,
Превратится нос в пятак.
Берегись коварный враг.

В тот момент, когда мы бегали по комнате паровозиком, и весело повторяли только что придуманные строчки, в комнату вошла Мария Васильевна. Глядя на наши забавы, она недоумённо пожала плечами. Видать не так представляла себе способ погружения в мир

науки. Потом сказала:

— Леонид Иванович, там гости пожаловали, прошу к столу.

— Что за гости? — моё хорошее настроение дало резкий сбой.

— Друзья моего мужа и вдобавок не последние люди нашего города, — значительно произнесла Белкина.

— Э-э... — заблеял я, как козёл.

Вот же попал, как кур во щи. Моя душевная организация на гостей совершенно не настраивалась. Это же придётся отвечать на вопросы, которые непременно начнут задавать. Мне сегодня батюшки хватило! Блин, нужно срочно вспоминать всё, что говорил Белкиным. Иначе запорю всю легенду. М-да, Штирлиц ещё никогда не был так близок к провалу...

— Хорошо, Мария Васильевна, иду... Только у меня к вам большая просьба...

— Я слушаю, — женщина замерла в ожидании.

— Мы сегодня обсуждали с вами некоторые вопросы... Мне бы очень не хотелось, чтобы они стали достоянием других лиц.

— Почему? — искренне удивилась Белкина. — К нам пришли достойные люди...

— Погодите, Мария Васильевна, — перебиваю. — Сначала выслушайте... Я, конечно, нисколько не сомневаюсь, что к вам приходят исключительно достойные люди. Но зачем им раскрывать наши маленькие секреты?

— Почему — секреты?

— Потому, что начиная новое дело, желательно не выпячивать его напоказ, а то сглазят... — призываю на помощь суеверную сущность человека.

Есть! В самое яблочко! Мария Васильевна даже сбледнула с лица. Значит, точно, хотела похвастать. Выложила бы перед гостями мои рисунки и принялась бы их комментировать, периодически апеллируя ко мне. Нет уж, увольте. Тут сразу выйдет, как в том анекдоте: «Почему нельзя поиметь женщину посередине улицы? Потому, что советами замучают». А эти «уважаемые люди» ещё и обидеться могут. Как же, не прислушались к их словам. Плавали, знаем! И зачем мне такое счастье? Какую носить одежду, я и без советчиков разберусь. И ладно — одежда. Меня больше волнует задумка со строительством. Во-первых: ещё ничего не решено. Последнее слово останется за Иваном Даниловичем. И тут совет «уважаемых людей» могут порушить все мои планы. Во-вторых: это купцы. Только прочухают о большом строительстве, моментально захотят поиметь выгоду. Поэтому, сначала необходимо собрать информацию, сделать черновые наброски, и только потом начинать движуху, да и то без лишнего шума и суеты.

— Думаю, Леонид Иванович, что вы правы. Незачем раньше времени будоражить людей, — ответила Белкина, и мне сразу стало легче дышать.

Выходим в общую комнату, а за столом уже сидят пять человек, не считая самого Ивана Даниловича. «И когда только пришли?» — лезет в голову мысль. Но она тут же пропадает. Гости с таким любопытством пялятся на меня, что начинаю ощущать себя голым. Ага, шеста ещё не хватает. Даёшь стриптиз в массы! Теперь я понимаю, что чувствовал мой друг Данька, придя в новый класс. Благо мой возраст и самоирония позволяют быстро реагировать на новую ситуацию.

— Good evening, ladies and gentlemen! — решил заменить французское приветствие английским. Правда, с леди я переборщил. Белкина и так целый день перед глазами.

— Ну, что вы, Леонид Иванович, не стоит смущать наших гостей, — тут же с улыбкой произносит хозяйка, видя недоумённые взгляды. А у самой такое выражение лица, словно

приобрела новенький Порше-кабриолет, а сидящие за столом лузеры продолжают ездить на Рено Логане.

— Господа, — перехожу на русский, — хозяйева этого гостеприимного дома мне сообщили, что сегодня их навещают самые достойные люди Боровска. Так сказать, его цвет. Поэтому я очень рад со всеми вами познакомиться. Надеюсь, что мы подружимся.

— Непременно подружитесь, — сообщает цветущая Белкина. Походу моё вступление пришлось ей по душе.

— Но вначале хочу перед всеми извиниться, — снова ошарашиваю собравшихся.

— За что? — вопрос задаёт Белкин.

— Не успел переодеться к вашему приходу. Занимался с детьми науками. Надеюсь, вы дадите мне несколько минут, чтобы я смог привести себя в порядок?

— Конечно, Леонид Иванович! — добродушно соглашается хозяин дома. — Сходите, переоденьтесь. А мы пока обсудим свои дела. Как вернётесь, то я вас со всеми познакомлю.

— Тогда не прощаюсь, — дарю собравшимся людям улыбку, и направляюсь в свою комнату.

Для чего мне понадобилось это переодевание? Хотя бы для того, чтобы привести в порядок мысли. Слишком внезапно всё произошло...

Снова копаюсь в своих дорожных сумках и думаю, чего бы надеть? Пока думаю, неожиданно натыкаюсь на парики. Оказывается, у меня кроме сценического парика, есть ещё два. Но если тот пышный, то эти более скромные. Обдумав ситуацию, решаю для выхода в «свет» надеть пышный белый парик. Под него беру нежно-голубую рубашку с кружевным жабо. Рубашка пошита из шёлка и смотрится очень симпатично. Хотя в своей прежней жизни я бы точно её не надел. В таких ходят только педики, или гламурные поп-звёзды. Что, впрочем, одно и то же. Потом настала очередь костюмов. Их у меня оказалось три, не считая сценического: зелёный, чёрный и песочный. И тут моя душа пошла в разрыв, как у той женщины — не знаю, что надеть? Начал анализировать...

Сценический костюм напоминал мне криминальные фильмы из 90-ых годов XX века. То есть был малиновым, как пиджаки у братков. Решил не позориться. Снял... Стало полегче. Но всё равно, какой из трёх лучше? Прислушался к внутренним ощущениям. Внутри полная тоска. Что же, так тому и быть. Надел камзол и кафтан зелёного цвета. Скрашивали эту тоску золотистые кантики, идущие по обшлагам, лацканам и бортам одежды. Кюлоты, именно так называются короткие штанишки, решил подобрать по цвету. По цвету подходили тёмно-жёлтые с блестящим отливом. Гольфы... А вернее — чулки, снова напомнили мне о мужчинах нетрадиционной ориентации. Кроме белых я нашёл светло-синие, малиновые и розовые. Принял решение капитулировать, облачился в белые. Башмаки надел сценические — чёрные, украшенные золотистой бляшкой. А те две пары, которые лежали в дорожных сумках мне не лезли, маловаты. Придётся продать.

Завершив дела с одеждой, обратил свой взор на украшения. Раз я дворянин, то нужно нацепить что-нибудь из благородных металлов. В шкатулке нашлась золотая брошь в виде круглого цветка с синим камнем посередине и два перстня: золотой и серебряный. Брошь нацепил на лацкан кафтана. Серебряный перстень забраковал — не в тему. Золотой надел на мизинец левой руки. На другие пальцы он не лез. М-да, мелковатым оказался мой предшественник: ножки маленькие, пальцы тонкие. Не иначе — музыкант. Не то, что я. Бабушка пыталась водить меня в музыкальную школу, но педагогам удалось уговорить её, не мучить ребёнка. За что я им очень благодарен. Несмотря на то, что нот всего семь, они мне

напоминают китайцев... Все на одно лицо и говорят непонятно.

«Как плохо, что нет комода, а ещё лучше: комода и шкафа-купе. Сейчас бы не пришлось вытаскивать из баулов все вещи. Тем более тусклый свет от лучины заставляет постоянно напрягать зрение. Сука! Сюда хотя бы керосиновую лампу... Точно! Вот что мне нужно! Интересно, их уже делают? Надо будет узнать. А это, что такое?.. — убирая вещи обратно в сумки, натыкаюсь на какую-то палку. — Трость? Действительно, трость. Симпатичная... А возьму её тоже! Выйду, как король из мультфильма „Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями“. А ещё тут есть две треугольные шляпы... Нет, не буду надевать, а то перебор выйдет. Всё-таки дома, а не на улице, — перед выходом в люди бегло оцениваю себя в маленькое зеркальце, доставшееся мне от прежнего хозяина этих шмоток... — Ну, что, вперёд Россия!»

— Господа, надеюсь, я не заставил себя долго ждать? — спрашиваю, выйдя в общую залу. Гости снова пялятся на меня, как на диковинку. Всё правильно, народ по сравнению со мной, словно работяги перед поп-звездой, да и париков ни у кого нет. Зато двое из пятерых имеют шикарные бороды.

— Что вы, что вы, Леонид Иванович, — улыбается Белкина, всплёскивая руками, — стоит ли волноваться о такой малости? Проходите к столу...

Сама она сидит по правую руку от мужа и меня сажает рядом с собою. Только я занял место, как Иван Данилович принялся объявлять гостей... «О! Ещё один батюшка нарисовался на мою голову», — мне представили настоятеля Пафнутьевского монастыря архимандрита Дорофея. Потом шёл воевода Боровского уезда: его высокоблагородие секунд-майор Николай Яковлевич Бахметьев. Затем комендант Боровска: его благородие прапорщик Семён Алексеевич Челищев, бурмистр: его благородие Рудаков Михаил Лукич и избранный целовальник: купец Иван Кошкин. Все эти должности мне ни о чём не говорили. Чем они занимаются, я мог только догадываться.

Как только мы познакомились, Мария Васильевна предложила отведать вишнёвую наливку её собственного изготовления. Согласились все, кроме архимандрита Дорофея. Благообразный старичок вежливо отказался, несмотря на то, что первый тост был провозглашён за здоровье её императорского величества Елизаветы Петровны. «Смотри-ка ты, у старичка характер, — подумал я перед тем, как отправить наливку в рот. — А, может, совсем не пьёт? Всё-таки сан...»

Второй тост посвятили хозяевам дома. Правда, сама Мария Васильевна не пила, ссылаясь на лёгкое недомогание. Я же принялся оценивать стол. В принципе еда незамысловатая. Суп, каша, курник, пшеничный каравай, яички, жареная рыба. Салатов нет вообще. Зато лук и чеснок в избытке. Как я понял, две этих овощных культуры рода луковых выращивают в Боровском уезде в больших количествах. Замена экзотическим специям и пряностям, которые стоят очень не дёшево. Импортозамещение, однако! Так же в отдельных тарелках лежат мочёные яблоки и квашеная капуста. Как только чувство голода отступило на второй план, гости начинают задавать мне вопросы.

— Скажите, Леонид Иванович, а какие блюда сейчас популярны во Франции? — решил развести политесы Николай Яковлевич Бахметьев, воевода Боровского уезда.

— Хм... — с умным видом делаю короткую паузу. — Во Франции сейчас популярны салаты, носящие название «Цезарь», «Оливье» и «Крабовый»...

Что такое «салат», гости не знали. Пришлось провести ликбез по кулинарии. Заодно рассказать о майонезе, о крабовых палочках, о кукурузе и о многом другом. Про картошку

люди слышали, но слухи эти хорошими не назовёшь. Пришлось объяснять, что любой новый продукт требует вдумчивого обращения. Даже яблоко, сорванное с дерева, желательнее вначале помыть. Вдруг на нём птичка потопталась грязными лапками, или вовсе измарала своим помётом. Короче, расписал картошку так, что у самого слюни потекли.

А потом я узнал, что люди ничего не слышали про подсолнух. Блин, а это ведь не только семечки! Тут тебе и подсолнечное масло, и халва, и ингредиент для мазей, мыловарения, красок... Если оливки в России не растут, то подсолнечник — пожалуйста! Правда, озвучивать пришедшие в голову мысли не стал. На этом можно сделать деньги, поэтому лучше попридержать информацию. Зато нужно обязательно списаться с европейскими садовниками. Пусть пришлют кое-какие семена. Не самому же туда мотаться? Вдруг столкнусь с тем, кто знает реального Лионеля Фишера...

— Леонид Иванович, а, правда, что вам посчастливилось присутствовать на коронации её императорского величества Елизаветы Петровны? — спросил отец Дорофей.

«Мля, и что отвечать? — бьётся в голове. — И почему батюшка решил, что я был на коронации? Вроде Белкиным ничего похожего не говорил. Или говорил?»

— Вы же приехали с его превосходительством Михаилом Илларионовичем Воронцовым в Москву прямо из Санкт-Петербурга? — следует продолжение вопроса.

— Совершенно верно, — серьёзно киваю, а сам пытаюсь сообразить, что говорить дальше? Названную фамилию я уже слышал. Значит, этот Воронцов и меня подогнал Белкину, а не только жену. Выходит, я был на коронации?.. Скорее нужно надевать на лицо маску восхищения... — Русская коронация — это удивительное зрелище! Пышно, ярко, впечатляюще! А народу столько, что улицы становятся похожи на красочный муравейник. Жаль, что я видел всё издали. Рядом с её императорским величеством Елизаветой Петровной находилось слишком много благородных семей из русских аристократических родов. Куда мне, скромному французскому дворянину...

— О! Леонид Иванович, не нужно ложной скромности, — в разговор вступил комендант Боровска, Семён Алексеевич Челищев. — Нам Иван Данилович рассказал, что ваш батюшка прислуживал самому французскому королю...

— Пустое, господа, пустое, — добавляю скромности, а сам ругаю Белкина, на чём стоит свет. Расписал, наверное, что я в монаршие покои дверь ногой открывал... — Его величество ценил моего батюшку, но я жил другой жизнью, далёкой от двора. Моей музой была наука...

Стараюсь перевести разговор на те темы, в которых кроме меня никто не разбирается. Рассказываю про парки Версаля, про ботанический сад в Париже, про аптекарские огороды и садоводческие теплицы. Объясняю, что лучше высаживать на той или иной почве. Способы по её улучшению... Гляжу, а гости пытаются прикрыть зевки ладошками... «Как же так? Ведь вы все помещики! Неужели не хочется узнать способы более продуктивного использования земли? Похоже, что — нет. И какого беса вам тогда надо? Скандалы, интриги, расследования? Или моя так называемая близость к власти имущим? Что ж, получите...»

— Между прочим, вот эту брошь мне подарил его величество король Людовик XV, — и тычу в лацкан кафтана.

— Позвольте полюбопытствовать, а за что? — живо интересуется воевода.

— Я вывел новый сорт свёклы, — заявляю несколько высокомерно.

«Фи-и... — читается в глазах гостей, типа, нашёл, чем хвастать».

— Благодаря этому казна смогла заработать двести тысяч рублей, в пересчёте на

русские деньги, — ошарашиваю народ.

— Как так!? — у всех тут же проснулся интерес.

— При переработке эта свёкла даёт двадцать процентов сахара от своего содержания. Проще говоря, с каждых десяти пудов свёклы можно получить два пуда чистейшего сахара. А отходы с удовольствием скушает скотина.

Конечно, озвучивая эту тему, я немного опережаю время. В Европе опыты со свёклой начнутся лет через пять. В своё время мне стало интересно, почему в Российской империи, где для выращивания свёклы существовали все условия, сахар был в дефиците и стоил очень дорого? Оказывается, свёкла была, а сахарный сорт — нет. Впервые о наличии сахара в свёкле узнал немецкий химик Андреас Маргграф в 1747 году. И лишь через пятьдесят лет русские и немецкие учёные нашли способ, как увеличить содержание сахара и производить его в промышленных масштабах. Сейчас же бабло на сахаре делают американские плантаторы. Хотя не только они. Сахарный тростник выращивают в Африке, в Индии, в Китае... Короче, везде, где есть в наличии жаркий влажный климат.

— Значит, в России тоже можно выращивать этот сорт? — загорелись глазки у купца Кошкина.

— Можно, но в ближайшее десятилетие не получится, — делаю слегка надменное лицо.

— Почему?

— Своё открытие я подарил французской короне. Открыть эту тайну я могу лишь с её согласия. Но, как вы понимаете, казне конкуренты не нужны. Их и так хватает. В первую очередь это американские плантаторы, которые выращивают сахарный тростник, используя для этого труд невольников, то есть, рабов.

— Где же они их берут? — удивляется бурмистр.

— Господа, вы прямо, как дети. Разве в Российской империи не торгуют крепостными крестьянами?

— Торгуют. Но крепостные крестьяне — это не рабы, а люди, приписанные к земле, — начал степенно объяснять воевода. — К тому же холопство отменено ещё Петром Великим! А государыня-матушка за каждую крестьянскую душу может спросить со всей строгостью!

«Ого! — удивляюсь такому заявлению. — А я и не знал. Надо же, как люди негативно отреагировали на слова про рабство. Но всё равно, получают какие-то двойные стандарты: закрепощение есть, а рабства — нет...»

— Может, — соглашаюсь я. — Однако людей покупают и продают. Но это внутри державы. А что творится на её окраинах? Разве турки и татары не занимаются людоловством? Рабы на галерах, послушные наложницы в гаремах... Откуда они? На работорговле делают громадные состояния. Взять тех же англичан... Захватив земли в Ирландии, они продают её жителей тем же американским плантаторам. Причём, без разницы, кто ты: крестьянин, горожанин, дворянин...

— Что, и дворянами торгуют?! — послышались возмущённые возгласы офицеров.

— Если дворянин из бедной семьи и не может выкупить свободу, то участь его безрадостна, — дальше я описываю все ужасы существования рабов на плантации. Народ в шоке.

— Позвольте, Леонид Иванович, но откуда вы про это знаете? — спрашивает воевода.

— Господа, берега Франции омывают воды Средиземного моря и Атлантического океана. Сотни кораблей ежедневно заходят и покидают её порты. Информация поступает со всего света... — говорю и вдруг замечаю, что кроме воеводы, остальные сидящие за столом

люди не совсем понимают, о чём идёт речь.

«Неужели не знают географию? — жутко удивляюсь». Тогда прошу принести мне чистый лист бумаги и рисую общую схему Земли. Конечно, она далека от оригинала. Как бы ни была хороша моя зрительная память, но я никогда специально не занимался запоминанием контуров географических объектов.

— А вы уверены в том, что рисуете? — снова спрашивает воевода.

— Абсолютно! — киваю своим пышным париком.

Ещё бы мне не знать! Все школьные годы на стене в моей комнате висели две карты мира: политическая и физическая. Кроме того я прочитал много книг про пиратов. Причём на языке оригиналов. Бабушка постаралась, дабы лучше усваивал иностранные языки. Поэтому географические названия помню хорошо.

Быстренько накидав карту, рисую схему трансатлантического торгового обмена между тремя частями света — Африкой, Америкой и Европой. Заодно поясню, какие товары, кроме рабов, фигурируют на этих маршрутах. Говорю в основном про растения и сельхоз культуры. То есть о том, что мне знакомо больше всего. Народ слушает меня с большим интересом, иногда задают уточняющие вопросы. Когда я начинаю рассказывать об испанских кораблях, гружённых золотом и серебром, все собравшиеся за столом люди испытывают реальный шок! «Эта ж, какие деньжища?! — так и читается в их глазах, выпученных от изумления».

— А что вы хотите, господа? — и перехожу Индийскому океану. — Возьмём ту же Англию... Кроме пиратства в районах Атлантического океана и Карибского моря, они занимаются вполне мирной торговлей, которая поощряется в среде английских аристократов. Например, держателями акций Британской Ост-Индийской компании является весь королевский двор.

— Что такое, акции? — звучит очередной вопрос.

Приходится просветить людей. В России, наверное, тоже существует что-то похожее, но масштабы далеко не те. К тому же в Англии... а ещё и в Голландии, уже произошли буржуазные революции. Капитал стремится подмять под себя всевозможные колонии и освободится от «опеки» монархов. Лет через тридцать американские дельцы начнут борьбу за независимость от английской короны. Конечно, про это я не рассказываю. Лишь стараюсь раскрыть суть акционерных обществ. Если тем же дворянам открыто заниматься торговлей мешает негласный моральный кодекс, то быть держателями акций никто не запрещает.

Зачем это нужно лично мне? Возможно, получится замутить какой-нибудь бизнес. Например, наладить выпуск оконного стекла. Сам я в этом деле мало что соображаю, но можно найти стеклодувов и вместе с ними поразмыслить над технологией. Авось придут в голову светлые мысли. Изготавливать мебель — тоже прекрасное занятие. Тем более у меня есть опыт в этом деле. А ещё можно создать питомник для растений. Вообще безотказная тема. Народ-то живёт в основном с того, что родит земля... Короче, идей в голове много.

— А чем торгует Британская Ост-Индийская компания? — задаёт вопрос кто-то из гостей.

— Однозначно ответить на ваш вопрос сложно, — снова делаю умное лицо.

— Почему?

— Потому, что компания занимается не только скупкой и продажей экзотических товаров, но и доставкой сырья на производства. Из Индии привозят чай, специи, пряности, селитру... Селитра, между прочим — это не только главная составляющая для пороха, но и

прекрасное удобрение, помогающее получить более высокий урожай. Потом идут хлопок-сырец и шёлк-сырец. Английские аристократы являются владельцами ткацких мануфактур, которые изготавливают сотни аршин самой разнообразной ткани ежедневно. Потом эти ткани они продают по всему миру. Или взять те же самые чулки, — и показываю гостям на свои ноги. — Господа, английские чулки носят во всех концах света! Представьте, если бы повсеместно носили одежду, пошитую в Боровске... Вы бы сейчас все жили во дворцах!

Гляжу, народ не на шутку впечатлился. Возможно, они даже не подозревали о таком положении вещей. Ну, а я, изучавший историю не только по учебникам, но и по художественным книгам о пиратах, а так же по роликам из интернета, прекрасно представлял всю движуху в данном направлении. Лет через сто начнутся опиумные войны. Англичане будут давить Китай, чтобы официально позволил им торговать опиумом на своей территории. Круто, да?

Представьте такую ситуацию в 21 веке... Америка нападает на Ирак не из-за нефти, а из-за того, чтобы спокойно торговать на его территории наркотиками. В принципе ими и так повсеместно торгуют. Для народа же создают видимость борьбы с этим злом. А в Голландии и вовсе подобной ерундой не заморачиваются. Разрешено официально! Хотя и говорят, что продают исключительно лёгкие наркотики. Ага, пиво тоже лёгкий алкогольный напиток, но им так можно накидаться, что туши свет! Ещё круче в Испании. Там наркоманам, сидящим в тюрьмах, наркотики раздают бесплатно!!! Беспокоятся о бедненьких, чтобы стресс не испытывали.

А я помню одну свою одноклассницу... Такая была яркая девочка... Подсела на наркоту и уже в двадцать два года превратилась в страшное, грязное создание, к которому подойти противно. В двадцать пять лет она умерла. Поэтому нет у меня пиетета перед Европой, а уж перед Америкой подавно. Когда я попал сюда, в моём времени шла война между Россией и Украиной. А развязали её именно европейцы с американцами. Поэтому, находясь здесь, я сделаю всё, чтобы отбить у людей преклонение перед западом. Не создай себе кумира! Иначе разочарование будет слишком горьким. М-да, а церковь в чём-то права...

— Леонид Иванович, вот вы постоянно говорите про Англию... А как дела с торговлей во Франции? — решил поинтересоваться воевода.

— Англия, Николай Яковлевич, наш вечный конкурент! Французские дворяне тоже являются хозяевами самых разнообразных мануфактур, и поверьте, мы производим товары не хуже! — добавляю в голос пафоса и высокомерия. Сам же преследую одну единственную цель, хочу убедить местное дворянство развивать собственное производство. Взять, к примеру, Иван-чай. Чего стоит изготовить простейший прессовальный станочек и штамповать брикеты? Топливо для этого дела не нужно, электричества тоже не нужно. Всё вручную... Заодно озаботиться симпатичной упаковкой. Бересты и древесины навалом... Поставить производство на поток и вперёд! Брикеты из травяных сборов можно так разрекламировать, каждый купит захочет и не только в России. Главное, правильно подать информацию. Смогли же заразить полмира тягой к никчёмному табаку.

— Леонид Иванович, а вы можете посоветовать нам какое-нибудь дело? — снова задаёт вопрос воевода.

«Неужели клюнуло? — смотрю с улыбкой на Николая Яковлевича. — Что же ему предложить?.. — тут мой взгляд падает на колышущийся огонёк свечи. — Надо же, хозяева расстарались ради гостей. А у меня в комнате по-прежнему зажигают лучины...»

— Господа, а вам я могу предложить заняться производством светильных ламп! —

приходит в голову самое элементарное решение. Её конструкцию я представляю вполне хорошо. Михаил Петрович частенько пользовался на даче керосиновой лампой. Рассказывал, что она сохранилась со времён Великой Отечественной Войны. Сам он по причине малолетства для фронта не годился. А вот его дед и отец воевали. Оба, слава Богу, вернулись живыми.

— Это что за лампы такие? — спрашивают удивлённо.

Я быстренько пытаюсь вспомнить всё, что знаю по этой теме и выдаю информацию гостям. Только, где взять нефть? Про здешние месторождения мне вообще ничего неизвестно. И тут гости сами подсказывают, что земляное масло привозят из Астрахани. Ещё оттуда привозят соль и восточные товары... А люди-то, оказывается, не такие уж и отсталые...

Мои объяснения народ воспринимает с явным недоверием. А проще сказать, не понимает. Воображения не хватает. Тогда переворачиваю лист с изображением карты мира и на другой стороне рисую эскиз лампы и объясняю принцип её действия. Люди всё равно в сомнениях. Слишком сложно для них... Сосуд для горючего изготовь, стеклянную колбу изготовь, нефть привези, перегони из неё какой-то керосин... Это сколько же такая лампа будет стоить? Так и разорится недолго!

В принципе, я их понимаю. Создать с нуля какое-либо производство — всегда накладно. А тут иностранец что-то непонятное лепит. Зачем столько мороки, когда повсюду есть бесплатная лучина? Моё понимание этих людей настроения не улучшает. От безысходности хочется взвыть. Все объяснения, как в пустоту. Нужен наглядный образец, а его нет. Толку рассказывать голопузым туземцам, что автомат Калашникова — это круто, если нет самого автомата? Копьём тоже можно убить человека, ткнул в пузо и всё...

Конечно, будь у меня деньги, я бы смог заинтересовать народ. Простимулировал бы, так сказать. А что делать сейчас? Вот совершенно не хочется, чтобы обо мне думали, как о чуде с глупыми фантазиями. Начинаю злиться и толкаю новую речь:

— Господа, если вам не нравится моё предложение с лампой, попробуйте создать мануфактуру по производству оконного стекла. Уж этот товар всяко будет пользоваться спросом. В том же Санкт-Петербурге знаете, какие окна в домах? Каждое, как четыре вот таких! — и тычу пальцем в раму. — И там вы не найдёте даже кусочка слюды. Столичная знать брезгует пользоваться пережитками прошлого. На смену старине идёт технический прогресс! Как вы думаете, почему в той же Англии ткнут столько ткани, что могут продавать её по всему свету? Потому, что используют для этого дела механизмы. Один станок легко может заменить десяток людей. Надеюсь, вы слышали о таком понятии, как демпинг?

Естественно, никто не слышал. Хотя прекрасно знают, что значит — перебить цену. А я снова погружаюсь в мир бизнеса и рассказываю, как дельцы ведут свои дела. Народу интересно, но меня снова спускают с небес на землю.

— Леонид Иванович, чтобы построить мануфактуру по производству стекла, нужны специалисты, разбирающиеся в этом деле. И где их взять? Может быть, вы возьмётесь? — спрашивает воевода.

— Господа, я могу составить бизнес-план, но само производство мне не знакомо...

— Что такое «бизнес-план»? — сразу звучит вопрос.

Приходится объяснять новый для этого времени термин. Получается с трудом. Я произношу сплошь незнакомые слова. От избытка новой информации у людей образуется каша в голове. В результате интерес пропадает. Люди делают вид, что слушают меня, а

сами... На столе вкусная еда и вишнёвая наливка. Она ближе и вкуснее непонятных прожектов. М-да... Тогда пытаюсь разжевать всё простыми словами.

— Леонид Иванович, если вы не разбираетесь в стекольном деле, зачем же тогда все эти объяснения? — снова ошарашивают меня.

Сука! Как им объяснить, что технология изготовления стекла, это лишь часть большого процесса? Организация доставки сырья, учёт, складирование, хранение, сбыт, реклама, финансирование — вот что самое главное. Но народ уже меня не слышит. Хочется наорать, но я сдерживаюсь. Зачем мне конфликт? Мило улыбаюсь, пожимаю плечами и отправляю в рот наливочку... За мной охотно повторяют, кроме отца Дорофея и Марии Васильевны. Они вовсе не пили.

Что-то захотелось по малой нужде. Извинившись перед гостями, выхожу на улицу... Блин, да что за карма такая? Следом за мною увязался отец Дорофей. Да и хрен с ним... М-да, а на улице-то темно. Небо вдобавок пасмурное. В туалете, наверное, вообще ничего не видно. Пристроились возле конюшни. Только-только избавились от излишков, как батюшка спрашивает меня:

— Леонид Иванович, вы же близко знакомы с его превосходительством Михаилом Илларионовичем Воронцовым?

— Э-э... — завис я: «Вот же гадство. И чего этому попу надо?» — К чему ваш вопрос отец Дорофей?

— Тут такое дело... — замялся батюшка. — Я пытался через нашего воеводу отправить челобитную в Берг-коллегию, но ответа до сих пор нет.

— А по поводу чего челобитная?

— Железно-заводчики Меллеры на монастырской земле поставили свои заводы, а денег оброчных не платят. Вот и хочу, чтобы взыскали с них...

— А разве в Боровске есть железоделательные заводы? — искренне удивляюсь.

— А чего же им не быть? — теперь удивляется поп.

— А руду они, где берут? — спрашиваю, а сам думаю: «Как жаль, что я плохо разбираюсь в этих вопросах. Вот была бы у меня карта с месторождениями полезных ископаемых, тоже можно было чего-нибудь замутить... Пусть я никогда не изучал металлургическое дело, но подсказать умную идейку всяко смогу. Чем отличается сталь от чугуна — знаю. Химические процессы, происходящие при плавке, представляю. Да и литература кое-какая на глаза попадалась...»

— Из Оболенского уезда по Протве привозят, — отвечает отец Дорофей.

— А как бы с этими Меллерами познакомиться?

— Так идите завтра с утра к ним на завод и знакомьтесь.

— Благодарю за подсказку, отец Дорофей, — киваю, а сам думаю, что с батюшкой лучше поддерживать хорошие отношения. — А давайте сделаем так, вы напишите ещё одну челобитную в Берг-коллегию, а я постараюсь, чтобы она дошла до нужных людей.

— Ох, благодарю, Леонид Иванович! — у старичка аж засветились глаза. — А то ведь знаете, сколько на монастыре висит расходов...

По словам архимандрита, выходило до хрена! Тут с денежными потоками вообще происходили полные непонятки. Кто за что отвечает, фиг поймёшь. И это при том, что на территории монастыря квартировали солдаты и офицеры Боровского гарнизона. Там же им выдавали жалование. А ещё в монастыре располагался сборный пункт во время рекрутского набора. Что-то в моей голове воинская часть и монастырь вообще никак не сочетаются.

Похоже у меня неправильная голова.

Зашли в дом. Народ уже накидался наливочкой и вовсю ведёт застольные беседы. Порой люди никого, кроме себя, не слышат. Понятно, стандартный пьяный трёп. Мне в эти разговоры лезть совершенно не хочется, хотя есть, что сказать. Например, предложить производство бумаги. Тема актуальная всегда. Общую технологию производства целлюлозы я знаю. Возможно, существуют нюансы, которые мне неизвестны, но это мелочи. Однако лезть с новыми идеями не собираюсь. Равнодушное отношение к моим предложениям меня сильно разочаровало. Люди хотят, чтобы им подали всё готовенькое, а самим лень стукнуть палец об палец. А может, я просто тороплю события?

Как говорится, идея запущена, теперь ей надо хорошенько перевариться в головах... В общем, не знаю. Зря, наверное, полез умничать. Проще самому попробовать что-нибудь сделать. Поговорить с купцами, чтобы привезли хотя бы бочку нефти... Найти стеклодувов и погрузится в их тему... А ещё бы я не отказался забодяжить кирпичный заводик. Даже если люди по-прежнему будут строить деревянные дома, то для печек необходим кирпич. В печных конструкциях я немного секу, как и в каминах. Парочку лично выложил. А куда деваться, когда работы нет? Меня спросили: «Умеешь?» Я ответил: «Конечно!» После чего залез в интернет, надыбал там несколько проектов, распечатал и вперёд... Если руки растут из нужного места, то выложить аккуратную кладку большого труда не составит.

— Сколько, сколько шуба стоит? — брошенная фраза одного из гостей вывела меня из раздумий и заставила задать вопрос.

— Двести рублей, Леонид Иванович. А вы разве не знали? — ответил воевода.

— Откуда? — отвечаю чересчур поспешно и сразу ругаю себя за торопливость: «У меня же есть шуба, обязан знать её цену».

— Помилуйте, Леонид Иванович, — обращается ко мне Белкин, — но вы же приехали в шубе.

— Совершенно верно. Только я её не покупал, мне подарили... — пытаюсь отмазаться.

— Вот, вот, подарили! А всё строите из себя скромника, — съязвил бурмистр, но на него тут же зашикали.

На непонятную подначку я совершенно не обратил внимания, а вот цена на шубу сильно удивила... Это что же, мне надо два года пахать и все полученные деньги никуда не тратить?.. Звиздец, мля! Не шуба, а целый Боинг. От этих мыслей, похоже, моё лицо приобрело сердитое выражение. И тут все гости, почему-то, заторопились по домам, мол, давно пора, да и на улице темно... Я лишь пожимаю плечами: «Раз надо, идите. Только чего так резко подорвались?» Но вслух свой вопрос произносить не стал. Быстрее уйдут, быстрее спать лягу. Что-то эти смотрины меня утомили...

ГЛАВА 12

Я МЫСЛЮ, ЗНАЧИТ, СУЩЕСТВУЮ

Спиртное по-разному действует на людей. Одни после выпитого становятся агрессивными, другие весёлыми, третьи глупыми... А есть самая безобидная категория, выпил и на боковую. Приключения — это не про них. Лично меня после хорошей дозы обычно уносит в мир раздумий. Не кричу, никуда не рвусь, людей своей суетой не напрягаю. Бывает, конечно, и на меня находит кураж, но случается подобное редко. Сейчас вот тоже лежу в своей комнатухе и размышляю над прошедшими сегодня событиями...

Белкин, похоже, сам себя обманул и напугал. В чём это проявилось? Начнём с того, что Иван Данилович слишком рьяно демонстрирует перед местной городской верхушкой своё знакомство с неким Воронцовым Михаилом Илларионовичем. Как я понял, этот Воронцов состоит в свите императрицы. То есть человек высокого положения. Благодаря своему положению он смог уговорить меня (человека изрядной учёности и знатности) заняться воспитанием детей своего друга. Скорее всего — это официальная версия, в которую верит вся Боровская верхушка. Теперь я эдакий Хлестаков из Гоголевского «Ревизора». М-да, весёлая ситуёвина. А виноват в ней лично Белкин. Меньше нужно было хвастать.

Ирония состоит в том, что Иван Данилович, похоже, сам поверил в своё враньё. Поверил и испугался. Слишком высоким оказался мой неофициальный статус. А с таким человеком шутить нельзя, лишь выказывать уважение. Только с уважением произошёл прокол, причём с самого начала. Тут и глупое поведение крепостных, и неверие моим словам, и розыгрыш на скотном дворе, и глупые высказывания первых лиц Боровска. Про глупые высказывания я понял тогда, когда Мария Васильевна проводила гостей, а потом сказала:

— Ну, и напугали же вы их, Леонид Иванович.

— Кого? — искренне удивился я.

— Гостей наших. Я даже заволновалась. Надеюсь, вы не приняли слова нашего бурмистра близко к сердцу?

— Если честно, Мария Васильевна, я даже не понял, о чём он говорил.

— Ну, и, слава Богу. А то люди выпьют и забывают следить за своим языком.

— А что он сказал-то? — мне стало любопытно.

— А-а, пустое! — женщина махнула рукой, а у самой забегали глазки.

— Пустое, так пустое, — охотно согласился я. Раз не хочет говорить, то и не надо. Не в кабинете же у следователя...

Пошёл в свою комнатку, притомился что-то. День выдался чересчур насыщенным. Но мозг сразу отключаться не захотел. Поэтому лежу и размышляю... Ругаю хвастуна Белкина... Если у него действительно случится что-то серьёзное, поможет ли ему покровитель? Если честно, то сомневаюсь. Хотя я тоже хорош... Столько наговорил и наврал, что страшно становится. Но меня можно понять, ситуация далека от обыденной. Пришлось бороться за выживание. Быть жалким никчёмным совершенно не улыбалось. Ну, а кто такой гувернёр? По большому счёту — никто! Наёмный работяга, полностью зависящий от работодателя. Пришлось это мнение перебить.

Но как быть теперь? Вдруг ко мне полезут с просьбами? Кстати, уже полезли. Архимандрит Дорофей пытается решить свои проблемы через моё посредничество. И как

ему помочь? Лично мне встречаться с Воронцовым совершенно не по кайфу. Скорее всего, он знает меня в лицо. А я — это не я. М-да... Можно, конечно, сказать Белкину, чтобы попросил своего покровителя передать челобитную в Берг-коллегию. Тогда всяко не откажутся её рассмотреть. Но захочет ли Воронцов лично передавать письмо? Зачем ему это? На крайний случай передаст челобитную через какого-нибудь слугу. И чего тогда? Слуге эти бумаги по барабану. Чиновникам из Берг-коллегии подавно.

Кстати, когда гости ушли, я спросил у Ивана Даниловича, что это за коллегия такая? Слышать-то слово — слышал, но что оно означает, не знаю. Оказалось, Берг-коллегия — это прототип министерства тяжёлой и горнодобывающей промышленности. После полученной информации мне ещё больше захотелось познакомиться с семейкой Меллеров. Возможно, удастся через них осуществить свои задумки. Например, построить цех по изготовлению мебели. Может и с оконным стеклом что-то выйдет. Заодно пробью тему по поводу керосиновых ламп. Всё-таки для завода они будут лучше, чем свечи или лучины.

Помню, что 100 миллилитров керосина хватало на 5 часов. Значит, одного литра хватит как минимум на двое суток. Но зачем жечь лампу постоянно? Особенно летом? Короче, по моим прикидкам выходит, что при использовании одного литра керосина, лампа проработает дней десять. Цифры радуют! Но есть проблема... Я плохо представляю, как из нефти гонят керосин. М-да, желаний много, а знаний мало.

После производственных проблем мои мысли перешли к основной работе. То есть к обучению детей наукам. Во-первых: необходимо составить чёткий распорядок дня: когда вставать, когда делать зарядку, в какие часы принимать пищу... Диету тоже надо продумать. А то здесь существуют постные дни, которые мне совершенно не нравятся. Детскому организму нужно развиваться, а его ограничивают в белках, в жирах и прочих полезных микроэлементах. Я ещё по той жизни помню, как тупорылые родители, помешанные на вегетарианстве, доводили собственных детей до истощения. Из-за этого даже судебные дела заводились. Поэтому здесь я обязательно прослежу, чтобы пацаны питались нормально. А если батюшка будет возникать, то морду ему набью. Пост — это удел монахов, а не мирян. Просто не хрен переедать. А то нажрут, как Тузики на помойке, а потом из-за стола встать не могут. Какая же тут польза? Сплошное насилие над организмом.

Во-вторых: нужно составить график занятий, чтобы ребёнок получал информацию дозированно и успевал её усваивать. Плюс к этому необходимы развивающие игры. Когда у Даньки подросли близняшки, мы специально искали в интернете упражнения, которые улучшают память и внимание. У детишек обычно проблемы со вниманием. Отсюда и отставания в учёбе. Зато каждодневные пятнадцатиминутные игры, которые можно начинать с одного годика, так натренируют мозги, что ребёнок с удовольствием будет учиться в школе. А почему? А потому, что привычка, как у курильщика.

В-третьих: это физическое развитие. Нужно расписать комплекс упражнений на ловкость, на гибкость, на выносливость, на силу, на растяжку. Кстати, мой тренер по гребле говорил: «Для того чтобы сберечь позвоночник, нельзя до 18 лет поднимать штангу. Работать можно только с собственным весом. Подтягивание, отжимание, пресс, приседание, римский стул...» То есть в основном турник и брусья. В принципе я с ним согласен. У всех штангистов проблемы со спиной. Зато те же самые гимнасты и пловцы имеют красивую, развитую мускулатуру. Про гребцов я и вовсе молчу. В общем, придумаю, как работать с телом.

Напрягает другое... Я не умею фехтовать и ездить на лошади. А это для здешних

офицеров самое важное. Придётся намекнуть Белкину, чтобы нашёл какого-нибудь отставного казака или гусара, в совершенстве владеющего этими навыками. Я тоже не откажусь потренироваться. Заодно козырну своими приёмчиками. А ещё нам в армии преподавали ножевой бой. Надо бы вспомнить, чему учили. Составить методичку. Пацанам он точно не помешает. А вот работу со штыком показать не получится. Там у меня были автомат и штык-нож, а здесь у солдата здоровенное ружьё и длинный игольчатый штык. Как ими управлять, вообще не представляю. Интересно, а есть какое-нибудь пособие или устав, рекомендующий упражнения с ружьём?

Потом я вспомнил, что в одной из дорожных сумок хранятся бумаги, а мне даже неизвестно их содержание. Надо срочно разобраться. А ещё пора тренировать почерк. Надеюсь, там есть «мои» личные сочинения? Копирую я хорошо, поэтому, думаю, руку набью быстро. А писать, похоже, предстоит много. Нужно будет, во что бы то ни стало, выписать из Европы различные семена. Но в первую очередь это семена подсолнечника, картофеля и свёклы. Высаживать подсолнечник и картофель я обязательно уговорю Белкина. Тем более это может принести неплохой доход. Возможно через того же Воронцова удастся получить монополию на производство подсолнечного масла. А вот со свеклой придётся ставить эксперименты. Интересно, здешняя свекла и европейская сильно отличаются друг от друга? Может и не стоит заморачиваться с семенами?.. Кстати, а как в России обстоят дела с ботаническими садами? Вроде, уже должны быть. По крайней мере, в Питере... С этими мыслями я уснул.

Во сне я почувствовал себя Менделеевым Дмитрием Ивановичем, эдаким матёрым человечиком с косматой бородой. Мне приснилась периодическая таблица элементов. Да так ярко!.. Такую таблицу я мог наблюдать лишь в одном месте, в своей комнате на столе под стеклом. Туда её положила моя бабушка, когда я пошёл учиться в седьмой класс. Чётко отпечатавшись в моём мозгу, таблица вдруг превратилась в рабочую схему ректификационной колонки, при помощи которой нефть перегоняют в бензин и прочие составляющие. Потом схема мимикрировала в бородатого мужика, одетого в резиновые сапоги и в ватник. Мужик был чеченцем. Нефть залегала прямо у него в огороде на глубине одного метра. Этот счастливый человек производил бензин прямо у себя во дворе, используя для этого дела какие-то грязные баки. Но я на мужика уже не смотрел. Как только увидел схему ректификационной колонки, мозг сразу озарился вспышкой: «Бензин = зажигалка!» Эта мысль моментально вышибла меня из состояния сна. Соскочив со своего топчана, я чуть ли не бегом ломанулся в общую залу...

— А-а, сука! — в темноте налетел на табурет, стоящий возле стола. Впрочем, мебель меня не остановила. Пока в мозгах стоит картинка ректификационной колонки, нужно срочно её зарисовать. — Марфа, запали скорее лучину!

— Что случилось, Леонид Иванович?! — месившая тесто женщина, вытаращилась на меня с испугом.

— А ещё мне нужен лист бумаги. Скорее! — командую, не отвечая на её вопрос.

— Возьмите в барской комнате, — придя в себя, недовольно ответила Марфа.

Действительно, ей было не до бумаги, и не до лучины тоже. Смотрю, а руки у кормилицы все в муке. Тогда без раздумий несусь в комнату к Белкиным, и лишь очутившись внутри, с ужасом осознаю: «А вдруг они сейчас...» Но нет. Кровать четы Белкиных аккуратно заправлена, а сами они отсутствуют. Тогда я открываю секретер, хватаю пару листов и бегу к себе... Нужен карандаш!

Дверь в свою комнату не закрываю, чтобы хоть немного попадало света. Быстро отыскиваю карандаш, снова бегу в общую залу, падаю на лавку, стоящую у стола и начинаю торопливо рисовать схему. Марфа посматривает на меня насторожено. Всё правильно: выскочил, как чёрт из табакерки, кричит, бегает с безумными глазами... Причём бегает в леопардовых трусах и в футболке «завалю мамонта». Вот так и рождаются слухи о чокнутых профессорах...

— Марфа, а который сейчас час? — завершив вопрос со схемой, наконец-то возвращаюсь в реальность.

— Только что на звоннице восемь пробили. Неужто не слышали?

— Нет, — отвечаю удивлённо. Я не только колокольного звона не слышал, я даже не знал, что тут время отбивают. — А как часто оповещают, который час на дворе?

— С тех пор, как при церкви появились часы, было велено отбивать время каждый час.

— Это хорошо! — настроение почему-то сразу улучшилось. А тут ещё схема удачно вспомнилась. Видел её, скорее всего, в интернете, как и ролик с бородатым чеченцем. Кстати, было бы неплохо зарисовать таблицу Менделеева. Вдруг пригодится? А что, стану самым известным химиком! Правда, я в химии не очень силён. Больше в ботанике. Но когда это останавливало русского человека? Переворачиваю листок бумаги и начинаю «придумывать» таблицу Фишера...

Всё утро я занимался «придумыванием» и составлением различных планов и графиков. В основном воплощал на бумаге то, о чём размышлял вчера перед сном. Примерно через час учебный план был расписан. Тут и пацаны проснулись. Вышли из комнаты, потягиваются, почёсываются и спрашиваю у Марфы, когда их накормят?

— А кушать вы, господа, будете лишь после того, как сделаете зарядку, умоетесь и приведёте себя в надлежащий вид! — обламываю барчукам праздник живота. — И вообще, почему вы так поздно просыпаетесь?

— Потому, что нас никто не разбудил, — оправдываются чуть ли не хором.

— Кстати, Марфа, — обращаюсь к кормилице, — а где Мария Васильевна и Иван Данилович?

— Иван Данилович на службе, а Мария Васильевна в церкви.

— А какой сегодня день недели?

— Среда.

— Угу... А что, Мария Васильевна каждое утро ходит в церковь?

— Да.

— А ты?

— А мы, — подчеркнула Марфа, — ходим в церковь по воскресеньям. В остальные дни некогда. Но если надо, то барыня и в будние дни отпускает. А Прасковья всегда вместе с Марией Васильевной ходит. Ещё дочку с собою берёт, — сказала как будто с обидой. Завидует что ли?

— Бедный ребёнок, — невольно вырвалось у меня.

— Почему? — удивилась жена.

— Потому, что ребёнку спать надо, а не мотаться с утра пораньше по церквям. Кстати, скажу сегодня Марии Васильевне и Ивану Даниловичу, чтобы Васька и Наташа тоже занимались вместе с барчуками. Вырастут, будут хорошими помощниками. А от грамотных помощников ещё больше пользы. Да, Марфа, а ты не подскажешь, почему я вчера их не видел? Где они пропадали?

— У себя в пристрое. Здесь и так тесно. А ещё Мария Васильевна думает, что они вам будут мешать, — сдала Марфа свою хозяйку.

— Глупости! Дети мешать не могут. Пусть все здесь собираются. Я каждому найду занятие... А вы чего встали? — смотрю на братьев.

— А чего делать?

— Зарядку.

— А мы не умеем, — растеряно переглядываются.

— Значит, будем учиться! — я злорадно потёр руки. — И ещё, Марфа...

— Чего, Леонид Иванович?

— Теперь каждое утро, как только услышишь, что пробили семь часов, идёшь меня будить. Ясно?

— Хорошо, Леонид Иванович. Как скажете...

— Я уже сказал. А теперь, духи, вставайте напротив меня и повторяйте всё, что я буду делать...

— А почему мы — духи? — решил поинтересоваться Степан.

— Прости, ошибся. Вы ещё не духи, а только запахи. Вот когда примите присягу... — тут я спохватился. Распространяться на тему негласной иерархии в армии Российской Федерации не стоило. — Отставить разговоры в строю! Встали ровно... Наклонили туловища чуть вперёд... Согнули руки в локтях... И начинаем бег на месте... Раз, два, три, четыре! Раз, два, три, четыре! Следим за дыханием! На четыре счёта вдох... На четыре счёта выдох...

За стол сели минут через тридцать. Пока сделали зарядку, пока умылись, пока оделись. Марфа на зарядку смотрела с осуждением. Уж больно полы тряслись. А куда деваться, если нет специальной комнаты? Но это ещё ерунда. Вот когда начнём более серьёзные тренировки... Пацанам в целом понравилось. Оно и понятно, слишком много необычного. А вот когда приестся... Ничего, будем воспитывать силу воли: не хочется, а надо!

За столом тоже учу барчуков правильно сидеть, правильно держать ложку, вилку, нож... Не сутулиться, кушать не спеша, не болтать... М-да, тяжело пацанятам с непривычки. Интересно, а как отец Лазарь их учил? Всяко же что-то говорил? Тогда почему ничего не заметно? Или только учил читать и считать? Хотя, глядя на него, трудно представить благородную осанку... Он мне больше напоминает кота из мультфильма про попугая Кешу, чем служителя церкви: «Таити, Таити... Не были мы ни в какой Таити! Нас и здесь неплохо кормят». О! Лёгко на помине. Только-только позавтракали и прополоскали рты после еды, как в двери вошла Белкина, а следом за нею отец Лазарь. У обоих воротники на одежде заиндевелые, лица румяные... Видать холодно на улице. Марфа, как увидела вошедших, бросилась помогать им снимать одежду. Надо же, не к хозяйке сначала...

— Доброе утро, отец Лазарь! — улыбаюсь. — Доброе утро, Мария Васильевна!

— И тебе, сын мой, здравствовать! — пробасил батюшка и перекрестил меня, как только Марфа забрала у него шубу и шапку.

— Доброе утро, Леонид Иванович, — улыбнулась Белкина и удивлённо поглядела на сыновей.

И не мудрено! Я поменял мальчишкам имидж. Волосы они носили до плеч, лишь чёлки были обрезаны, как у тифозников. Когда пацанята кушали, склоняя головы над тарелками, концы волос вместе с ложкой залезали в блюдо. Меня такая «рыбалка» не устраивала. Я велел Марфе принести две ленточки, после чего зачесал обоим хулиганам волосы назад, собрал в хвостик и повязал ленточкой. На мой взгляд, получилось прикольно. Вот когда

научатся держать осанку, тогда и волосы можно распустить. Хотя, я не сторонник длинных волос у мужчин. Вчера парик надевал чисто для гостей. Упарился в нём... Шапка — шапкой.

— А это зачем так? — поинтересовалась Белкина.

— Так, Мария Васильевна, ходят отроки, которые обучаются в шляхетском кадетском корпусе и в академии морской гвардии, — отвечаю важно, но сам сильно сомневаюсь. Лишь помню, что в фильме «Гардемарины» главные герои точно заплетали сзади хвостик. — И вообще, негоже, когда волосы лезут в еду при приёме пищи. Во Франции, например, мальчикам из благородных семей делают аккуратные короткие стрижки.

— А вот это правильно! — неожиданно поддержал меня отец Лазарь, после чего толкнул такую лекцию, что я даже офигел!

У батюшки, как у представителя церкви, основной посыл сводился к тому, что все эти парики и вычурные причёски от лукавого и нужны лишь для того, чтобы тешить собственное тщеславие и впадать в напрасные траты. К тому же не пристало мужчинам уподобляться женщине. А потом он заговорил про гигиену. Объяснил, почему солдатам надо коротко стричься и сбривать бороды... А я-то думал, что народ тут отсталый, а батюшка вон, сколько всего знает... Даже рассказал про античных медиков и про армию Византийской империи, где уделяли гигиене особое внимание.

— Отец Лазарь, откуда вы столько знаете? — спрашиваю удивлённо.

— Как откуда? Я всё-таки в академии учился, — заявляет важно. — А ещё четыре года назад в Московской провинции мор большой случился. Всем миром с ним боролись. Лагеря карантинные ставили, травами целебными окуривали вокруг... Так и справились с бедой.

Ни хрена себе! Вот, что значит, высшее образование! Даже не думал, что здесь такие вещи известны. Я, изучавший ботанику и всё, что связано с растениями, слышал, как при помощи окуривания дезинфицируют воздух. Ещё этим способом лечат свежие и инфицированные раны, когда не хватает лекарств. Для этого дела и аппарат специальный придумали. Про аппарат я узнал в армии у своего ротного, успевшего побывать в горячих точках. Как-то зацепились с ним языками по поводу растений, он и поделился опытом. Впрочем, я тоже. Подсказал ему, что лучше высаживать на даче... Кстати, а ведь ещё жив Карл Линней! Вот с кем необходимо списаться. И вообще, надо вспомнить всех учёных, которые сейчас живут и работают. Ломоносов, вроде, в самом расцвете... Если налажу переписку, то хотя бы буду в курсе последних научных достижений...

— Благодарю, отец Лазарь за интересную беседу! С удовольствием ещё пообщаюсь с вами на эти темы. А сейчас я вынужден уйти. Есть небольшие дела...

— Куда вы, Леонид Иванович? — встрепелась Белкина.

— В мастерскую к Прохору, Мария Васильевна. Так что не теряйте меня, — с этими словами я зашёл к себе в комнату, оделся и пошёл доделывать вчерашнюю задумку.

ГЛАВА 13

СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ

Как говорил один мой знакомый: «Если у человека руки золотые, то не важно, откуда они растут». То же самое можно было сказать о Прохоре. В моём времени он мог бы смело давать объявления: «Муж на час». Такой и кран починит, и лампочку поменяет, и каблук прибьёт... Причём сделает всё это, обходясь подручными средствами. Незаменимый работник в хозяйстве. Не то, что Емельян. Тёзка знаменитого разбойника с инструментом вообще не дружил. Правда, и у него имелся свой талант — скотину хорошо чувствовал. Ухаживал, лечил, принимал роды... Когда я пришёл в мастерскую, они в конюшне подковывали мерина.

— Бог в помощь, славяне! — добавляю заряд бодрости к их озабоченным лицам.

— Благодарствуем, Леонид Иванович, — чуть ли не хором ответили мужички, не отвлекаясь, однако, от своего дела. — Ловко у вас по-нашенски получается, — это уже Емельян.

— Так у сынка твоего научился, пока из Москвы до Боровска ехали, — польстил я конюху. — Молодец он! Только почему не приходит, когда барчуки наукам учатся? Негоже это! И дочка твоя пусть приходит.

— Э-э... — растерялся Емельян, и чуть не выпустил из своих рук ногу мерина. — Так барыня не велела.

— Я с ней поговорю. Детям обязательно надо учиться. Когда барчуки вырастут, кто для них станет первым помощником? Не дядя же с улицы, правильно? Рядом должны быть верные люди, которых они знают с пелёнок.

— Храни вас Христос за добрые слова, Леонид Иванович! — лицо мужичка расцвел прямо на глазах. Мне даже стало неловко.

— Ладно, не стоит благодарностей. Ты лучше скажи, где найти железно-заводчиков Меллеров? Знаешь таких?

— Знаю! Если надо, могу отвезти.

— Надо, Емельян, очень надо... Но не сегодня, а завтра. Как раз в это же время.

— Хорошо. Только барыню нужно будет предупредить.

— Обязательно предупредим. А ещё мне необходимо съездить на торг. Хочу посмотреть, чем в Боровске купцы промышляют?

— Тоже завтра?

— Совершенно верно. Все выезды со двора планирую на завтра. Сегодня здесь хватает дел. Кстати, вы ещё долго будете своего Пегаса переобувать?

— Это не Пегас, — тут же возразил Емельян. — Его зовут Сухарик.

— И какой это сухарик, ржаной или пшеничный? — поймал я кураж. Приземистая коняга была грязно-рыжей масти, причём довольно упитанная и совершенно не соответствовала своей кличке.

— Просто Сухарик, — тут же набычился Емельян. — Он жеребёнком болел сильно, высох весь, как сухарь. Еле-еле его выходил...

— М-м... Тогда понятно, — делаю сочувственное лицо.

— А кто такой — Пегас? — спросил молчавший до этого Прохор.

— Так в старину греки называли крылатого коня.

— Неужто такие бывают? — мужички изумлённо уставились на меня. Мерин тоже скосил один глаз в мою сторону. Ишь, любопытный...

— Вы про Пегаса спросите у отца Лазаря. Он лучше сможет объяснить. Не зря же в славяно-греко-латинской академии учился, — я решил съехать с темы. Пусть батюшку расспросами достают, ему за разъяснения деньги платят. — Ну, что, долго ещё?

— Заканчиваем, Леонид Иванович, — ответил Прохор. — А вы, никак, пришли по поводу вчерашней задумки?

— Да, — коротко кивнул я, не желая продолжать тему. А сказать было, что. Во время размышления о мебели мне подумалось: «А чего „пачкаться“ комодом, когда можно сразу соорудить шкаф?» В нём будут отделения и для верхней одежды, и для нижней, и для прочих вещей. Помню, дедушка делал один такой экземпляр под старину... Есть небольшие шкатулки, украшенные оригинальной резьбой, а тут ШКАФ! Короче, целое произведение искусств. Деду за него двести тысяч рублей заплатили. Правда, и делал он его всю зиму. Я тоже помогал. — Пойду пока в твою мастерскую, погляжу, что есть хорошего?

— Как хотите. Только одёжки свои не испачкайте, грязновато там...

М-да, в шубе ходить по мастерской совсем не комильфо. Только нет у меня рабочей одежды под это дело. Завтра схожу на рынок, может чего и пригляжу. А ещё нужен ватник или бушлат. На двор выходить придётся часто, всё время одевать шубу — накладно, а от плаща никакого проку. Больше путаюсь в нём, да и холодно. Ещё ноябрь не закончился, а на улице не менее десяти градусов мороза.

Измерил шагами мастерскую... Скромненько, скромненько... Примерно три на три метра. Может чуть побольше. Пол земляной. Прямо напротив входа слюдяное оконце. С правой стороны стоит горн. Возле него наковальня и две большие плетёные корзины, наполненные углём. На закопчённой стене развешан кузнечный инструмент. У левой стенки некое подобие верстака и табурет. Рядом лежат всевозможные чурочки и дощечки. Над верстаком полка со столярным инструментом...

Пока ждал Прохора, сел на табурет, взял дощечку из липы, достал карандаш, который за эти дни изрядно укоротился, и принялся рисовать шкаф. Комнатка у меня маленькая, поэтому его размеры будут примерно полтора метра на шестьдесят сантиметров...

Увлёкшись рисованием, не заметил, как со спины подошёл Прохор и стал наблюдать через моё плечо, чего я там малюю? Напугал, зараза! Почувствовав над своим ухом чужое дыхание, чуть не двинул ему с локтя.

— Блин, Прохор, напугал! Следующий раз так не подкрадывайся, а то, не разобравшись, заеду по твоей тылке, снова в чувство приводить придётся.

— Э-э... — замялся несостоявшийся диверсант. — Простите, Леонид Иванович... Не хотел тревожить... Вы так увлечённо картинку писали... А это что будет?

— Это будет шкаф. Комод я передумал делать. Слишком мал для моих вещей. Меня другой вопрос волнует, у тебя в хозяйстве есть нужный материал в необходимых количествах?

Дальше мы обсуждали размеры шкафа, и сколько потребуется материала на его изготовление. Оказалось, что у Прохора практически ничего нет. Разные дощечки — не в счёт. Доски и столярный клей придётся покупать на рынке.

— Прохор, а зачем нам доски? Брёвна, наверное, дешевле будут.

— Всяко дешевле, — согласился лупоглазый мужичок. — Только мороки с ними много.

— А разве... — и тут я осёкся.

Трудно одномоментно перестроиться и думать мерками этого времени, а не своего. Там у меня и циркулярка имелась, и бензопила, и куча других инструментов, при помощи которых можно было столько накромить из бревна... Что же, раз я хочу со временем обзавестись своим цехом по изготовлению мебели, то начинать работать над проектом нужно уже сейчас. И в первую очередь для этого дела потребуется инструмент. Существует ли уже круглая пила, я не знаю. Но, скорее всего, нет. Пспрашивал у Прохора... Хм, оказывается в самом Боровске и вокруг него размещено множество различных мануфактур. Труд в основном ручной. Если есть механика, то за счёт мельниц. Но там он ничего похожего не наблюдал.

Мельницы, к сожалению, я строить не умею. Конечно, если меня за хорошее вознаграждение попросят составить её проект, то, думаю, моих мозгов хватит, это сделать. А вот если для себя, то даже заморачиваться не стану. Слишком неподъёмно. Может быть когда-нибудь... Зато я прекрасно помню ножную швейную машинку, которая стояла в комнате у бабушки. Вещь, хоть и старая, но, при должном уходе, безотказная. Опять же электричества никакого не требует. Сколько бабушка с её помощью всего пошила... А что мне мешает применить ту же схему для циркуляционной пилы, для лентопилочной, для столярного станка?..

Дальше я объясняю Прохору, какие станки хочу. Мужичок в сомнениях чешет свою «репу». Прежде всего, он не уверен, что сможет изготовить круглую пилу и лентопилочную. Я его заверяю, что будут помогать. А вместе мы — сила! Тогда прохиндей озадачивает меня покупкой хорошего железа. Без него эксперименты невозможны. Что же, соглашаюсь... Но предупреждаю, если он хоть кому-нибудь расскажет про наши задумки, утоплю его в отхожем месте. Мужичка пробрало. Оно и понятно, во время угроз я состряпал такое злобное лицо, что сам бы, наверное, испугался. Всё правильно, тут не только конкурентов, но и просто болтливых людей хватает. А мне очень не хочется, чтобы секреты ушли на сторону прежде, чем я смогу на них заработать. Прохор побожился, что он — могила.

— Кстати, а ты случайно не знаешь, сколько на торгу стоит кирпич? — тут я вспомнил о задумке по реконструкции дома Белкиных. Пора потихоньку расписывать проект...

— Если брать сразу много, то за восемь рублей можно купить одну тысячу штук.

Блин, дороговато выходит. На хороший дом требуется от тридцати тысяч кирпичей до шестидесяти тысяч. И цена соответственно от двухсот сорока рублей до пятисот... А ведь кроме кирпичей ещё много чего надо... Чтобы не забивать голову левыми мыслями, отбрасываю их в сторону, и снова начинаю размышлять над деревообрабатывающими станками. Получается, что кроме железа нужны и другие металлы. Из чего, например, отливать шестерёнки? Из чугуна не выйдет. У Прохоровского горна для этого мощностей не хватает. На ум приходит только бронза. Или попробовать собрать первую конструкцию из дерева?..

Короче, засиделись мы с Прохором до самого обеда. Я пытался объяснить простыми словами принцип действия станков. Мужичок, стараясь понять мои хотелки, задавал вполне грамотные вопросы. В результате скепсис на его лице сменился пониманием. Поверил, значит. Договорились, что завтра вместе съездим на торг. Потом меня нашла Белкина, которая уже стала переживать, куда я делся? Надо же, снова сама искать отправилась.

Не успели зайти в дом, как меня начал воспитывать отец Лазарь. А я-то думал, что он пацанят поучил и свалил давно. Ага, как же, пропустит батюшка халявный обед.

— Леонид Иванович, вы же сами просили, чтобы я обучил вас русской

словесности... — заявил гроза бесов и раб чревоугодия.

— Дорогой, отец Лазарь, — прижимаю руки к груди, — да я всем сердцем. Только обжиться, ещё не успел. Куча мелких забот постоянно отвлекает. Дайте сроку до следующего понедельника. Я к тому времени график чёткий составлю, чтобы и самому учиться, и детей европейским наукам учить.

— А что такое, график? — услышал батюшка новое название. — Корень вроде происходит от греческого слова...

— Совершенно верно, — киваю я, заодно отдаю шубу Марфе, которая соизволила помочь мне раздеться. — График, это некий план, на котором чётко расписано, когда нужно вставать, когда принимать пищу, когда работать или учиться... Смотрите сами, в сутках двадцать четыре часа... Задумано это Господом не случайно. Как известно, он любит Троицу. Поэтому, делим двадцать четыре часа на три и получаем восемь. Восемь часов даётся человеку на сон, восемь часов на занятия делом, и ещё восемь на всё остальное. Сходить, например, в церковь, помыться в бане, принять пищу...

— Хм... — задумался батюшка. — Впервые слышу подобные рассуждения. Хотя, признаюсь, доля разумного зерна в них присутствует. Лишь тогда будет гармония, когда человек с толком рассчитывает время, отведённое на молитву, на труд и на отдых. Всему свой час... А не подскажите, Леонид Иванович, что вы делали у Прохора в мастерской?

— У Прохора-то? — спрашиваю, а сам наклоняюсь над корытом, чтобы Марфа полила мне на руки. Ишь, какой хитрый батюшка, сначала заболтал меня, а потом ненавязчиво поинтересовался моими делами. — Интересовался у него, сможет ли он изготовить мою задумку.

— Что за задумка? — следует очередной вопрос. Белкина, заняв место за столом, тоже внимательно слушает наш разговор.

— Хочу в свою комнату шкаф славянский поставить.

— А что такое, славянский шкаф?

Пришлось объяснять. Тут-то всю одежду в сундуках хранят. Заодно сочинил историю, почему шкаф называется славянским? Якобы к одному шведскому барону в плен попали два солдата из русской армии. Оба хорошо знали плотницкое дело, поэтому он оставил их при себе. К тому же барон был большой модник и содержал солидный гардероб. Для его новых нарядов постоянно требовались сундуки. Но рыться в сундуках выходило хлопотно. Тогда братья-славяне придумали шкаф...

Сразу мои объяснения не прошли. Людям захотелось наглядного примера. Мария Васильевна ради такого дела принесла лист бумаги. Блин, с такими темпами у меня карандаш скоро закончиться. Придётся осваивать производство карандашей. Гусиным пером я рисовать не умею. Писать, пока, тоже.

Сука! Дообъяснялся на свою голову. В результате шкаф захотели все: и батюшка и Мария Васильевна, и приехавший на обед Иван Данилович. Он как раз успел к началу моих пояснений.

— Господа! — обрываю восторги соседей по трапезе. — Давайте сначала определимся с моим статусом...

— А что с ним не так? — удивился Белкин.

— С ним всё не так. Вы, Иван Данилович, наняли меня в качестве кого?

— В качестве учителя по иностранным наукам для своего старшего сына.

— Вот! — поднял я указательный палец вверх. — В качестве учителя для старшего сына

и назначили при этом годовой оклад в сто рублей. А вчера я узнал, что более-менее хорошая шуба стоит двести. Получается, что на шубу я смогу заработать в лучшем случае не раньше, чем через три года.

— Вы хотите, чтобы я поднял вам жалование? — с грустью поинтересовался Белкин.

— Да! Хотя бы на рублей пятьдесят. Тогда я буду обучать не только вашего старшего сына, но и младшего, а так же детей Емельяна. В будущем вашим детям понадобятся грамотные помощники. А тут свои, можно сказать, родные...

— Пятьдесят рублей — это слишком много, — стал торговаться Белкин. Жена молчала. Батюшка тоже не вступал в разговор, лишь слушал с любопытством.

— Это не много. Особенно в свете того, что я помогу вам, Иван Данилович, заработать...

— Как поможете? — тут же заинтересовался хозяин дома. Наверное, вспомнил про водку высокой очистки.

— Очень просто. Вот вы все здесь сидящие захотели обзавестись славянским шкафом. Я могу наладить выпуск таких шкафов, а так же другой мебели. Но для этого нужно объединиться в товарищество. Вчера, Иван Данилович, ваши гости меня спрашивали о деле... Мои предложения их не заинтересовали. Сегодня я предлагаю лично вам и отцу Лазарю вложиться в мебельное производство. А чтобы наши изделия со временем никто не стал копировать, надо выправить патент на монопольное право.

— Что такое, монопольное право? — спросил батюшка. Пришлось объяснить популярно. Поняли быстро. Нечто похожее в России существовало. Многие желали единолично торговать тем или иным продуктом.

— И ещё, Иван Данилович, я хочу заключить с вами письменный контракт...

— Вы не верите моим словам? — несколько обиделся Белкин.

— По вопросам веры, обращайтесь, пожалуйста, к отцу Лазарю, — съехидничал я. — А у нас идёт деловой разговор. Дела же требуют порядка. Я хочу, чтобы в контракте были полностью прописаны мои права и обязанности. Так же прошу вписать туда срок, на который вы нанимаете меня на работу. Подобные контракты — это нормальная практика в любой европейской стране и в России тоже. На русскую службу нанимается много моих соотечественников. И все они заключают контракт. Вы, как государственный служащий, должны знать об этом.

Белкин знал. По лицу было видно. Но, видать, не придавал подобным «мелочам» большого значения. Вдобавок сказывался уровень образования. Плюс хитрожопость. Всё-таки бумага — это уже документ, так просто не отмахнёшься. А слова всегда можно подзабыть или переиначить. Я по своему времени помню, как из-за какой-нибудь мелкой бумажки приходилось оббегать кучу кабинетов, прежде чем её получишь. Пока набегаешься, с ума сойдёшь.

Спасибо отцу Лазарю. Он признал мою правоту. А дальше мы сочиняли контракт. Для начала заключили его на пять лет. По истечении этого срока контракт можно будет перезаключить, то есть продлить. Потом полностью расписали мои обязанности и права. За бесплатно брать на себя лишнего совершенно не хотелось. Годовой оклад мне определили в сто пятьдесят рублей. Выплаты будут производиться раз в месяц. Так же я буду иметь проценты с доходов от наших совместных предприятий. Всем сидящим за столом я намекнул, что мебельное производство — это только начало. У меня много других задумок, но для этого нужно списаться с европейскими учёными. Прежде всего, я имел в виду

подсолнух. Изготовление брикетов из лекарственных трав тоже значилось в этом списке. А ещё я держал в уме карандаши, зажигалки, керосиновые лампы и другие вещи. Как говорится, война план покажет. Пока же буду в основном заниматься сбором информации.

Набросав черновой вариант контракта, и пылко обсудив разнообразные моменты, мы переписали его набело. Переписывали уже на гербовую бумагу. Нашлась такая у Белкина. Составили три копии, чтобы у каждого был свой экземпляр. А после обеда договорились отправиться к главе Боровского уезда, то есть к воеводе. Без его подписи документ не имел силы. От этой новости я чуть «уху не съел». Кроме того, нужно было внести меня в списки местных жителей... Сука, а чего вчера молчали?! Воевода-то как раз сидел рядом со мной...

Обсуждая поездку в воеводскую канцелярию, Белкин спросил, где мой дорожный паспорт? Хорошо, что мне хватило ума не задавать вопросов, а то бы прокололся. Оказывается, у меня имелся документ, разрешающий следовать до Боровска. Нашёл я его в дорожной сумке среди других бумаг. Кстати, чтобы уехать куда-нибудь из Боровска, мне нужно снова обращаться к воеводе. Дорожные паспорта выдавались только с его разрешения. Иначе меня могли схватить и посадить под арест. А вдруг я шпион, разбойник или беглый крестьянин? Кстати, богатому помещику ничего не стоило прихлопнуть совершенно левого человека, даже иностранца, если тот путешествовал без должных документов. Ситуацию мог усугубить низкий социальный статус путешественника. Ну, кто станет искать безродного? Короче, не новости, а полный трэш!

— Леонид Иванович, — перед тем, как ехать в воеводскую канцелярию, ко мне обратились сразу отец Лазарь и Белкин. — Вы понимаете, что при воеводе не стоит упоминать о славянском шкафе? Мы со временем сами это сделаем...

— Конечно, господа, я вас понимаю, — отвечаю, стараясь сдержать улыбку.

Всё-таки забавная эта штука — человеческое сознание. Порою такие зигзаги выписывает, что можно только диву даваться. Вот и мой спутник удивился не на шутку, когда я неожиданно начал ржать во весь голос. Но обо всём по порядку...

Благодаря Белкину и присутствию отца Лазаря, который тоже поехал с нами к воеводе, все формальности разрешились довольно быстро. В противном случае, я так подозреваю, пришлось бы «позолотить» не одну ручку. Чиновник без мзды, как баба без... ага — ночной звезды. Возможно, моё «знакомство» с сильными мира сего уберегло бы меня от бюрократической похоти, а возможно, и нет. О местных хитросплетениях во властных структурах мне ничего неизвестно. Почему, например, Николай Яковлевич Бахметьев, являясь воеводой целого уезда и имея всю полноту власти, не может помочь архимандриту Пафнутьевского монастыря?

Если Меллеры поставили свой завод на его земле, значит, должен быть договор об аренде, правильно? А за аренду надо платить. Или промышленники все выплаты отправляют в Берг-коллегию? Тогда получается какая-то странная цепочка... А может кто-то хитрит? В принципе — это не моё дело. Что же касается просьбы архимандрита Дорофея, то письмо мне отправить нетрудно, а дальше, как говорится, от меня ничего не зависит: пока почта дойдёт, пока рассмотрят бумаги, пока примут (и примут ли) решение...

Вписали меня в городскую книгу следующим образом: французский дворянин и доктор философских наук Леонид Иванович Фишер. Хотели, суки, написать Фишеров. Типа принято на русский манер переименовывать. Но тут уже я взбрыкнул. И так имя с отчеством исказили. Да, пусть они не мои, но марку держать необходимо!

Затем заверили мой контракт с семьёй Белкиных. Теперь я официально исполняю должность учителя. А согласно какому-то там указу Петра I, освобождаюсь от налогов. Если же захочу обзавестись вотчиной или поместьем, то сначала придётся принять подданство Российской империи. Зато сейчас могу спокойно купить в городе дом. Цены идут от 3-х рублей до 50-ти. Что-то дешёво... Правда, все дома деревянные и участки не более 5-ти соток. Ладно, подумаем. В случае чего — грех отказываться от недвижимости. Но тогда уже придётся платить налог за пользование городской землёй.

Улучшив момент, когда отец Лазарь куда-то удалился, а Белкин вышел по казённой надобности, Николай Яковлевич заговорщическим тоном спросил, могу ли я предложить ещё какое-нибудь дело, кроме тех, которые озвучил на вчерашних посиделках? Эти поползновения в мою сторону мне совсем не понравились. Ага, нашли, мля, генератор идей! Но власть так просто на хрен не пошлешь. С ней дружить надо. Иначе потом проблем не оберёшься. Поэтому я сказал, что думаю над этим. В городе-то всего третий день, сначала осмотреться необходимо. Трудно сходу предложить что-то путное. Но как появится разумная идея, сразу дам знать. Воеводе мой ответ понравился. В результате он заговорил про сахарную свеклу. Типа, Франция далеко, а мне, как дворянину, нужно поддерживать свой статус, то есть жить на широкую ногу. Однако без денег сие затруднительно...

Пришлось встать в горделивую позу и объявить, что моё дворянское звание не позволяет опускаться до уровня вора. Но даже если бы я позволил себе так низко пасть, то ничего бы вышло. На вопрос: «Почему?», ответил, что у меня нет в наличии семян сахарной свеклы.

Французские власти берегут их, как когда-то китайцы берегли семена тутового дерева, из которого изготавливают шёлк. Николай Яковлевич про эту историю ничего не знал, пришлось рассказать ему и про шелковицу, и про то, как византийские монахи выкрали коконы тутового шелкопряда и доставили их византийскому императору Юстиниану... Сам я вычитал эту историю в интернете, а теперь с видом умудрённого годами человека делился ею. Затем мне пришлось «подкинуть пряник» в виде обещания отправить во Францию письмо, в котором я попрошу прислать семена сахарной свеклы. Авось разрешат выращивать её в далёкой России. Жаль, что дело это не быстрое. Но при положительном результате я сразу извещу его высокоблагородие (именно так все обращались к воеводе, если только он не разрешал другого обращения). В общем, расстались мы с Николаем Яковлевичем вполне приятельски.

Уезжал я из воеводской канцелярии только с отцом Лазарем. Белкин остался на службе. Уезжали мы на том, на чём и приехали, то есть в крытом возке. Кстати, Иван Данилович не очень любил передвигаться верхом на лошади. Обычно он ходил пешком или его возил Емельян. Про отца Лазаря и вовсе речь не идёт. Из него наездник, как из Чебурашки баскетболист.

Короче, едем... Батюшка размышляет о чём-то своём, я о своём. У меня не выходит из головы сон, который приснился сегодня. По зрелым размышлениям получалось, что изготовить зажигалку намного проще, чем наладить производство спичек. Даже изготовить одну спичку слишком проблемно. Я не знаю её состав. Особенно в процентном соотношении. Зато в зажигалке можно использовать не только бензин, с которым тоже придётся повозиться, но и спирт. А вернее местный первач, так как возня с огнём, трутом и лучинами меня жутко напрягала. Тем более я нуждался в уединении. Но в уединении при свете, а не впотьмах. В общей же комнате спокойно не посидишь. Слишком много глаз и ушей, а ещё желающих задавать вопросы. А мне необходимо тренировать почерк. Сегодня в канцелярии у воеводы еле-еле получилось расписаться. Хорошо, что немного успел поупражняться в этом деле при помощи карандаша. И деду моему спасибо, научил меня копировать рисунки на совесть.

Размышляя о спирте и бензине, я вспомнил о паяльной лампе. Помню, как Михаил Петрович с её помощью выжигал щетину на свиных тушках. Дедушкиного друга часто просили разобраться с кабанчиками, которые, по мнению хозяев, зажились на этом свете. Он и не отказывал. Нож в руке держал уверенно. Мало того, сам делал ножи. Всё-таки кузнец. А паяльная лампа меня привлекла вот ещё чем... Пламя горелки может нагреваться свыше одной тысячи градусов. Тут не только пайка, но и сварка. А так же нагрев металлических изделий для их дальнейшей обработки. Стекло, между прочим, тоже можно расплавить... Нужный, однако, предмет в хозяйстве. Осталось только его изготовить. Михаил Петрович не раз разбирал при мне паяльную лампу, авось получится вспомнить... Буду потом хрюшкам хвосты подпаливать... На этой мысли я тормознулся и заржал...

Вот как объяснить батюшке неожиданное веселье? В моём времени существует стереотип, раз украинец, то любит горилку и сало. Сало — это хрюшки. Представив хрюшку, я невольно вспомнил про ситуацию на Украине. А ведь в моём времени шла мобилизация резервистов в армию России. Луганск и Донецк в результате референдума присоединились к Российской Федерации. Но разве нацики успокоятся? Не для этого их возвращал запад. Террористы по определению не способны жить мирной жизнью. Волк травой не питается. А эти уроды и того хуже, убивают и русских и украинцев, разжигая всеобщую ненависть.

Отчего же я тогда веселюсь? От того, что попал под мобилизацию, так как полностью подхожу и по возрасту и по навыкам, которым меня обучали в армии. Повестку принесли как раз накануне премьеры спектакля. А сейчас там вместо меня Лионель Иоганнович Фишер. По крайней мере, я так считаю. Интересно, а он умеет фехтовать? И снова приступ смеха...

— Не обращайтесь внимания, отец Лазарь. Просто я вспомнил одну очень забавную историю, — говорю сквозь выступившие от смеха слёзы.

— Поделитесь?

— Легко! Слушайте... Идёт суд. Судят мужчину. Судья у него спрашивает: «Скажите, подсудимый, как вы совершили ограбление?» «Какое ограбление, ваша милость?! — возмущается мужчина — Они сами меня попросили». «Как, сами?» — удивляется судья. «Ну, как... — вспоминает подсудимый. — Подходят ко мне вечером в тёмном переулке два мужика и говорят: „Слышь, господин хороший, снимай, давай, шубу и шапку...“ Я и снял... С одного шубу, а с другого шапку...»

— О-хо-хо-хо-хо! Нашла коса на камень... — затрясся от смеха батюшка, а я испугался: «Как бы возок не перевернулся».

Возок не перевернулся, но остановился. Оказывается, отцу Лазарю пришло время выходить. Его остановка. А мы направились домой. Нужно было озаботить пацанят каким-нибудь заданием. К регулярным занятиям я приступлю с понедельника. Так мы договорились с Белкиным, а сейчас в основном буду обживать...

Я никогда не спрашивал своего деда о том, откуда он взял такой необычный способ тренировки моторики пальцев рук. Не спрашивал, наверное, потому, что был ещё мал. А потом это как-то забылось. Способ заключался в следующем. На столе лежала деревянная рейка с небольшими полукруглыми углублениями. Было их десять. В пяти углублениях располагались металлические шарики. Диаметр самого большого шарика равнялся двум сантиметрам. У последующих шариков размер уменьшался. Самый маленький шарик походил на аскорбиновую витаминку. Моя задача заключалась в следующем: взять правильно в правую руку китайские палочки и с их помощью переложить шарики в пустые углубления. Как только задание будет выполнено, нужно повторить упражнение, но уже левой рукой. Дед объяснял мне, что это упражнение позволяет лучше чувствовать инструмент и материал, когда выполняешь резьбу по дереву. Думаю, он прав. Лично мне, ко всему прочему, подобные тренировки помогли развить красивый почерк.

В отличие от дедушкиных задумок, занятия с бабушкой меня напрягали. Особенно первые годы. Чёткой цели нет, а значит, нет азарта, желания победить, доказать всем, что ты можешь... Тут быстренько шарики переложил и — герой! А там зубри, запоминай, используй правила... И самое обидное, дедушка не знал иностранных языков вообще! Нет, он не отрицал их пользу, хвалил умницу-бабушку... и на этом всё. А бабушка, чтобы разжечь мой стимул, как бы ненароком вспоминала истории про пиратов, про шпионов, про первопроходцев... Рассказывала она увлекательно, но в конце всегда говорила, что в книге намного интересней. Как назло, все эти книги были на иностранных языках.

Но любопытство оказалось сильнее лени. Желание узнать пиратские и шпионские тайны толкало меня к книгам и к словарям. В особых трудных случаях на помощь приходила бабушка. Затем у меня появился компьютер, а вместе с ним и интернет. И снова мамина мама пошла на хитрость... Для лучшего усвоения разговорной речи, она по большей части включала клипы, фильмы и мультфильмы на иностранных языках. Часто смотрела их вместе со мною, а потом спрашивала, что я понял из сюжета? Это дало свои плоды. К шестнадцати

годам у меня проблем с английским, немецким и французским языками не было. И тут они пригодились!

Я как-то заявил бабушке с дедушкой, что нуждаюсь в новом телефоне. Дед сказал, мол, иди и заработай. «Где?!» — тут же выпалил я. «Там, где продают телефоны», — вполне логично ответил дед. Ради смеха я пошёл в магазин, в котором торговали сотовыми телефонами. А там две молоденькие девушки раскладывают новый товар и переругиваются. Причина недовольства проста, как три копейки. Телефоны в магазин завезли, а все инструкции к ним на непонятном «вражеском» языке. И как в таком случае не помочь симпатичным девчонкам? Заодно можно козырнуть своими талантами...

В результате меня приняли на работу. Правда, не в этот магазин. У хозяина заведения имелись ещё две точки. Проработав всё лето, я обзавёлся желаемым телефоном. К тому же нередко помогал самому владельцу торговых точек. Большинство нужной ему информации находилось на иностранных сайтах. А он в совершенстве владел лишь русским матерным. Поэтому моя персона была для него, как манна с небес. Да и потом он нередко обращался ко мне за помощью, естественно не за просто так. Даже звал к себе на работу. Но трудиться в данной сфере меня не вдохновляло. Тяжело, когда над тобой стоят начальники. Всё-таки я по натуре свободный художник.

После того, как мы приехали на двор к Белкиным, я зашёл домой, быстренько переоделся в более простую одежду, взял сапоги, которые не лезли на мои ноги и пошёл в мастерскую.

— Good evening, Прохор! Чем занимаешься?

— Э-э... — сморщился мужичок. — Какой гривенник?

— Гуд ивнинг, а не гривенник, деревня! — беззлобно усмехаюсь.

— А чего это значит?

— Good evening — это значит «добрый вечер» на английском языке.

— А-а... Понятно... — Прохор почесал свой затылок.

— Так чем ты занимаешься?

— Сбрую чиню.

— Короче, бросай это грязное дело...

— Почему, грязное? — удивлённо перебил мужичок.

— По кочану! — осадил я. — На-ка, лучше сапоги примерь.

— Ох, ты! — у Прохора аж заблестели глаза. — Кожа-то барской выделки!

— Так ты при барине ходишь, поэтому и выглядеть должен хорошо. Чать не голь перекатная...

— Угу, — кивает мужичок и быстро скидывает свои чуни...

Сапоги были сшиты, словно по нему. Только меня напрягла какая-то неправильность... Потом вспомнил, что когда я сам примерял сапоги, то не мог понять, где левый, а где правый.

— Прохор, а ты сапоги надел правильно?

— В смысле? — удивился мужичок, пробуя в движении удобство новой обуви.

— Как ты определяешь, какой из них правый, а какой левый?

Прохор завис... Похоже, он таких слов даже не знает. Тогда я стал ему объяснять разницу. В результате выяснил, что здешняя обувь не имеет различий. Можно надевать на любую ногу. Звиздец!!! Это, что за беспредел? Становиться пациентом ортопеда совершенно не хочется. А есть ли они здесь — ортопеды? Вот же засада!

Успокоив своё разыгравшееся воображение, я решил бороться с проблемами по мере их поступления. Сейчас же мне требовалось совсем другое. Зря, что ли, я Прохора «подмазал»? Теперь будет охотнее откликаться на мои просьбы. Короче, мне понадобился аналог дедушкиной придумки. То есть китайские палочки, рейка с углублениями и шарики. Чем и озаботил Прохора, предварительно всё тщательно объяснив. Ага, будет пацанам «игрушка». Пока Прохор исполнял мои фантазии, я снова приватизировал у него небольшую дощечку. Вскоре на ней появился одноногий пират с чёрной повязкой на левом глазу. Благо в мастерской хватало угля на миллион таких повязок. Затем вокруг пирата появились надписи на французском языке и стрелочки, идущие от надписей в сторону частей тела: голова, глаза, рука и так далее...

Примерно через час мы с Прохором завершили работу. И тут я узнал, что о наждачной бумаге мужичок вообще ничего не слышал... Мля!!! Куда катится этот мир? Хотя... А чем наждачная бумага не бизнес? Это же золотое дно! Используется практически при всех видах работ... Поставив себе здоровую зарубку на память, я пошёл в дом.

Дома пацаны откровенно скучали. Им бы на улицу, но кто одних отпустит? Все взрослые находились при деле. А сама Белкина не горела таким желанием. Женщина лежала в своей комнате на кровати. Всё-таки беременность давала о себе знать не лучшим образом. Она даже велела детям Емельяна удалиться к себе в пристрой. Типа шума много создают. И тут появляюсь я с новой «игрушкой» и загадочным рисунком. Пацаны сразу обрадовались. Зря, зря...

ГЛАВА 15

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Мне нужен спирт, или его аналог. Иван Данилович Белкин жаждет получить пшеничное вино с особым вкусом, приятным для горла. Как говорится, наши желания совпадают. Хотя я не знаю, чего он так прибедняется? Наливочка у Марии Васильевны была хороша. Правда, не слишком крепкая. Градусов 20-ть, не больше. Она немного напоминала ликёр... Блин! А ведь действительно, ликёр без водки — грустный праздник. Теперь я понимаю желание Ивана Даниловича. К тому же изготовление наливки — процесс не быстрый и сильно зависящий от времени года. Здесь, к сожалению, зимой ягоды не растут. Но, ничего, дайте только срок...

Опыт в строительстве зимних теплиц у меня большой. Ещё когда учился в школе, мы вместе с Данькой помогали Михаилу Петровичу строить на даче нечто похожее. А уж потом... Чуть ли не каждый заказчик хотел вместе с красивым садом занять зимнюю теплицу. Типа, своя зелень круглый год. Оно и понятно, большинство москвичей живёт на дачах, а свои квартиры сдают внаём. Зачем же ездить по магазинам, когда можно отведать свежатины?

Пока пацанята пытались с помощью «китайских» палочек хотя бы удержать шарик, я сидел и вспоминал способы по очистке спирта, а так же методы по его ароматизации. Помню, на каком-то иностранном сайте мне попала статья, в которой рассказывалось, как американские производители алкогольной продукции превратили водку в жвачку. Ага, столько же вкусов: арбузная, банановая, огуречная и так далее... Типа разнообразие повышает сбыт. Каждый может попробовать своё... Но меня заинтересовало другое... Как происходит сам процесс ароматизации? Всё-таки громадное производство, а не то, что у Михаила Петровича. Он просто настаивал самогон на разных ягодах, кореньях и травах. Для массового производства такие методы неприемлемы. Там промышленные установки.

Но как, оказалось, существует вариант и для домашнего пользования. Причём очень похожий на самогонный аппарат. Называется он: экстрактор Сокслета. В общем, для тех, кто бодрит бухло на дому, вещь, несомненно, полезная. Эта тема заинтересовала меня ещё в одном ракурсе... У Анны есть подруга, которая занимается парфюмерией. Как известно, любые духи, одеколон или туалетная вода состоят по большей части из спирта, плюс ароматизаторы и прочая мелочь. Я же специализировался в основном на растениях. Так почему бы, например, не создать духи с ароматом липы, сирени или розы? Запахи-то обалденные!..

Жаль, но моя идея Анину подружку не вдохновила. Дама предпочитала «европейские» бренды. К тому же она работала по принципу «купи-продай». Короче, к созиданию не способна. Не знаю, откуда ей привозили так называемые бренды, но дрянь полная. Лично мне ничего не понравилось. А ещё я подозреваю, что все эти бренды сделаны китайцами в каком-нибудь подвале...

— Леонид Иванович, не получается! — захныкал Степан, в очередной раз роняя шарик.

— Отставить скулёж! — я тут же хмурю брови. — Ты будущий офицер, а не шавка подзаборная! Раз не получается, пробуй снова. Заодно думай, что ты делаешь не так. Вот гляди... — забираю у ребёнка палочки и ловко перекидываю шарики. — Видел, как я делал?

— Да.

— На, пробуй... Неправильно! Нижняя палочка вообще не должна двигаться. Она просто лежит между пальцами. Действуешь только верхней. Понял?

— Угу...

— А ты, Василий Иванович, чего замолчал? — обращаюсь к младшему Белкину. Для начала я разучил с ними пять новых слов на французском языке: голова, глаза, уши, нос и рот. После того, как пацанята, глядя на непонятные надписи на картинке, научились их более-менее правильно произносить, упражнение усложнилось. Один из них стал перекладывать шарики, а другой громко и внятно перечислять новые слова, обозначая сперва их русский аналог. Тут хочешь — не хочешь, запомнишь. К тому же названий всего — ничего.

— Так вы же разговариваете. Зачем же я буду вам мешать? — выдал ребёнок здравую мысль.

— Во-первых: ты не мешаешь, а во-вторых...

— Он мне мешает! — перебил меня Степан, снова уронив шарик. — Отвлекает сильно!

— В этом и состоит суть упражнений, — отвечаю спокойно. — Будущий офицер обязан выполнить поставленную перед ним задачу, невзирая ни на какие помехи. А тут всего лишь родной брат пытается правильно произнести новые слова. Кстати, он и тебе помогает их запомнить.

— Это как же? — Степан уставился на меня недоверчивым взглядом.

— Очень просто. Ты же слышишь, что он говорит?

— Ну, да...

— Значит, запоминаешь. Тем более Василий Иванович эти слова постоянно повторяет.

— Я устал их повторять, — тяжело вздыхает ребёнок.

— Тогда бери палочки. Теперь твоя очередь учиться правильно ими пользоваться. Кстати, наивысшее мастерство — это умение поймать при помощи палочек летящую муху, — мне вдруг вспомнился то ли китайский, то ли японский фильм.

— И зачем это надо, Леонид Иванович? — из своей комнаты вышла Мария Васильевна.

— Если будущий офицер сможет без труда поймать муху, то и от вражеского клинка легко отобьётся. Вы же не хотите, чтобы ваши дети были слабее своих врагов? — вопрошаю с пафосным видом.

— Что же вы такое говорите... Конечно, не хочу! — возмущается Белкина.

— Вот!.. — поднимаю вверх указательный палец. — А для этого необходимо тренироваться. Причём каждый день.

— Я с вами согласна, но упражнения какие-то сомнительные...

— И чем же? Тем, что раньше не доводилось их видеть? Так вы, Мария Васильевна, много чего не видели. В мире столько всего происходит... Хотите, я сегодня вечером расскажу, как готовят... Кхе, кхе... Простите, но не при детях разговор, — мне пришлось тормознуться. Слишком большой интерес читался в глазах пацанят. А у меня имелись истории и про ниндзя, и про ассасинов. Не хватало ещё, чтобы детишки прониклись духом убийц.

— Хорошо, — кивнула Белкина, поняв, что мои истории не для детских ушей. — Марфа, а ты чего встала столбом? Давай, накрывай на стол. Сейчас Иван Данилович с службы вернётся...

— А вы, откуда знаете? — удивляюсь заявлению Марии Васильевны.

— Как откуда? Вы разве церковного колокола не слышали?

— Нет, — мотаю головой. Вот же, никак не могу привыкнуть. — Я обычно ориентируюсь по часам.

— И где они?

— Потерял, Мария Васильевна. Вам, наверное, рассказывали, что на нас напали разбойники, когда мы ехали в Боровск?

— Да, да, — сочувственно закивала женщина. — Очень ужасная история. Намедни как раз хоронили убиенного купца... А вы, говорят, проявили себя в той истории с самой мужественной стороны...

— Проявить-то, проявил, — тяжело вздыхаю, вспоминая падение в оркестровую яму. — Но, к сожалению, потерял часы. Упали куда-то в сугроб и с концами... — вру без зазрения совести. А может, не вру? Вдруг у «меня» были часы?

— Зато, Господь Бог сохранил вам жизнь, — перекрестила меня Белкина. — Помните об этом! Я за вас в церкви свечку поставила...

— Э-э... — такое чуткое отношение к моей персоне вызвало полную растерянность. Я даже не сразу нашёлся, что ответить. — Благодарю, Мария Васильевна. И вам пусть даст Господь всего лишь хорошего.

В этот момент открылись входные двери... Со службы вернулся Иван Данилович. Мария Васильевна сама помогла ему раздеться, сама полила на руки... Затем вся семья села ужинать. Теперь моё место было подле детей. Я следил, чтобы они учились культурно себя вести. Этикет, конечно, мне никто не преподавал, но бабушкины уроки помню. Сидеть с ней за столом — сплошное наказание. Фиг расслабишься. Всё по серьёзному, хоть и без повышения голоса. Я поступаю аналогично. Напустив на себя строгий вид, зорко слежу за пацанятами, но все их огрехи поправляю с невозмутимым спокойствием. Сам кушаю тоже не спеша. А куда торопиться?

Заодно веду беседу с Иваном Даниловичем и Марией Васильевной. Разговор как раз касается диеты. То есть, что необходимо кушать детям, чтобы у них правильно развивался организм. В принципе, у Белкиных всего в достатке. Например, благодаря корове и двум козам на столе всегда имеется в наличие молоко и кисломолочные продукты: простокваша, сметана, масло... Правда, творога нет. То есть, отсутствует такое название. Творог называют сыром! А вот сам сыр не умеют делать. Причём во всём городе. М-да, печалька. Сыр я люблю. Конечно, не как толстый мышонок Рокфор из мультфильма про Чипа и Дейла, но всё же. А вообще, животноводство в Боровске развито хорошо. Этому способствуют шикарные заливные луга, раскинувшиеся по берегам Протвы...

Слушая рассказы Белкина о красоте родного края, я спросил, где же находится его поместье? Ответ меня удивил... Во-первых: было не одно, а два поместья. Первое, которое располагалось в деревне под названием Корнеевка, досталось Ивану Даниловичу в наследство от отца. А второе шло, как приданное Марии Васильевны. Находилось оно в сельце Дольское. Именно там случился пожар. Во-вторых: сами поместья лежали от Боровска в пятидесяти верстах. То есть ближе к Калуге. Мало того, расстояние между Корнеевкой и Дольским было не меньше пятнадцати вёрст. Вот такой треугольник получался. М-да, не ближний свет. Это в моём времени туда за час можно доехать, а здесь целый день уйдёт.

Потом я узнал, что крепостных в обоих поместьях двести душ. Считались, естественно только лица мужского пола, включая стариков и детей. Именно с этого количества Белкин

платил подушный налог. Ага, теперь понятно, почему государство так печётся о крепостных. Налоги!!! 74 копейки с каждого человека, а если старообрядец, то в двойном размере. Это не считая других пошлин. Тот же дом в Боровске занимал солидный участок. На шесть простеньких хозяйств хватит. Короче, Иван Данилович отдавал государству примерно 250 рублей в год. Мля, целая шуба с шапкой!!! Прямо, как в том анекдоте...

Вскоре я заметил, что дети начали клевать носами. Всё понятно, наелись, а разговоры взрослых неинтересны.

— Я вижу, наши красавцы хотят покинуть стол, — киваю на детей.

— Да, действительно, Стёпушке и Васеньке пора, — встрепенулась Мария Васильевна. — Мы пойдём к нам в комнату...

— Идите, конечно, — кивает Белкин.

— Стоп! — я резко вклиниваюсь в разговор и строго посмотрю на детей. — А что нужно сказать?

— Спасибо, — нестройно отвечают маленькие лентяи.

— Вот теперь идите, и никогда не забывайте благодарить тех, кто вас накормил, — Родители мальчиков на мою отповедь ничего не сказали. Типа, так и надо. Всё правильно, я — воспитатель, имею полное право.

— Поговорим о наших делах? — Белкин подсел ко мне поближе и подальше от Марфы, которая стала убирать со стола грязную посуду и остатки еды.

— С удовольствием, — киваю в ответ.

Однако начинать разговор не спешу. Показываю Ивану Даниловичу глазами на Марфу, типа пусть сначала закончит свои дела и уйдёт. Уйти она должна была в пристрой к Емельяну с Прасковьей. Вся дворня столовалась там. Белкины редко сажали крепостных за свой стол. Короче, показывали, кто в доме хозяин.

— Леонид Иванович, — начал разговор Белкин, как только кормилица вышла, — вы человек умный, и, наверное, уже заметили, сколько на мне лежит трат? Хозяйства-то не малые... К тому же у меня есть некоторые обязательства перед определёнными людьми...

— Речь о Михаиле Илларионовиче Воронцове? — сразу расставляю точки над «ё».

— Да... — нехотя отвечает Иван Данилович. — И мне необходимо время от времени его удивлять...

— Это, каким же образом? — неподдельно изумляюсь.

— Конечно же, презентами... — Белкин попытался козырнуть иностранным словом, но вышло коряво. — И вот я вспомнил наш разговор в бане...

— Вы про чудесный напиток?

— Совершенно верно.

— Напомню, Иван Данилович, это не вино. А люди из высшего света предпочитают дорогие вина.

— Однако вы говорили, что ваш напиток тоже зело чуден...

— От своих слов не отказываюсь, — говорю уверенно, чтобы не вгонять человека в сомнения.

— Значит, вы готовы мне помочь? Лично я сделал всё, как вы хотели. Контракт подписан, жалование повышено...

— Конечно, помогу, Иван Данилович. Но меня волнуют два вопроса, кто этим будет заниматься и где? Вы же понимаете, что сам я не смогу. Просто не буду успевать. Во-первых: на мне дети. Во-вторых: мы хотим наладить производство мебели... Кстати, о

мебели. Мастерская Прохора для этого дела совершенно не подходит. Слишком тесно. Тем более там кузнечный горн. Лишний повод беспокоиться о пожарной опасности.

— Пшеничное вино делают в Дольском. Ну, и немного Мария Васильевна этим занимается, — стал отвечать Белкин.

— Иван Данилович, ваша жена беременна. А беременным лучше такими делами не заниматься, иначе это плохо отразится на здоровье будущего ребёнка.

— Вы уверены? — озадачил меня вопросом Белкин.

— В чём? В том, что это вредно?

— Нет, в том, что моя жена беременна.

— Абсолютно уверен. А вы разве сами не видите?

— Признаться, не заметил... — Белкин неожиданно смутился. — А я-то всё думаю, чего она мне рассказывает про новый дом, который вы нарисовали... Действительно, если родиться ещё один ребёнок, то в нашей комнате будет уже тесно...

— В ней и сейчас тесно, — усмехаюсь я. — Тем более мальчишки растут...

— Да, да, вы правы, — вдруг загрустил Иван Данилович. Наверное, представил, какие ему предстоят траты...

— Вас что-то смущает?

— А-а? — очнулся Белкин от своих раздумий. — Нет, меня ничего не смущает. Я думаю, что придётся из Дольского привезти сюда пару человек. Самому вам там делать нечего.

— Согласен, — киваю. — Только привезите тех, кто лишнего болтать не будет. Незачем, чтобы наши секреты ушли на сторону. И ещё, они обязаны во всём слушаться меня. Дело это не простое, поэтому дисциплина превыше всего!

— Конечно, конечно... А под мастерскую мы используем свинарник! — вдруг расцвёл Белкин.

— А скотину куда? — удивляюсь не на шутку.

— На мясо, дорогой Леонид Иванович, на мясо! И так в этом году припозднились. А Емельян уберёт там всё по вашему желанию.

— Тогда нужна ещё парочка человек, и лучше помоложе.

— Зачем?

— Я один, что ли буду этим заниматься? — фигаю от вопроса Белкина.

— Я не об этом. Зачем помоложе?

— А-а... — успокаиваюсь. — Молодых учить легче. Только лучше тоже не из болтливых. Сами понимаете, секреты...

— Да, да — снова кивает.

— Кстати, необходимо потратиться, — давлю Белкину на любимую мозоль. — Для производства моего напитка нужны специальные аппараты. Сам я их сделать не смогу. Придётся заказывать. И ещё вопрос, а в Боровске кто-нибудь выдувает стекло?

— Даже и не знаю... Хотя... На заводе Меллеров точно выдувают. Они там для каких-то дел используют стеклянные сосуды. А много нужно денег? — опомнился.

— Пока не знаю, — пожимаю плечами. — Я же не знаю, какие у вас тут цены.

— Вы в случае чего Прохора с собой берите, он с купцами дружит. Тем более некоторые купцы мне обязаны... — недвусмысленно намекает Белкин.

«Хм, ещё бы были не обязаны судье, — улыбаюсь про себя. — Тут можно вообще ничего не покупать».

— Иван Данилович, а я так и не понял, где мы будем изготавливать напиток? Тоже в свинарнике?

— Нет, конечно, — улыбается Белкин. — У нас курятник большой. Отгородим одну часть для птицы, а в другую посадим Дольских мужичков.

— А жить они, где станут? Всё-таки четыре человека...

— Пока в коровнике, там места и сена много.

— А не замёрзнут? На дворе не май месяц...

— Коровы же не мёрзнут, а мужикам чего сделается?

«Блин, вот это логика! — я откровенно офигеваю. — Хотя, чему удивляться? Жили же люди в землянках и ничего...»

— Кстати, по поводу нового дома... — продолжаю разговор. — Если надумаете его строить, то материалы лучше всего закупать уже сейчас, чтобы с приходом весны сразу приступить к строительству. К тому же потом цены могут заломить...

— Леонид Иванович, а вы подсчитайте точно, сколько и чего надо и на бумаге всё напишите. А уж я озабочусь...

— Так, значит, то, что я нарисовал, вас устраивает? — решаю уточнить.

— Полностью устраивает. Очень красиво. К тому же Марии Васильевне нравится.

«Ах, вот оно что! Всё-таки имеет жена власть над мужем. Хотя всячески пытается показать, что именно Белкин в доме хозяин. В принципе всё правильно, умная женщина никогда не станет открыто затмевать собственного мужчину. При посторонних людях будет выказывать только уважение и желание угодить. По крайней мере, я никогда не слышал, чтобы бабушка при гостях плохо отзывалась о дедушке. А у него грехов хватало...» В этот момент из комнаты вышла Мария Васильевна. Неужели услышала, что говорят о ней? Вроде мы негромко разговариваем...

— Я детей уложила, — отсчитывается перед мужем. А затем с улыбкой поворачивается ко мне. — Леонид Иванович, вы обещали рассказать какую-то тайную историю...

«Твою мать!» — чуть не вырвалось вслух. Я уже настроился слинять в свою комнату и заняться там кое-какими делишками... К тому же в голове накопилось много идей, которые нужно записать, чтобы потом не забыть. Например, когда я сегодня кушал расстегай с мясом, мне во рту попала небольшая щепочка. Оказывается, тут нет мясорубок. Мясо мелко шинкуют в небольших корытцах сечкой. Сечка — это инструмент, чем-то напоминающий ледоруб, при помощи которого дворники очищают лёд с тротуаров. Видать щепка откололась от дна корытца и попала в мясо. Но я же не бобёр, чтобы грызть древесину! Эта мысль натолкнула меня на изготовление мясорубки. Кстати, а если предложить идею Меллерам? Не за просто так, конечно. За определённый процент. И вообще, нужно поинтересоваться, как тут обстоят дела с патентным правом?

— Раз обещал, значит, обязательно расскажу, — пытаюсь мило улыбаться в ответ.

В своё время, когда мы с друзьями насмотревшись фильмов с участием Стивена Сигала, решили заняться айкидо, я стремился прочесть любую литературу, касающуюся восточных единоборств. Как-то мне попала книга под названием «Кэмпо — традиция воинских искусств». Авторы наши, правда, за давностью лет не помню их фамилий. Книга очень интересная. В ней описывалась вся история развития воинских единоборств в Китае и на японских островах. Были там и монахи Шаолиня, и самураи, и ниндзя, и другие... Белкиным я рассказал про благородных самураев и хитрых ниндзя, которых начинают тренировать прямо с пелёнок. Мария Васильевна во время рассказа то охала, то ахала, то крестилась, то

спрашивала, зачем нужны все эти страсти? Приходилось задавать ей встречный вопрос:

— А вы знаете иные способы подготовки пронырливых шпионов и воспитания храбрых воинов, которые способны защитить свой дом от врага?

Женщина терялась с ответом. Конечно, что она могла здесь видеть? Если только народную забаву под названием «стенка на стенку».

— Шпионить — это подло! — неожиданно высказался Белкин.

— Вы серьёзно? — я очень удивился.

— Совершенно серьёзно. Для дворянина — это позор!

— Помилуйте, Иван Данилович, когда на кону стоит твоя жизнь, то совершенно не важно, каким способом ты одолеешь врага. А я могу сказать со всей откровенностью, что европейские монархи не экономят деньги на шпионах, дабы знать все тайны своих соседей.

— Это ложь!

— Вы обвиняете меня во лжи? — я даже растерялся.

С одной стороны хотелось сказать, что мне пофиг, верит он или нет. А с другой — я дворянин... И вот сейчас меня обвинили во лжи... Дуэль??? Похоже, Белкин сам растерялся от своих слов.

— Нет, конечно, не обвиняю. Но меня берут сильные сомнения...

— Ванечка, а как же тайная канцелярия при государыне-матушке? — пришла на помощь Мария Васильевна.

— Тайная канцелярия занимается поиском врагов, — ответил Белкин.

— То есть ищет шпионов, — дополнил я. — А откуда они берутся? Это ведь не грибы, чтобы росли сами по себе.

Иван Данилович не знал, что ответить. Внутри него боролись логика и навязанные с детства понятия, основанные на благородной романтике.

— Хорошо, — продолжаю я. — Представьте, что на Россию хотят напасть турки. Разве умный государь или государыня будут беспечно относиться к этой угрозе? Разве не направят своих разведчиков, чтобы они узнали про планы врага? Зная планы врага, можно лучше подготовиться к нападению.

— Тут, конечно, да... — согласился Белкин. — Но ведь это турки! Басурмане!

— А шведы, чем лучше? Или Россия с ними не воевала?

— Эх, вот тут вы правы! — тяжело вздохнул Иван Данилович. — Мы и сейчас с Швецией воюем...

Опаньки! А я и не знал. Всё время думал, что Пётр I разбил шведов окончательно и после этого мы с ними больше не воевали. А тут вон, оказывается, какие дела... Как плохо, что я не в курсе европейских событий. Так и спалиться недолго. Короче, пора закруглять разговор.

— Иван Данилович, не важно, одобряем мы шпионов или нет. Они всегда были, есть и будут. От этого зависит безопасность абсолютно любой страны, хоть христианской, хоть магометанской, хоть иной другой. Изначально я вёл разговор не о шпионах, а о том, как детей с малых лет приучают к жизненным трудностям, дабы они могли с честью выйти из любой опасной ситуации.

— Да, я понимаю. Только вы детям о шпионах не рассказывайте.

— Не волнуйтесь. Лишнего им ничего не скажу.

— Что же, пора почивать, — подала голос Белкина, и я с удовольствием отправился в свою комнату. Тем более мне сегодня Прохор подогнал толстую свечку, трут, пропитанный

пшеничным вином и старый замок от ружья, который высекал хорошие искры. Всё меньше хлопот при добыче огня...

ГЛАВА 16

О СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ...

Мне-то грезилось, что я из себя весь такой крутой и красивый, прямо, как пасхальное яичко. Ну, а как же? Владею тремя основными европейскими языками! В моё время подобным могли похвастать лишь выпускники профильных вузов. А вот хрен мне на рыло! Настоящий Лионель Фишер ко всему прочему знал латынь... Это я понял из писем, которые перечитывал до поздней ночи. Здесь вообще высшее образование не обходится без латыни. Вот же засада! Тот же отец Лазарь может меня спокойно спалить, коснись он этого вопроса более глубоко. Одна надежда, что он за давностью лет и отсутствия практики порядком её подзабыл.

Прежде, чем садиться за чтение писем, я немного позанимался чистописанием. Для начала очень внимательно рассмотрел зачищенное перо, которое спёр в воеводской канцелярии. Требовалось тщательно запомнить его форму. Затем попытался сам заточить перья. Как это делается, успел подсмотреть в той же канцелярии. А ещё у меня имелся образец пера из комнаты Белкиных. Похоже, сам Иван Данилович зачищал их заранее, делая небольшой запас для старшего сына. А может, этим озаботилась Мария Васильевна? Она же время от времени занимается с сыновьями уроками. По крайней мере, я слышал, как она читала с ними книгу. Короче, имея два рабочих образца, моя пытливая натура попыталась их повторить... Из десяти перьев, которые я отобрал для эксперимента, почти половина вышла очень даже ничего.

Потом мне пришлось покопаться в бумагах Фишера, чтобы найти писанину за его авторством. Затем я кропотливо её воспроизводил. Первым делом выписал все буквы по алфавиту и напротив них вывел имеющиеся в моём распоряжении образцы почерка прежнего хозяина. Давненько я так долго не писал от руки. Спина затекла, просто жуть! Ещё все пальцы перепачкал в чернилах. М-да, муторное занятие... А куда деваться?

Из писем я узнал, что «мои» папа и мама уже умерли, успев произвести на свет пятерых детей. У «меня» было два старших брата и ещё две сестры. «Я» самый младший. Поэтому никакого наследства «мне» не светило. Прибыльная должность отца, благодаря которой он получил дворянство, перешла к старшему сыну. Второй сын поступил на военную службу. Сёстры, получившие стараниями родителя приличное приданое, вышли замуж. Один «я» остался не у дел. Единственное, что дал «мне» отец — это возможность получить хорошее образование. А потом он умер. Мама пережила его ненадолго. «Мне» пришлось самому пробивать дорогу в жизни. На помощь братьев и сестёр рассчитывать не приходилось. У них имелись свои семьи.

Правда, у отца был младший брат, то есть «мой» дядя. Он немного помогал «мне» с работой. Однако чтобы получить прибыльную должность, требовалось часто и обильно «подмазывать» нужных людей. А вот с этим у настоящего Лионеля Фишера, похоже, были проблемы. В моё время таких людей называют некоммуникабельными. Хотя это не помешало получить ему докторскую степень. Значит, какие-то таланты у человека всё же имелись. Да и без друзей он не остался. Я нашёл несколько писем от некоего Жерома. Тот предупредил Лионеля ни в коем случае не искать счастья в Пруссии, так как вместо работы можно угодить в армию. Свихнувшийся на войне прусский король Фридрих II вербует в неё чуть ли не насильно. От этой новости мне захотелось заржать в голос. Еле сдержался. Весь

дом спит, а я тут веселюсь.

Дальше мне стало понятно самое первое письмо от дяди, прочитанное мной несколько дней назад. Кто-то из его знакомых подсказал, что Россия нуждается в грамотных людях. Вот он и отправил своего незадачливого племянника куда подальше. Отсюда и пространные рассуждения об отце, достигшего больших высот. Что ж, с этим всё ясно. Ещё бы знать, как «я» попал на глаза Воронцову? Скорее всего, случайно. Просто он увидел иностранца и вспомнил о Белкине, который просил поспособствовать с учителем. В любом другом случае «моя» мелкая особа заинтересовать его совершенно не могла.

Морской берег, усеянный белым песком, был абсолютно пустынным, если не считать пары чаек, ходивших по его кромке, и матерчатого тента с шезлонгом. Я, раздевшись до трусов, с удовольствием улёгся на шезлонг. Предзакатное солнце незаметно клонилось к горизонту и отражалось в морских волнах сотнями ярких бликов. Я закрыл глаза. Телом овладело полное спокойствие. На периферии сознания слышались крики чаек, тихий шелест прибоя, стрёкот насекомых. Кожу обдувал приятный, тёплый ветерок... Никаких мыслей... Никаких желаний... Вдруг я почувствовал прикосновение к своему плечу. Лёгкое удивление заставило приоткрыть глаза. На меня, улыбаясь, глядела певица Клава Кока, одетая в розовое бикини. Фигура у девушки была настолько сексапильной, что я сразу возбуждился, но совершенно лишился дара речи. Пока пытался выдать из себя хоть слово, эта обворожительная нахалка снова коснулась моего плеча...

— Леонид Иванович, вставайте. Вы сами просили разбудить вас, когда пробьёт семь часов.

— Какие семь часов? — я наконец-то справился со своими голосовыми связками, зато очень удивился странному голосу певицы.

— Так колокол церковный пробил... — прозвучал ответ.

— Церковный колокол? — я в недоумении стал оглядывать берег в поисках храма, но он вдруг превратился в Марфу, которая в свете лучины больше походила на Фрекен Бок из мультфильма про Карлсона, чем на Клаву Коку. «У, сука, такой сон обломала!» — чуть не вырвалось у меня. — Марфа, а сегодня плюшки будут? — спросил я мстительно.

— Какие плюшки, Леонид Иванович?

— Вкусные! С твoro... — запнулся я. — С сыром!

— С сыром? — лицо женщины приняло растерянное выражение. — Но птички на зиму улетели в тёплые края.

— Э-э... — теперь уже растерялся я. — Какие птички?

— О которых вы спросили. А-а, поняла! — вдруг неожиданно обрадовалась женщина. — Вам, наверное, хочется плюшек из теста? Наподобие праздничных голубков и куличей?

— Да, Марфа, ты угадала, — ответил я со вздохом. Разочаровывать эту добрую женщину совсем не хотелось. А ещё пришло понимание, что русский язык мне знаком не больше, чем латынь.

— Я в воскресенье слеплю птичек с сыром, — улыбнулась Марфа и вышла из комнаты.

Разговор сбил моё сексуальное возбуждение, появившееся во сне, но желание сходить до ветра не пропало. Я встал, быстро оделся по форме номер четыре, достал из-под топчана ночной горшок и отправился на двор. Решил, что с утра буду сам его опорожнять.

После посещения отхожего места я сразу в дом не пошёл, а занялся зарядкой на скотном дворе. Морозец бодрит! Тут же вспомнилась армия. Там не важно, какая была погода.

Утренняя пробежка на три километра являлась обязательной. Я решил вспомнить забытые традиции. Ввести их, так сказать, в обязательный курс утренних процедур. Да и для тела полезно. Площадка внутри скотного двора вполне удовлетворяла мои планы. Вот на этом участочке я и начал утаптывать снежок. Правда, одежда совсем на спортивную не походила. Скорее на театральную. А вместо сапог — валенки. Бегать в туфлях я не решился.

Минут пятнадцать я тупо нарезал круги по двору. Потом стал совмещать бег с отжиманиями, приседанием, качанием пресса, подтягиванием. Под одним из навесов проходила не очень толстая жердь, выбрал её в качестве турника. Бег я закончил комплексом разминочных упражнений. Потом немного помахал руками и ногами, после чего отправился домой. Оказывается, пока я упражнялся, за мной наблюдал весь дом. Люди тут рано встают. Ивану Даниловичу надо на службу к восьми часам, Марии Васильевне в церковь, а у дворни своих забот хватает. Они вообще в четыре утра встают. Корову и коз подои, накорми остальную скотину, затопи печи, натаскай воды, замеси тесто... Короче, есть чем заняться. Однако на меня выходили посмотреть все.

— Это что же, теперь вы будете так э-э... заниматься каждое утро? — спросил Белкин, когда я зашёл в дом.

— Совершенно верно, Иван Данилович. Иначе без тренировок растеряю все навыки. Не желаете присоединиться?

— Нет, — он быстро покачал головой. — Пожалуй, не стану.

— Вы же хотели научиться тайной борьбе. А без хорошей зарядки это дело навряд ли выйдет, — решил я его подначить.

— Да Бог с ней, с этой тайной борьбой, — Белкин махнул рукою. — Стар я уже. Лучше мальчишек моих научите.

— Вы — старый? — безмерно удивляюсь. — А сколько вам лет?

— Тридцать.

— Тридцать!?! — изумление скакануло ещё выше. — И это вы называете старостью? Да в тридцать лет люди только жить начинают. Глядя на вас с Марией Васильевной, можно подумать, что вы юны, как в первый день после свадьбы, — решаю польстить с утра хозяевам. Пусть день начинается с положительных эмоций. Доброе слово и кошке приятно.

— Вот уж скажете... — засмуцалась Белкина, стоявшая рядышком.

— Честное благородное! — прижимаю левую руку к груди.

— Благодарствуем, Леонид Данилович, на добром слове. Храни вас Господь! А нам пора идти.

— Да, нам пора, — встрепенулся Иван Данилович.

— Тогда всего хорошего, — улыбаюсь вслед хозяевам дома, и тут замечаю, что во время всего разговора держал в правой руке ночной горшок. М-да...

Сразу к себе в комнату не иду. К моему пустому горшку добавляется ещё один, но уже наполненный чистой, горячей водой. По причине отсутствия душа придётся другим способом ухаживать за своей тушкой. В комнате я разделся, намочил полотенце принесённой водой и тщательно обтёр тело. Думаю, нужно попросить, чтобы Марфа или Прасковья специально разогревали для меня с утра пару вёдер. Принимать водные процедуры лучше в бане.

Только-только хозяева слиняли из дома, как в общей зале объявился Прохор. Всё правильно, барин с барыней уехали. Емельян и Прасковья вместе с ними. Теперь можно расслабиться. Тем более жена осталась за хозяйку, а значит, накормит и напоит чем-нибудь

вкусным... Когда я вышел в общую комнату, он сидел у краешка стола и лопал деревянной ложкой какую-то похлёбку, заедая её румяной лепёшкой.

— Привет, племянник антихриста! — на меня вдруг напало игривое настроение. — Как поснедаешь, готовься.

— Э-э... — мужичок чуть не подавился. — К чему готовиться, Леонид Иванович? И почему это я — племянник антихриста?

— Потому, что я видел картины, на которых написаны херувимы. Так вот, ты на них совсем не похож. Кроме того, ты ещё вчера мог заметить щетину на моём лице. Однако даже не спросил, а не угодно ли мне побриться? Ну, и кто ты после этого? Как есть — племянник антихриста. А я-то считал тебя своим другом. Сапоги подарил... Нет, Прохор, злой ты. Уйду я от тебя...

— Куда ж вы уйдёте?! — это не на шутку всполошилась Марфа, слушавшая наш разговор с большим вниманием.

— Да хотя бы к вашей соседке, Дарье Михайловне. Она женщина чуткая, понимающая. Вдова опять же... — продолжал я куражиться. Про Дарью Михайловну мне рассказывал Прохор. Она была из мещан, и её дом стоял недалеко от дома Белкиных. Зря я при Марфе упомянул вдовушку. В результате узнал о ней столько нелестных слов, что стало стыдно за затеянный разговор.

— А Прохор вас мигом побреет, — пройдясь ядрёным языком по соседке-мещанке, Марфа принялась ублажать меня обещаниями. — Чего, кобель, расселся? Всё утробу свою ненасытную набить не можешь?! Видишь же, барина побрить надобно!

— Пустое, Марфа, — пытаюсь защитити ни в чём неповинного мужичка. — Пусте доест. Я не тороплюсь.

— Ещё успеет наесться!

— Конечно, Леонид Иванович, успею, — быстро закивал Прохор. Похоже, побаивается свою грозную супругу.

— Ну, как знаешь, — легко соглашаюсь.

Минут через двадцать я был уже гладко побрит и благоухал цитрусовым парфюмом. Пришло время будить маленьких сорванцов. Вставали они нехотя. Видать привыкли пробуждаться, когда сны сами покидали их. Что ж, время халявы закончилось. Теперь всё будет по расписанию: подъём, туалет, зарядка, умывание, завтрак, занятия науками... Пока я приводил в чувство барчуков, Прохор сходил за Васькой с Наташей. С этого дня весь детский сад начинает жить одним дружным коллективом...

Освободиться мне удалось примерно часам к двенадцати. Сначала в роли педагога выступал я сам. Затем вернулась Мария Васильевна и привела отца Лазаря, который быстро взял на себя функции учителя. В целом слушать его было интересно и познавательно. Но когда началось разучивание молитв, мне жутко захотелось спать. Приходилось время от времени тереть мочки ушей и покусывать нижнюю губу, чтобы взбодриться. Иначе, какой пример я подам детям? Только-только начал авторитет зарабатывать...

А им действительно было со мной интересно. Столько нового и необычного... Да я и сам старался не нагонять тоску. При первых же признаках скуки, подкидывал новые идеи. Например, урок я начал с объяснения, что такое часы и как по ним определять время? Для наглядности на листе бумаги был изображён циферблат, а роль стрелочек выполняли две палочки. Сначала я сам двигал «стрелки», затем по очереди дети... Когда тема часов начала утомлять, мы занялись новой игрой... Как-то я читал книгу, в которой описывалось, как в

Англии воспитывали будущих офицеров королевского флота. Для того чтобы выработать у них благородную осанку, юношей заставляли каждое утро по полчаса стоять у ровной стены. Спина прямая, к стене в обязательном порядке прикасаются пятки, икры ног, ягодицы, лопатки, затылок и локти рук. Ладони на бёдрах. Плюс ко всему на голову ставилась чашка, наполненная водой.

Прямо скажу, упражнение сложновато. Во-первых: всё время какая-нибудь часть тела сама по себе отлипает от стены. Во-вторых: сбивается дыхание. А оно должно быть естественным и равномерным. В-третьих: очень быстро затекают мышцы и начинают подрагивать ноги. Конечно, я не собирался мучить детей в течение получаса. И чашку с водой на голову никому не водружал. Ещё успеется. Зато по минутке отстоял каждый. Пока один стоял у стенки, пытаюсь изобразить из себя благородного лорда, остальные хором считали до шестидесяти, повторяя за мной счёт. Сегодня каждый узнал, что в одной минуте шестьдесят секунд. А ещё были упражнения с палочками и шариками, повторение французских слов, которые учили вчера, мой рассказ о растениях, произрастающих в России...

На рынок мы отправились втроем: я, Фиксатый и Таксист... То есть Прохор и Емельян. Теперь они, кроме имён, откликаются ещё и на прозвища, данные мной. Произошло это следующим образом... Находясь в благодушном настроении, я пообещал Прохору вставить золотой зуб, если тот будет хорошо себя вести. Слово «фиксатый» вырвалось случайно, но почему-то очень рассмешило Емелю.

— Таксист, а чего ты лыбишься? — обратился я к нему. — С золотыми зубами ходят исключительно козырные пацаны. А твоя роль — быть у них на подхвате.

Естественно мой благородный слог никто не вкурил. Уловили лишь общий смысл. Зато теперь смеялся уже Прохор, и смеялся над словом «таксист», типа что-то понял. А я ещё пообещал нарисовать на возке шашечки.

Гостиный двор встретил нас запахнутыми воротами, через которые туда и обратно сновали люди, одетые в грузные зимние одежды. Одни шли налегке, другие несли котомки и корзины, третьи тянули за собой санки, четвёртые управляли лошадьми, запряжённые в сани-розвальни. Повсюду слышались перекрикивания, конское ржание, лай собак. Сгустки пара, вырывающиеся из раскрытых ртов, образовывали белёсое марево. На утопанном снегу валялись пучки соломы и конские яблоки.

Состоял гостиный двор из бревенчатых «павильонов», выстроенных в форме прямоугольника. В них располагались лавки солидных купцов. Прочая шушера кантовалась на улице внутри прямоугольного периметра, разложив свои товары на прилавки, прикрытые дощатыми навесами. Всё увиденное чем-то напоминало мне мультфильм по мотивам произведения Пушкина «Сказка о попе и о работнике его Балде». Только зимний вариант. Однако наблюдался и общий порядок. Независимо друг от друга стояли хлебные ряды, мясные, рыбные, кожевенные, суконные...

Что надо мне? В первую очередь ткани. Хочу пошить рабочую и спортивную одежду. Ещё нужны трусы. У меня всего одни. Спать в ночных штанах этого времени откровенно напрягает. По поводу пошива одежды я советовался с Марией Васильевной. Белкина сказала, что в Боровске есть профессиональные портные, которые шьют мундиры и партикулярные (штатские) платья. Но зачем тратиться, когда есть она? Женщина заверила меня, что с удовольствием займётся составлением моего гардероба по предложенным лекалам. Очень уж её заинтересовала «европейская» мода и отдавать новшества на сторону она совершенно

не хотела. Что же, тем лучше.

Эх, была бы ещё швейная машинка. Но нет пока такого девайса в этом времени. Если же браться за конструирование данного агрегата, то боюсь, что уйдёт слишком много времени. Конструкцию ножного привода я понимаю чётко, но основной механизм, который непосредственно выполняет работу, для меня полная загадка. Одно знаю: ушко у иголки с другой стороны...

Ещё мне требуются мел и гипс, чтобы изготовить мелки, которыми пишут на школьной доске. Доску тоже необходимо сделать. Тратить бумагу на рисование образных пояснений выходит слишком дорого. Белкины про бережливость уже не раз намекали. Туго тут с наличкой. А бумажные деньги ещё не ввели. Вроде случится это при Екатерине II. Но когда конкретно, хрен её знает. Что же касается гипса, то кроме изготовления мелков, он пригодится мне для литейных работ. Будем с Прохором отливать разные детали из бронзы. Сюда стоит добавить воск. Кстати, у Белкиных в Корнеевке имеется своя пасека, но весь воск уходит на продажу. Себе они оставляют самую малость. Придётся покупать.

Зато от одной заботы они меня избавили. Я же хотел купить шкуру для пошива зимней обуви. Оказывается, что такая шкура у них имеется в достатке. Дадут столько, сколько надо. Это радовало! Жаль, не было специалиста по пошиву обуви. Даже Прохор не хотел браться. Конечно, смастрячить поршни он мог бы, но вряд ли я надену такую «красоту» на себя. Если только дома ходить. Но для дома я и сам могу расстараться. Мы в своё время с Данькой сшили не одни ножны для ножей, которые изготовил Михаил Петрович. Так что навык имеется.

Емельян с возком остался недалеко от входа в гостиный двор. Можно было бы и вовнутрь заехать, но мы же не купцы и товара у нас нет. А платить лишнюю копейку за парковку внутри рынка не хотелось. Пока мы шли к лавкам, я узнал от Прохора, что сами железно-заводчики Меллеры живут в Москве, а здешним заводом управляет поставленный ими человек. Блин горелый, а чего тогда батюшка мне советовал? Или сам не знал? Или думал, что меня интересует продукция завода, а не конкретно хозяева? Хрен поймёшь. Зато становится ясно, почему архимандрит Дорофей писал в Берг-коллегию. Управляющий заводом, скорее всего, послал его к своим работодателям, типа я человек маленький и самостоятельно деньгами не распоряжаюсь. А судя по рассказу Прохора, который тесно общается с купцами, у Меллеров в Москве имеются каменные палаты. Короче, люди с положением. М-да, не получится с ними пообщаться. А вести дела с управляющим я не собираюсь. Но на завод сходить надо. Хоть гляну, что из себя представляет? Возможно, закажу чего-нибудь...

— Слышь, Прохор, а в Боровске вообще много немцев проживает? — спросил я, шагая сквозь людскую толчею.

— Хватает, — кивнул он после недолгого раздумья. — Аптекарь Шварц — немец...

— О, аптекарь! — обрадовался я «цивилизованному» слову. — А где он обитает?

— Там лавка, — беззубый гид махнул рукой куда-то в сторону. — Говорят, что он — колдун...

— Кто?! — рассмеялся я. — Прохор, ты взрослый мужчина, а веришь разным глупостям? Не бывает никаких колдунов. Все так называемые чудеса можно легко объяснить с помощью науки. Вот знаешь, к примеру, откуда берётся молния?

— Конечно. Боженька гневается.

«У-у, как всё запущено! — невольно изумился я. — Тут, наверное, и про громоотводы

ничего не слышали. М-да, на такие темы лучше не заводить беседы. Не поймут, да и я объяснить не смогу. А вот осиноый кол отхвачу запросто». От этих мыслей моё внимание отвлекла толпа, собравшаяся возле каких-то двух мужичков. Прохор тоже заинтересовано остановился.

— Чего там? — спрашиваю его.

— Куприян Горбонос продаёт своего крепостного.

— Дворянин?

— Кто?! — Прохор удивлённо повернул голову в мою сторону.

— Ну-у, Куприян твой...

— Да ты что, Леонид Иванович! Из него такой же дворянин, как из меня митрополит Московский. Слободской он. К тому же пьяница горький.

— Откуда тогда у него крепостной?! — теперь уже удивляюсь я.

— Летом купил по случаю у донских казаков, которые здесь проезжали. Где взял деньги, не ведаю. Но пару рублей за шведа отдал.

— За шведа?! — удивляюсь ещё больше. — Так крепостной, значит, иноземец?

— А то ж! — кивает Прохор. — Казаки где-то отловили, а этот дурачок купил. Только видать забыл, что теперь поодать за крепостного надо платить. А может на хмельное зелье денег не хватает.

— Зачем же тогда покупал?

— Так его ни в один цех не принимают. Вот и решил показать себя хозяином. Говорю же, пустой человек.

Тут я вспомнил, что городские жители этого времени объединяются в специализированные цеха, то есть в торгово-ремесленные корпорации. Например, цех сапожников, булочников, плотников, кузнецов и так далее. Это помогает противостоять конкуренции и прочим социальным трудностям феодальной эпохи. У каждого цеха имеется устав, который требуется чётко соблюдать, иначе последуют суровые санкции от своих же коллег. Куприян, похоже, был злостным нарушителем всяких уставов, вот и...

Пользуясь своим ростом и физической силой, пробираюсь сквозь толпу поближе к виновнику зрелища. В своё время мне довелось видеть сутенёров, выставляющих на продажу проституток, но здесь другое. Вот и захотелось посмотреть, как происходит торговля людьми? М-да, в моё время этого «сутенёра» назвали бы бомжом. Борода включенная, сальная, под глазами мешки, рот щербатый, одет в выдавшие виды тулуп и малахай. А у его холопа и того нет. Тщедушное тело прикрывает куцый армяк да потёртый войлочный колпак. Что удивило, так это выбритое лицо крепостного. Правда, щёки впалые, словно голодал сильно. Стоит, дрожит. Замёрз походу...

— Как тебя зовут? — спрашиваю на немецком языке. Вроде шведы на нём разговаривают.

— Густаф, — тут же встрепенулся мужичок, услышав знакомую речь. — Господин, если вы верите в Бога нашего Иисуса Христа, и вам знакомо чувство сострадания, то выкупите меня у этого сумасшедшего варвара, а я отслужу...

— О, ещё один немец объявился! — отреагировала толпа на наш диалог. Кто-то обернулся к стоявшему за моей спиной Прохору, чтобы узнать, кто я такой.

— Откуда ты и что умеешь? — не обращая внимания на толпу, я принялся расспрашивать Густафа. Мужичка было жалко, но хотелось узнать о нём побольше.

Он принялся сбивчиво рассказывать о себе. Понимал я его с трудом. Всё-таки разница в

языке была большой. Приходилось применять не только немецкий, но и русский, французский, английский... С горем пополам удалось разобраться в его истории. Оказывается, Швеция и Турция поддерживают союз между собой, естественно против России. Нередко шведское правительство отправляет в Стамбул своих офицеров. Типа инструкторы. Как раз при таком инструкторе и состоял денщиком Густаф. Один раз тому захотелось поплавать по морю на кораблике. Однако подлые пираты (казаки) напали на их судно ночью. Офицер, защищаясь, погиб, а он попал в плен... Сам Густаф был простым ремесленником, но угодил под рекрутский набор. А денщиком стал потому, что умел хорошо брить лицо, чинить платье и сапоги. Да и по профессии он являлся сапожником. Услышав эту новость, я обратился к Куприяну, который пялился на нас тупыми глазами и всё порывался что-то вякнуть:

— Сколько ты хочешь за него?

— Пять рублёф! — нагло заявил любитель зелёного змия.

— Чего?! — тут же возмутился я. — Это за что же ты просишь такие деньжища?

— Так ведь — иноземец! — заявляет важно.

— Да хоть инопланетянин! За что платить-то?

— Э-э... — завис Куприян. — А кто такой — иплотянин?

— Не иплотянин, деревня, а ино-плане-тянин! — отдельно произношу слово. —

Хочешь знать, кто это такой?

— Ага, — лыбится щербато.

— А ты в курсе, что информация денег стоит? Заплати мне, и я расскажу про инопланетян столько, что книжки можно будет писать.

— Э-э... — снова завис Куприян. — Я не дьяк, чтобы письменами заниматься! — типа отмазался.

— Конечно, не дьяк! Ты — душегуб! До чего довёл своего холопа... Худой, больной и ничего не умеет, — откровенно издеваюсь я.

— Чё это — не умеет? Умеет! Он в дому чисто прибирает...

— Для наведения чистоты в доме я и бабу могу найти. А немец не сегодня-завтра помрёт. И что, мне потом отвечать за это? Нее, я лучше пойду к его высокоблагородию Николаю Яковлевичу Бахметьеву и по старой дружбе шепну ему о некоем Куприяне Горбоносе, который христианскую душу голодом уморить хочет. Тогда посмотрим, как ты запоёшь! — решаю запугать любителя лёгких денег.

— Барин, не губи! — мужичок вдруг рухнул на колени и сдёрнул с себя шапку. — Два рубля я отдал за эту немецкую рожу... Мне бы своё вернуть!

— Два рубля, говоришь? — хмыкаю я, а сам удивляюсь: не ожидал подобной реакции. Неужели имя воеводы так подействовало?

— Ага! — трясёт головой. — И четыре алтына, чтобы пошину заплатить.

«Вот же жук! — невольно восхищаюсь. — Сам трясётся от страха, но свой интерес блюдёт. А крепостного надо брать. Слуга, который обязан тебе лично, служить станет не за страх, а за совесть. К тому же местных не любит, значит, подкупить не смогут. Особенно если появится дополнительный стимул. А я такой предоставляю. Коли он действительно хороший сапожник, то от своего дела точно не откажется. Поставим здешнюю моду раком! Да и вообще, через него с заграницей можно списаться. Всяко знакомые в Швеции остались...»

ГЛАВА 17

БУМАЖНАЯ ВОЛОКИТА

Давно замечено, что бездумно высказанные вслух желания имеют свойство сбываться. А почему? А потому, что мысль материальна. Тем более хозяин, который шутейно выпустил её на волю, быстро забыл о своей подопечной. А раз она ментально к нему уже не привязана, то начинает действовать согласно запущенной программе. Вот сказал я утром в шутку, что пойду к вдовой соседке, Дарье Михайловне, и, пожалуйста, пошёл... А куда деваться? У меня появился слуга, но в доме Белкиных для него нет места.

Селить Густафа с собой в одну комнату я категорически не хочу, а определять в сарай, как посоветовал Иван Данилович, опасаясь. Швед и так в последнее время жил не в лучших условиях, из-за чего отощал и приобрёл болезненный вид, а тут и вовсе может застудиться. Антибиотиков в этом времени — нет, противовирусных препаратов — нет, даже элементарного аспирина — нет! И чем его лечить, в случае чего? Отварами трав? Вариант, конечно. Но где этим заниматься? Снова в сарае? Потому, что в доме он на хрен не нужен. Там, где заболевает один, очень быстро начинают болеть остальные. Знаю по своему времени. К тому же в доме тесно, да ещё полно детей. Они первыми попадут в зону риска.

Двор Дарьи Михайловны Рябушкиной занимал примерно соток восемь-десять. То есть был в два раза меньше, чем у Белкиных. Зато сам мещанский дом по размерам не уступал дворянскому. Да и вообще, складывалось ощущение, что строились они по стандартному проекту одной и той же фирмой. Кстати, я не заметил в Боровске каменных домов, если не считать церквей. Но и церкви далеко не все были из камня. Даже воеводская канцелярия располагалась в деревянном здании, чем-то напоминавшим мутировавший блокгауз. То ли административное здание, то ли фортификационное сооружение...

После посещения рынка пришлось наведываться к воеводе, чтобы оформить моего слугу официально, а то был, не пойми кто. Куприян Горбонос подобной «глупостью» не соизволил озаботиться, у него даже отсутствовала купчая на Густафа. Именно поэтому он испугался моей угрозы. Влепили бы штраф за сокрытие информации, или ещё чего хуже... Тут за сбором налогов следят строго и виновных не прощают, особенно простолюдинов. Мне за оформление бумаг тоже пришлось заплатить копеечку. А ещё его высокоблагородие Николай Яковлевич Бахметьев посоветовал прикупить собственный дом, типа, зачем ютиться у Белкиных? Мысль, конечно, хорошая. Я сам об этом думал. Но...

Во-первых: дешёвые дома продавались только на том берегу Протвы, то есть в районе Пафнутьевского монастыря. Цены на недвижимость в центре Боровска меня совершенно не устраивали. Во-вторых: свой дом, значит, своё хозяйство. Сейчас я находился на всём готовеньком, а там? Себя обеспечить, слугу обеспечить... Конечно, в новом доме можно было бы поселить только Густафа, а самому продолжать жить, где жил. Но слуга мне нужен под рукой, а не у чёрта на куличках. Самый ближний дом, который подходил по цене, находился в трёх верстах от дома Белкиных. Учитывая здешний ландшафт и качество дорог, это как минимум час ходьбы. Я, конечно, за активную жизнь, но всему есть предел! А если надо что-то срочное? Быстро фиг свяжешься, телефонов нет. Общественный транспорт тоже отсутствует. Постоянно выпрашивать Емельяна с возком ни к чему хорошему не приведёт.

Достаточно представить моё время... Подходит сотрудник офиса к шефу и говорит: «Иван Иванович, дай ключи от своей тачки, мне нужно по делам прошвырнуться...» Ага,

даст. Догонит, и ещё добавит. Между прочим, Мария Васильевна не одобрила мой подарок Прохору. Напрямую ничего говорить не стала, но ревнивые нотки прозвучали. Всё правильно, она — хозяйка. И лишь в её власти одаривать или наказывать. Вот так вот!

— Дарья Михайловна, ты дома? — закричал Прохор, подтянувшись над забором. В ответ со двора раздался громкий собачий лай. Надо же! А у Белкиных нет собаки.

Договариваться насчёт постоя моего слуги мы пошли втроём: я, Густав и Прохор, как человек, лично знающий Рябушкину.

— Тихо, Буян, тихо! — вскоре мы услышали женский голос. — Кто там у ворот?

— Это я, Дарья Михайловна, Прохор, дворовой Ивана Даниловича Белкина.

— А-а, Проша... — женщина явно узнала нашего гида. — Зачем пожаловал?

— Я к тебе по делу.

— По какому?

— О делах через ограду не кричат. Может, в дом пустишь?

— Сейчас, сейчас... — сообразила Рябушкина и вскоре калитка, расположенная сбоку от ворот, приоткрылась. На нас уставилась женщина лет тридцати. Округлое лицо, тонкие губы, слегка вздёрнутый нос, карие глаза, тёмные брови. На голове расшитая кика, поверх которой накинута тёплый платок. — Так ты не один! — воскликнула она, увидев нас.

— Ясно дело — не один, — хмыкнул Прохор и ткнул пальцем в мою сторону. — Это Леонид Иванович Фишер, французский дворянин и учитель детей нашего барина. А это егс слуга.

— Ох, ты ж!.. — именно так отреагировала на меня женщина. Всё-таки дворянин пожаловал в дом. — Проходите, барин, проходите. Чем обязана?

— Уважаемая Дарья Михайловна, — улыбнулся я лучезарно, — зачем говорить о делах на улице? Тем более вы легко одеты. Пойдёмте в дом.

— Конечно, конечно, — кивнула та.

Не принято тут встречать гостей пустым столом. Поэтому, как только мы зашли в помещение, Дарья Михайловна хлопотала по хозяйству, а наша компания чинно уселась на лавку и принялась ждать. Заодно завели житейскую беседу. Правда, говорила в основном хозяйка. А я лишь задавал наводящие вопросы. Прохор молчал. Густаф тем более.

Вдова жила одна. Детишек Господь Бог не дал, а муж погиб в начале лета. И не мудрено, слишком опасную профессию выбрал — лес сплавливал по реке. Плотогон, короче. Числился старшим артели. Доход имел хороший, поэтому в доме всегда был достаток. Дарья Михайловна тоже без дела не сидела, вела хозяйство: курочки, козочки, свинки. Кроме этого выдělывала пряжу на продажу... После этих слов я обратил внимание на странную конструкцию, стоящую в углу комнаты. На деревянной раме было установлено колесо, от которого к раме тянулись нити. Ясно — самопрялка. Только странно, почему у Белкиных нет такого же девайса? Конструкция вполне простая. Лично я могу сделать её без особых напрягов...

Неожиданно вспомнилась Анна... Вязать-то она — вязала, но прясть не умела, поэтому покупала готовую пряжу. Однажды у неё под рукой не оказалось ниток нужной расцветки. Тогда я посоветовал ей покрасить белую пряжу самостоятельно. Заодно прочитал лекцию о растениях и растительных красителях. Но если ботаника у меня была одним из основных предметов в колледже, то о красителях я узнал из книги «Красильные растения СССР» которую обнаружил у дедушки. Он мне сказал, что купил её очень давно, когда сам учился на столяра. Разбираться в свойствах древесины была его прямая обязанность, вот он и

подумал... Я же начал читать книгу чисто из любопытства, но быстро увлёкся. Реально было интересно. Там хватало и истории, и различных исследований... Тем более красители из растений шли не только на ткани, но и на многое другое: кожа, войлок, продукты питания (вина, водка, ликёры), краска для волос... Как говорится, продукт натуральный, не то, что какая-нибудь химия.

Чего вдруг мне всё это вспомнилось? Во-первых: ассоциативный ряд. Прялка, шерсть, вязание... Во-вторых: я сегодня побывал в воеводской канцелярии, и его высокоблагородие Николай Яковлевич Бахметьев снова намекнул о каком-нибудь прибыльном деле. Вот же волчара, вцепился в меня, как в кость... Тогда я сказал ему о производстве бумаги. Предложение не прошло. Оказывается, рядом с Калугой уже существует бумажно-полотняный завод. Он выпускает ткань для парусов и бумагу. Хозяином завода является купец Афанасий Гончаров, которому, между прочим, присвоен чин коллежского асессора, что даёт право на получение дворянства. Меня отказ удивил, подумаешь — есть завод, ещё будет. Тема всё равно остаётся прибыльной. Из бумаги столько всего можно производить... Но меня обломали, воевода категорически не желал становиться конкурентом этого Гончарова. А вот, почему, никто просвещать не стал. Зато предложили ещё подумать. Чем и занимаюсь.

Кстати, бумагу я сегодня купил... Пятьдесят листов за десять копеек. Мне она нужна не только для письма, но и для изготовления лекал, по которым буду шить себе одежду и обувь. Материал для одежды взял трёх видов: ситец, парусину и войлок. Из войлока пошью бушлат с капюшоном. Как раз на двор выходить. Парусина пойдёт на спортивную одежду. Ткань хоть и грубоватая, на брезент смахивает, зато плотная, неброская и обладает повышенной износоустойчивостью. Очень бы подошла для пошива солдатской формы. Из ситца сотворю себе трусы и футболки. Материал мягкий, словно девичья ладонь, так что буду кайфовать. Ещё я купил шёлковых нитей, взял по-отдельности медь и олово, столярный клей и сосновые доски, из которых собираюсь сделать шкаф. На этом пока всё. Не до покупок было. Тут слуга на руках образовался. С ним требовалось решить все вопросы. Хотя решать я их начал с трактира. Ну, а чё? Мужичок замёрз, да и жрать хотел сильно. Пришлось накормить, заодно для согрева угостить стопкой хлебного вина.

— Дарья Михайловна, а какая пряжа стоит дороже, окрашенная или натурального цвета? — спросил я у хозяйки, когда она, наконец-то, пригласила всех к столу. Кстати, Густафа и Прохора женщина усадила отдельно с краю, а меня рядом с собою в центр стола. Типа на главное место. Она вообще удивилась, что я не чураюсь простолюдинов.

— Окрашенная, конечно, Леонид Иванович, — немного удивлённо ответила женщина. — А почему вы любопытствуете?

— Да, как вам сказать... Я в некотором роде хорошо разбираюсь в красках. Могу подсказать, чем лучше окрашивать пряжу.

— Хм... — задумалась женщина. — А вам с того, какой прок?

— Прок-то? — чтобы сразу не отвечать на вопрос, я уделил внимание нехитрым блюдам, которыми угощала нас хозяйка: травяной взвар, пироги с сыром, с рыбой, с капустой, молоко, мочёные яблоки... — Хочу оказать вам услугу, чтобы взамен получить другую.

— Это какую же?

— Хочу определить своего слугу к вам на постой... Пустите?

— Вот как! — удивилась женщина. — А что, в доме Марии Васильевны не нашлось

места?

— Тесновато там, — развожу руками. — А мой слуга и по дому поможет в случае чего. Кроме того, я за его постой стану платить деньги.

— Леонид Иванович, а, правда, купцы бают, что вы разбойничьего атамана голыми руками задавили? — ни с того, ни с сего спросила Дарья Михайловна.

— Э-э... — я завис на пару секунд. — Правда! Как увидел, что этот ирод приказал своим прихвостням погубить христианские души, не смог терпеть такого злодейства.

— Надо же! — снова удивилась она. — А сами вы, какой веры?

— Верую я в Господа нашего Иисуса Христа! — отвечаю пылко, перекрестившись, справа налево. Вопрос у женщины далеко не праздный, к тому же в красном углу солидный иконостас. Если в моём времени квартиры сдавали только лицам славянской наружности, то здесь всё решает церковная принадлежность. — Но сами понимаете, внутри церкви тоже не всё ладно...

Дальше я рассказываю то, что слышал на уроках истории и смотрел в интернете. Сначала поведал о том, как в давние времена церковь разделилась на католическую и православную. Затем пришла очередь расколов уже внутри них самих... Рябушкину больше всего впечатлила история про Варфоломеевскую ночь. Женщина даже ойкнула несколько раз и судорожно перекрестилась.

— А я, уважаемая Дарья Михайловна, стараюсь жить по божьим законам. Все мы произошли от Адама и Евы. Так разве это дело, ссоры между братьями и сёстрами?

— Прав наш батюшка, рассказывая, что вы, Леонид Иванович, добрый человек, — удивила меня Рябушкина своим ответом. — И детей очень любите... А мне вот Господь Бог не дал деток, — вздыхает тяжело.

— Хм... — немного теряюсь от этих слов. — Простите, Дарья Михайловна, а сколько вам лет?

— Двадцать шесть. Старуха уже...

— Какая же вы — старуха? — пытаюсь взбодрить женщину. — Вот лично меня матушка родила в тридцать пять лет и дожила до моего совершеннолетия, царство ей небесное. Так что у вас всё ещё впереди!

— Вы, правда, так считаете? — в глазах Рябушкиной вспыхнула надежда.

— Конечно! — прижимаю руки к груди...

В общем, договорился я с Дарьей Михайловной насчёт постоя. Теперь Гаврила Андреев именно так Густаф Андерсон был записан в бумагах, станет жить у неё. Обошлось мне это удовольствие в полтора рубля за месяц. Сюда входило и питание моего слуги. Кстати, возрастом Гаврила оказался младше Рябушкиной на три года. Я так же поинтересовался, откуда он родом? Оказалось, что из какого-то Векшё. Никогда не слышал. Зато Гаврила рассказал, что в его городе изготавливают самое лучшее стекло. Интересно, с чем он сравнивал? Лично я слышал, что самое лучшее стекло производили в Венеции и Чехии. Однако информация полезная, галочку в уме поставил.

Засиделся я у Рябушкиной до самых сумерек. Прохор, как наелся, сразу слинял, типа дел много, а мы тут и без него управимся. Мы же обговаривали нюансы нашего сотрудничества. Тем более Гаврила по-русски говорил очень плохо. И как только с ним общался Куприян Горбонос? Но я велел своему слуге относиться к Дарье Михайловне со всем уважением, иначе накажу. Парень заверил, что будет почитать её, как свою покойную мать. Блин, ещё один сирота. Да и сравнение какое-то двусмысленное... Ну, и ладно. Лишь бы не было

проблем.

К Белкиным я вернулся вместе с Иваном Даниловичем. Встретил его на улице, когда он возвращался со службы.

— Как раз о вас думал! — узнав меня, улыбнулся он. — Как ваши дела?

— Всё нормально! — улыбаюсь в ответ, после чего рассказываю о своём договоре с Рябушкиной.

— И зачем, Леонид Иванович, вам вообще понадобился этот Гаврила? — спросил Белкин, после моего рассказа. — Столько хлопот с ним.

— Не скажите, Иван Данилович, не скажите, — качаю головой. — Оказавшись в России без слуги, я испытал немало затруднений бытового характера. Использовать же для своих нужд ваших крепостных мне не позволяет совесть. Это всё равно, что брать без проса чужую вещь.

— Ох, нашли из-за чего переживать! — махнул рукой Белкин, однако было заметно, что мой ответ пришёлся ему по душе. Одно дело, когда ты сам приказываешь своему слуге оказать кому-то помощь, а другое, когда этот кто-то приказывает ему без предварительного согласования с тобой.

— Ну, а как же? — развожу я руками. — Тем более мне нужен напарник для тренировок.

— Что, станете обучать его тайной борьбе? — удивился Белкин и даже сбился с шага.

— Почему бы и нет? Ловкий слуга всегда пригодится.

— Что ж, вам виднее... Кстати, Леонид Иванович, а что вы говорили его высокоблагородию Николаю Яковлевичу по поводу бумаги? Неужели знаете, как её выделывать?

— Знаю. Только ему это не интересно. Не подскажите, почему?

— Невыгодно, Леонид Иванович. Гончаров работает по казённому заказу, а кто их даст нашему воеводе? Слишком много хлопот и трат.

— Понятно, — киваю, а сам думаю: «Ну, и воевода! Сам дело просит, и сам же никуда не хочет вкладываться. А ещё боится просить у высокого начальства для себя привилегий. То-то все значимые мануфактуры находятся в руках у купцов, или в казённой собственности, то есть отнятой государством у тех же купцов. А управляющими ставят безмозглых дворян. Ведь дворяне, по сути, кто? Служаки, привыкшие исполнять приказы. В производстве не разбираются, в коммерции не разбираются... Даже призируют коммерцию. И чего будет с предприятием, которое окажется под рукой такого гордеца? Правильно, зачахнет в скором времени. Всё, что не развивается, то погибает». — Иван Данилович, а почему вы заинтересовались бумагой? — спросил я, когда мы уже подошли к дому Белкиных.

— Да вот подумал, зачем тратиться лишний раз, коли можно сделать бумагу на дому? Вы как, согласны?

— В принципе я согласен, — киваю головой. — Если чисто для собственных нужд, то особых затрат не потребуется. Но опять же, необходимо отдельное помещение.

— Как раз по этому поводу я хотел с вами поговорить, — Иван Данилович остановился возле ворот.

— Где будем говорить, здесь или в дом зайдём?

— Давайте немного постоим на свежем воздухе, — неожиданно улыбнулся Белкин. — Вечер выдался чудесным! Ветра нет, небо чистое, звёздочки светят...

«Ишь ты, романтик нашёлся», — усмехаюсь про себя. Правда, я тоже не против

постоять на улице. Насиделся у Рябушкиной... А мягких стульев тут нет. В основном табуреты и деревянные лавки. Теперь из моих ягодиц можно Буратино мастрачить.

— Согласен. Погода и вправду хороша... — обвожу взглядом звёздное небо. — Так что вы хотели сказать?

— Мы сегодня немного переговорили с отцом Лазарем... — как-то неуверенно начал Белкин.

— И чего?

— Он тоже хочет своих крепостных пристроить к мебельному делу.

— Это, конечно, прекрасно. Только где их размещать? У нас не работа получится, а толкотня.

— Именно! — взбодрился Белкин. — Тем более вы сами знаете, я собираюсь строиться... Постороннее хозяйство будет только мешать.

— И какой выход вы предлагаете? — стало понятно, что у Ивана Даниловича есть какой-то план.

— Сегодня наш воевода предлагал вам прикупить дом...

— А вы, откуда знаете? — удивляюсь я. — Вас же не было в кабинете.

— Совершенно случайно я оказался поблизости и слышал разговор...

— Понимаю, — киваю серьёзно, а про себя улыбаюсь: «Подслушивал, стервец! Ну, и правильно».

— Так вот, — продолжил Белкин, — я предлагаю купить дом с участком и там организовать мебельное производство.

— И в каком месте желаете купить дом?

— За Протвой, конечно. Там самые дешёвые участки.

— Иван Данилович, а как быть мне? — откровенно охреневаю. — Я же не могу разорваться!

— И не надо разрываться, — улыбается Белкин. — Мы участок купим, подберём смекалистых крепостных, а вы им будете давать задание, да присматривать время от времени.

— Чтобы давать задание, нужно сначала обучить их! — поражаюсь наивности Белкина.

— Вот парочку моих крепостных и обучите. Емельян завтра как раз собирается ехать в имение, чтобы привезти людей для всех наших дел. А на новый участок они переедут ближе к весне.

— Как я понимаю, вы хотите заранее прикупить место?

— Совершенно верно. Ходят слухи, что цены могут подняться...

— Ах, вот оно что! — понятливо усмехаюсь. — Тогда действительно, лучше купить участок заранее. Кстати, как раз рядом с мебельным производством можно наладить производство бумаги.

— Думаете?

— Уверен! Бумагу-то делают из опилок.

— Как, из опилок?! — изумлению Белкина не было предела.

— Обыкновенно. А вы разве не знали?

— Нет, — неверяще качает головой. — У нас её делают изо льна и конопли...

— О, как! — вырвалось у меня, после чего я непроизвольно оглянулся и понизил голос. — Тогда, Иван Данилович, мой секрет необходимо держать в тайне. Лён и коноплю выращивать надо, а дерево растёт повсюду.

— Да, да, конечно! — заполошно кивает он, тоже понизив голос. — И пойдёмте уже в дом. Мария Васильевна, наверное, нас заждалась...

ГЛАВА 18

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Примерно месяцев за пять до того, как я грохнулся в оркестровую яму, мне в городской мэрии повстречался одноклассник, Пашка Лужин. В мэрию нас привела одна и та же нужда — возможность получить заказы. Хорошо, что наши сферы деятельности никак не пересекались, иначе бы не избежать конфликта интересов. Пашка промышлял тем, что опрыскивал городскую лесополосу какой-то химией, чем очень портил жизнь комарам и клещам. Я же занимался парковым озеленением. В общем, в этот день нам обоим повезло, финансирование было одобрено. На радостях мы решили отметить нашу встречу. Но не в ресторане или в кафе, а у Пашки дома. Ожениться он ещё не успел, поэтому жил один в однокомнатной хрущёвке, доставшейся ему в наследство от бабушки. Когда мы зашли в ликёроводочный отдел супермаркета, чтобы затариться бухлом, я невольно присвистнул. Цены на водку заметно подросли.

— Мля, государству спирт обходится в копейки, а ценники растут, как бамбуки! — посетовал я на рыночный беспредел.

— Это потому, — иронично хмыкнул Пашка, — что весь спирт израсходовали на презервативы.

— В смысле, на презервативы? — не понял я юмора.

— В самом прямом, — снова ухмыльнулся одноклассник. — Ты же в ботанике хорошо шарить?

— Ну, да, — пришлось согласиться.

— Тогда должен знать, что у нас гевея не растёт.

— И чего? — продолжал я тупить.

— А того, что один из способов изготовления каучука производится с помощью этилового спирта.

— Правда, что ли? — новость меня удивила, так как я всегда считал, что для этого требуется нефть.

— Заявляю авторитетно, как человек, получивший диплом химика-технолога, — с превосходством в голосе произнёс Пашка. А затем, рассматривая понравившуюся ему бутылку с водкой, пропел. — И если б водку гнать не из опилок, то что б нам было с пяти бутылок?

Пашка мне вспомнился не случайно. Отсутствие под рукой такого материала, как резина, меня очень напрягало. Изначально я хотел списаться с кем-нибудь из Европы. Хотя бы со «своими» родственниками, чтобы прислали посылку. Но сколько эту посылку ждать? Да и вообще, исполнят ли мои просьбы? А надо мне много. Тут и всевозможные семена, которых в России нет, и журналы о последних научных достижениях, и учебники, и натуральный каучук. Конечно, письма я напишу в любом случае. Только руку получше набью и запомню мысленные обороты, которые употреблял Лионель Фишер. С момента разговора у ворот дома Белкиных, когда мы с Иваном Даниловичем обсуждали наши общие дела, прошло десять дней. Сегодня уже зима, 1-ое декабря 1742 года. И все эти десять дней я перед сном упражнялся в овладении «своим» почерком. По моему мнению, получалось вполне прилично. Значит, скоро начну составлять письма.

За десять прошедших дней случилось много событий. Основное, Емельян привёз из

поместья четверых парней призывного возраста и мальчика Митю лет восьми. Пацан жил с мамкой, но она умерла от какой-то болезни. Староста упросил Емельяна взять Митьку с собой, авось барин найдёт ему применение. Иначе ребёнок тупо умрёт от голода, так как присматривать за сиротой больно-то некому. Теперь у меня пять маленьких учеников: девчушка и четыре хулигана. Занимаюсь с ними с восьми утра и до двенадцати дня, затем делаю свои дела. Повторно занятия начинаются в пять вечера, и тянутся до самого отбоя с перерывом на ужин. Спать детей обычно укладывают в двадцать один ноль-ноль.

Кроме детей, теперь на моей шее сидят четыре здоровых лба. Когда я узнал, что всех зовут Иванами, то просто оху... поразился фантазии Емельяна, который их отбирал. Интересно, он случайно не метит в продюсеры, как Игорь Матвиенко? А чё, готовые «Иванушки International». Правда, рыженького нет. Они вообще все белобрысые и на лицо похожи, словно от одного отца с мамкой произошли. Прямо четверо из ларца, одинаковые с лица. Дабы не путаться, я каждого официально наградил прозвищем, то есть сделал это в присутствии третьих лиц. Первым прозвище получил Скунс. Этот дебил умудрился наступить на свежее лошадиное яблоко, но вместо того, чтобы очистить подошву, попёрся в дом. Там Иван Данилович проводил смотр всех вновь прибывших. Парни зашли, сняли шапки, перекрестились на иконы, поклонились Белкину... В общем, всё по уставу. И вот среди этого благолепия повеяло свежачком...

— Это что за ароматы? — поморщился Иван Данилович, чутко уловив посторонний запах.

— А вон он, наш Скунс, — кивнул я на парня, который стоял впереди всех. — Тебя что, не учили чистить подошвы, когда в помещение заходишь?

— Ох, барин, прости Христа ради, не заметил! — парень проследил за моим взглядом, заметил причину недовольства и испугано вжал голову в плечи.

— Быстро вышел на двор и очистил валенки! — грозно рявкнул Белкин. Парня словно ветром сдуло, а хозяин дома обернулся ко мне. — Леонид Иванович, а кто такой, скунс?

— Это такой пушной зверёк наподобие нашего барсука. Живёт в Америке. От врагов защищается тем, что выделяет из себя зловонную жидкость, чем отбивает всякую охоту нападать на него, — сообщил я авторитетно.

— Аха-ха-ха-ха! — рассмеялся Белкин. — Теперь и у нас есть свой скунс, а не только в Америке!

Так парню официально было присвоено прозвище. Как показало время, не зря. Похоже, он вообще не умел смотреть под ноги. То наступит на какую-нибудь дрянь, то запнётся и растянется каракатицей. У меня вообще сложилось мнение, что староста сплавил к нам всех косорезов. Но ничего, армия и не из такого дерьма делала конфетки.

Вторым прозвищем я наградил Сморчка. В принципе, они все шмыгали носами и вытирали сопля рукавами. Но этот выделялся даже среди своих собратьев. Не зря Пётр I приказал на рукавах солдатских мундировшивать бронзовые пуговицы. О железки носа не утрёшь. Я же поступил более гуманно. После того, как Мария Васильевна сшила мне по паре трусов и футболок, остались небольшие лоскутки материи. Как раз для носовых платков подойдёт. Их я и подарил новобранцам. Подарил, естественно, не просто так. Сначала популярно объяснил, для чего они нужны, и как за ними правильно ухаживать, то есть — стирать. Попутно продемонстрировал способ промывки носа водой, чтобы меньше было соплей. Однако моя поучительная лекция понимания не нашла, сила привычки оказалась сильнее. Тогда я обратился к Белкину с просьбой...

— Иван Данилович, вы постоянно на службе. Марию Васильевну я тоже не хочу тревожить по пустякам... Разрешите мне самостоятельно придумывать наказания для этой четвёрки деревенских увальней. Иначе ничего путного из них не выйдет.

— Что ж, разрешаю, — после недолгого раздумья согласился Белкин. — Только до смерти не запорите.

— Чего, чего? — не сразу понял я. — Почему вы решили, что я собираюсь их пороть?

— Ну, а как же иначе? — удивился Белкин.

— Пороть своих крепостных, Иван Данилович, это не рационально. Поркой вы наносите вред здоровью. Мне же нужны физически крепкие парни.

— И как вы собираетесь их наказывать? — заинтересовался мой работодатель.

— О, Иван Данилович! — плотоядно улыбнулся я. — Поверьте, мне известны такие методы, что порка сойдёт за счастье. При этом никто не получит физических увечий.

— Хм, очень любопытно... Покажите?

— Легко! Думаю, что повод для наказания не заставит себя ждать.

В Российской армии устав запрещает наказывать неумеху. То есть персональное наказание отсутствует. За косяки одного, отвечают все. Здесь я применил аналогичный метод. Мои «Иванушки International» сообща отжимались, приседали на одной ноге, держали в полуприсяде табуреты на вытянутых руках... А ещё занимались растяжкой — самым страшным для них упражнением. Деревенские увальни жутко переживали за свои коконьки. Ивана Даниловича такие способы наказания откровенно забавляли. Вроде никто не бит, лишь получают изредка пинки, чтобы не сачковали, зато какой эффект! Уже через неделю пользоваться платочками научились практически все. Конечно, старые привычки давали о себе знать, не без этого. Но теперь крестьяне стали более внимательны. А куда деваться? Без дисциплины никак, хоть в армии, хоть на производстве.

Третье прозвище получил Звонарь. Во время обеда два парня чего-то не поделили. Тогда один Иван стукнул другого Ивана деревянной ложкой по лбу. Мало того, что ложка сломалась, так ещё звук от удара вышел специфическим. Голова пострадавшего реально зазвенела. Недолго думая, я вывел всех из-за стола и велел принять упор лёжа, кроме любителя драться ложками.

— А ты, Звонарь, стоишь и даёшь счёт своим товарищам. Отжаться они должны тридцать раз.

— Почему я — звонарь? — удивился Ивашка.

— Потому, что у Скунса от твоего удара голова зазвенела, как колокол. Ещё вопросы есть?

— Нет. Только я считаю плохо...

— Ничего, Звонарь, считай! Если замечу, что ошибся, тогда отжиматься будешь уже ты, а троица, которая улеглась сейчас на пол, будет хором тебе солировать.

— Э-э... Чаво делать? — парень не понял моего французского.

— Считать будут хором, пока ты, деревня, не отожмёшься пятьдесят раз, — бросил я раздражённо.

— Почему, пятьдесят?

— Не нравится цифра? Хорошо, ошибёшься в счёте, будешь отжиматься сто раз.

— Не, не, я согласен!

До восемнадцати он досчитал... Потом ошибся. Троица, которая считала хором, тоже ошиблась на этой цифре. Тогда я уложил на пол всю четвёрку и велел во время отжимания

громко повторять счёт за мной. М-да, тяжёлая наука — математика. Мышцы болят после неё.

Четвёртое прозвище получил Тюлень. Хотя было бы правильнее назвать его моржом или оленем. Но, как известно, слово не воробей. Что вылетело, то вылетело. А случилось следующее... Емельян привёз с речки бочку с водой и попросил Ивана помочь ему. Парень рьяно взялся за дело и в результате опрокинул бочку на себя. Как его не раздавило, одному Богу известно, но облился он с ног до головы.

— Чего, Тюлень, zenки вылупил?! — рассерженно крикнул я остолбеневшему парню. — Беги скорее в дом, да снимай с себя всю одежду, а то ещё застудишься.

Этот отморозок с такой скоростью ломанулся в дом, что мне сразу подумалось: «М-да, тюлени так носиться не могут...»

Чем вообще занимается четвёрка деревенских увальней? Начнём с того, что утро они встречают вместе со мной. Я в семь утра выхожу на зарядку и они тоже. Как раз для общего физического развития пригодится, заодно научатся родину любить. Вместе с нами занимается мой слуга, Гаврила. Правда, я первые дней пять его не трогал. Дал возможность поправить здоровье. Заодно он за эти дни сшил мне высокие зимние ботинки на шнурках. Хотя вначале дело пошло с трудом. Гаврила не понимал, зачем нужно шить обувь для каждой ноги отдельно? Хорошо, что у меня есть сценические туфли. На их примере я объяснил, что, как и почему. Заодно рассказал про болезни ног, которые появляются из-за ношения «неправильной» обуви.

В общем, парень проникся и больше не пытался спорить, но попросил оставить ему сценические туфли, чтобы было на что равняться. Так же его очень заинтересовали ровные, аккуратные швы, не говоря про резиновую подошву. Я сказал, что швы сделаны не вручную, а машинкой. Даже попытался объяснить, как она примерно работает. Зачем это понадобилось? А затем, что у меня в голове куча идей, и я не знаю, за какую братья в первую очередь? Не разорваться же! Пусть другие тоже немного поломают мозги. Я Гавриле прямо так и заявил, если придумает швейную машинку, которую мне посчастливилось лицезреть у французского портного, то помогу ему стать обеспеченным человеком. Теперь в свободное время думает.

«Иванушки International» Гаврилу невзлюбили. И не случайно. Во-первых: он немец. Не в смысле нации, а то, что по-русски не говорит. А когда русские любили немцев? Во-вторых: несмотря на то, что мой слуга в своё время состоял при офицере денщиком, от солдатской муштры его никто не освобождал. Поэтому маршировать, стрелять из ружья и колоть штыком Гаврила умеет хорошо. Я подумал, подумал, и решил, что Иванушкам эта наука тоже пойдёт впрок. Мало ли чего в жизни случится, а тут хоть знать будут. Да и мне интересно. Для пущего правдоподобия мы с Прохором вырезали из дерева шесть макетов ружей. Теперь три раза в неделю после утренней зарядки Гаврила прививает деревенскому бычью воинскую дисциплину. Другие три дня я обучаю всех рукопашному и ножевому бою. Ножи тоже вырезали из дерева. А лично для меня Прохор пообещал выковать штык-нож, который я ему нарисовал. Ну, а мы после утренней зарядки принимаем в бане водные процедуры. Учу молодёжь гигиене...

Чем ещё занимаются парни? В принципе много чем, фронт работ громадный. Тем более Белкины не захотели ждать весны. Строительство нового дома было решено начать прямо сейчас. Ага, аппетит приходит во время еды. Я даже с ними чуть-чуть не поругался. Нет, строительство зимой — это нормально. Случалось сталкиваться с подобными заказами.

Проблема в другом, у них постоянно меняются фантазии в плане самого дома. А любой архитектор или инженер-конструктор знает, что вносить изменения в готовый проект крайне нежелательно, велика вероятность ошибки. А ошибки приводят к печальным последствиям. Мне тоже не хочется лишний раз считать всё заново. Тут компьютера нет, нужно своей головой...

Целую неделю мы после ужина оставались за столом и до позднего вечера решали, каким быть дому? Очень многое приходилось объяснять, доказывать, выслушивать самому, чтобы глубже понимать местные реалии. Люди-то живут понятиями этого времени, а я — своего. Это касается и отопления, и канализации, и освещения, и планировки комнат, и кровельного покрытия, и высоты парадного крыльца... Ньюансов море! Слава Богу, после недели нервотрёпки мы утвердили окончательный проект. Но я всё равно предупредил, что больше никаких изменений вносить не буду.

Пока шли дебаты по поводу нового дома, «Иванушки International» под чутким руководством Прохора успели перестроить курятник и свинарник. Курятник без особых затей разделили на две части деревянной перегородкой, немного потеснив пернатую живность. Помещение, которое определили под производство «божественного нектара», вышло примерно три на три метра. Пока оно пустует. Аппараты для производства высококачественного спирта ещё не готовы. А вот свинарник полностью избавили от всякой фауны, пустив её под нож. Заодно вычистили весь навоз. Теперь в бывшем свинарнике находится столярная мастерская и комната отдыха.

Размеры мастерской примерно шесть на четыре метра. За эти дни мы с Прохором установили там верстак, ножной точильный камень и ножной столярный станок. Станок собрали за неделю. Железных деталей в нём очень мало, практический весь из дерева, плюс кожаный привод, который соединяет колесо и крутящийся вал. Мужичку новый девайс понравился так, что не может оторваться. Уже наделал игрушек для барчуков, а для «Иванушек International» ложки, кружки, тарелки и... зубные щётки! На «кисточки» пошла свинья щетина. Мне тоже сделал щётку. Тут их нет. Люди зубы не чистят. Просто споласкивают рот, а застрявшую в зубах пищу убирают или ниткой, или щепочкой, или перочинным ножом.

Последняя процедура меня вообще повергла в шок! Так все зубы раскрошить недолго. Поэтому я быстро «придумал» зубную щётку, а в качестве чистящего средства применяю мел, в который добавляю ароматные травы. Ещё мне удалось сварить целый пуд мыла. После забоя поросят и овец образовался излишек животного жира, вот я и не растерялся. На мыло также пошло льняное масло, соль, хлебное вино, поташ и выжимка из сухофруктов. На мой дилетантский взгляд вышло вполне неплохо. Правда, три дня пришлось помучиться, пока получилась приемлемая субстанция. Одно дело примерно знать, как изготавливается мыло, а другое — сделать его самому.

Чтобы не трогать коровник, набитый сеном, комнату отдыха устроили в небольшом закутке, который располагался в бывшем свинарнике. Размеры комнаты получились два на два метра. Внутри мы разместили двухэтажные деревянные нары. Теперь все четыре Ивана ночуют там. Перед входом в «спальню» установили чугунную буржуйку. Она, благодаря мне, досталась Белкину бесплатно. Мало того, мы обзавелись строительным материалом. Откуда всё взялось? С железоделательного завода. Через день после того, как я выкупил Гаврилу, меня туда отвёз Емельян. Сам бы замучился идти.

На что похож завод? На двухэтажные кирпичные печки, позади которых установлены

широкие деревянные помосты с лестницами. По лестницам на помосты поднимают руду, уголь и известняк. Потом все эти ингредиенты загружают через трубу в доменную печь. После плавки образуется шлак. Здесь он никому не нужен. Его тупо вываливают в отдельную кучу. Руководство завода даже не догадывается, что это практически готовый шлакощелочной цемент. Его осталось только перемолоть и просеять...

— Чего это у вас мусор лежит повсюду? — ткнул я пальцем в гору шлака.

— Простите, а вы кто будете? — спросил меня управляющий, оглядев с ног до головы. Мой внешний вид повторял тот образ, когда Белкины увидели меня впервые. Я тоже внимательно рассмотрел мужчину, стоящего передо мной. Внешне он походил на актёра Андрея Смолякова. Ростом же уступал мне целую голову. Одет управляющий был в коричневое партикулярное платье. На голове носил чёрный парик. Интересно, под париком такая же лысина, как у Смолякова?

— Разрешите представиться, Лионель Фишер, французский дворянин, нахожусь в Боровске по протекции его высокопревосходительства Михаила Илларионовича Воронцова в качестве учителя наук, которые преподаю сыновьям его благородия Ивана Даниловича Белкина, — козырнул я именами.

— Да, да, я что-то слышал про вас, — покачал головой управляющий. — Дело вроде касалось разбойников, напавших на купеческий обоз.

— Совершенно верно, — делаю лёгкий кивок. — Я как раз ехал в купеческом обозе, когда на нас напали. Пришлось защищаться. В результате я лично отправил атамана разбойников на тот свет.

— Ого! — удивился управляющий. — А сюда, какими судьбами? Ой, простите, забыл представиться, Джонатан Джейкобс. Поставлен Вахрамеем Вахрамеевичем Меллером надзирать за работой завода.

— Хм... А вы очень хорошо говорите по-русски, — без тени лести заметил я, с первых слов поняв, что передо мной стоит иностранец.

— Двадцать лет назад мне пришлось покинуть Голландию и перебраться в Россию, — ответил Джонатан Джейкобс. — За это время любой обучится языку той страны, в которой проживает.

— Полностью с вами согласен. Но разве вы не поменяли имя?

— Поменял, — управляющий изобразил лёгкую улыбку. — Но в вас я сразу признал выходца из Европы, поэтому назвался именем, данным мне при рождении. Так какими судьбами вы к нам?

— Исключительно по делу, — с этими словами я вытащил несколько листочков, на которых были изображены варианты печек-буржук. В своё время мне довелось ознакомиться с множеством образцов этих нагревательных приборов, начиная от самых примитивных и до подлинных произведений искусств.

— Это что? — спросил управляющий, разглядывая мои рисунки.

— Это печи из чугуна, — начал пояснять я. — Вот самая простая, которую несложно перенести из одной комнаты в другую. Её даже можно установить зимой в карете. Вот эта будет потяжелее. Она предназначена не только для обогрева помещений, но и для приготовления горячих блюд. А вот эта может заменить собою камин. И большая, и красивая... Видите, какое изящное литьё?

— Хм, действительно красиво... Сударь, как к вам лучше обращаться? — спросил управляющий.

— Называйте меня Леонид Иванович, как раз на русский манер.

— Хорошо. Так вот, Леонид Иванович, почему вы говорите об этих печах так, словно их уже видели? Лично мне ничего подобного не доводилось встречать.

— Потому, что видел, — улыбаюсь и развожу руками, как артист на сцене. — Я вёл совместное дело с одним мастером-литейщиком. Мы как раз изготавливали подобные печи. К сожалению, он умер. Слишком любил жирную пищу, от которой развилась жуткая подагра, — отвлекаю внимание левой информацией.

— Вот как! А разве подагра появляется от жирной пищи?

— Не только от жирной пищи, но ещё от излишнего употребления вина, эля, острых и солёных блюд... — я щедро делюсь тем, что когда-то сам вычитал в интернете.

— Надо же! А я и не знал... — глубокомысленно покачал головой управляющий. — А вы, похоже, не только разбираетесь в печах, но ещё и в медицине?

— Да, я немного увлекался медициной, — напускаю на себя таинственности. — А сейчас бы не отказался от совместного с вами дела. Уверен, подобные печи многих заинтересуют.

— Но почему именно со мной? — удивился Джонатан Джейкобс. — Почему не с хозяином завода? Тем более мы работаем в основном с казёнными заказами. Изготавливаем пушечные ядра, картечь, лафеты пушек...

— Во-первых, — перебиваю я, — Вахрамеевич Меллер проживает в Москве, а не в Боровске. Зачем мне тратить время на дорогу, если я могу договориться с вами? Во-вторых: неужели вы всю оставшуюся жизнь хотите провести в должности управляющего? Никогда не мечтали стать самостоятельным хозяином или совладельцем? — закидываю удочку, вдруг повезёт? Действительно, на хрена мне Меллер, когда под рукой есть человек, хорошо разбирающийся в металлургии? Конечно, глупо думать, что он побежит в мои «объятья» по первому зову. Но, как известно, вода точит камень.

— Если честно, то лелею такую надежду. Только этот завод никогда не перейдёт в мою собственность. Если у Вахрамеевича Меллера не останется наследников, то всё заберёт казна.

— Я не говорю про этот завод. Можно построить новый. А ещё можно организовать совместное предприятие...

— С вами?

— Да, — легко соглашаюсь.

— У вас есть деньги на строительство нового завода?

— К сожалению, нет, — тяжело вздыхаю, но быстро возвращаю уверенный вид. — Зато у меня есть много перспективных идей! А производство мы можем организовать на заводе купцов Копыриных. Они, между прочим, ваши соседи и тоже владеют железоделательным заводом.

— Я знаю про Копыриных, — слегка поморщился управляющий, словно ему напомнили прописную истину. Неужели конкуренты?

— Ну, вот! — лучезарно улыбаюсь. — Пока вы являетесь управляющим, то можете спокойно отладить производство чугунных печек, которые я предложил вашему вниманию. А когда станете самостоятельным хозяином, уже не нужно будет тратить время на опыты с новой продукцией.

— Вы серьёзно? — очень удивился предложению Джонатан Джейкобс.

— Абсолютно! Иначе бы к вам не обратился. И ещё вопрос, это что за груды мусора вон

там?

— О! Это наша постоянная головная боль... — огорчился управляющий. — Шлака набирается много, но чтобы его увозить, нужны свободные подводы. А у них и без этого дел хватает.

— И что, далеко надо возить?

— Да, есть один овраг... Кроме него никуда не выкинешь. Все земли вокруг принадлежат помещикам. А здешние помещики, скажу я вам, действуют зачастую, как настоящие разбойники. Лучше лишний раз с ними не связываться.

«Вау, круто!!! — мысленно возликовал я, внешне стараясь быть абсолютно спокойным. — Горы строительного материала, из которого можно делать шлакоблоки, дорожную плитку, раствор для кирпичной кладки, заливку для фундамента... Может именно это дело предложить воеводе? Точно! Но спешить не будем. Сначала надо изготовить презентационные образцы, чтобы было, что показать. Одними словами многого не добьёшься. Заодно проверю качество материала, вдруг ничего не получится? А ещё нужно изготовить мелкие сита для просеивания и станочки для помола. Ста-но-чек... Блин! Почему бы не сделать ножную мукомольню, наподобие столярного станка? Ножкой нажимаешь, механизм крутится и перемальывает шлак... Всяко лучше того, которым Марфа вручную перемальывает зерно для получения муки. Инструмент сродни каменному веку!»

Короче, я не на шутку размечтался. Заодно, находясь на кураже, предложил Джонатану Джейкобсу изготовить экспериментальную буржуйку размерами с ведро, которую охотно протестирую. А за эту услугу попробую договориться с воеводой по поводу утилизации шлака. Может, даже в ближайшее время выделю подводу для его вывоза. Управляющий сомневался недолго и мы, как говорится, ударили по рукам.

За всеми этими делами я так и не приступил к изготовлению своего шкафа, хотя чертёж с размерами полностью готов. Во-первых: пока тупо не хватает времени. Во-вторых: отсутствует нужный инструмент и ножные станочки, которые я хотел изготовить при содействии Прохора. Как только полностью оборудуем столярную мастерскую, так и приступим. В ученики возьму Скунса и Звоняра. Есть в них задатки будущих краснодеревщиков. А вот Тюлень и Сморок не предрасположены к ручному ремеслу. Поэтому будут гнать спирт. Сейчас же вся четвёрка Иванов роет землю под фундамент будущего дома. Делать я его решил свайно-ленточным.

Для начала на углах намеченного здания роём шурфы под буронабивные сваи глубиной не менее двух метров. Затем сколачиваем опалубку, вяжем армированный каркас, добавляем гидроизоляцию и заливаем бетон. Шлако-щелочной цемент у меня получился вполне приемлемого качества. А чтобы раствор не замерзал, мы над местом заливки устанавливаем подобие войлочной юрты с очагом, в котором постоянно поддерживаем огонь. Так потихоньку зальём весь фундамент. Правда, вылезли две проблемы. Первая: слишком дорогая арматура. Пятьдесят метров стального прутка 10-ти миллиметрового диаметра стоит целый рубль. Хотя мне и тут удалось договориться о скидках.

Оказывается, в этом времени через валки прокатных станков пропускают лишь цветные металлы, считая, что сталь и чугун быстро остывают и не годятся для подобной процедуры. Я убедил Джонатана Джейкобса попробовать это сделать с небольшими кусочками стали. Заодно внёс предложение в конструкцию самих валков. Почему крутится только верхний? Пусть крутятся оба. Заодно сослался, что во Франции давно так делают. Управляющий послушал моих советов и через пять дней на свет появился прокатный стан по

волочению нетолстых стальных полос и прутков. Я тут же оформил официальную бумагу, что являюсь автором изобретения, дабы в будущем не случилось нежелательных эксцессов. За это нововведение управляющий сделал мне скидку на двадцать пять процентов.

Вторая проблема... В этом времени отсутствуют привычные мне приборы и инструменты. Где лазерные уровни, нивелиры и теодолиты? Всё приходится делать при помощи отвесов и натянутых ниток. Конечно, здесь существуют приборы для топографической съёмки местности. Но, скорее всего, они очень дорогие, а ещё ими нужно уметь пользоваться. М-да... Поэтому выходим из положения при помощи подручных средств. Правда, одно усовершенствование я всё-таки сотворил. Аптекарь Шварц помог мне изготовить двухметровый строительный уровень пузырькового типа. Не знаю, какой из него фармацевт, но стекло он выдувает классно! Не то, что на заводе. Мутные, громоздкие сосуды, в которых хранили различную кислоту, вызвали у меня жуткое отвращение. А вот чего-то изящного я не заметил.

У Шварца же оказалась хоть и скромная, но великолепная лаборатория! Все эти колбочки, мензурки, реторты он сделал сам. Качество стекла поражало. Но аптекарь пожаловался, что ему приходится вручную долгими часами готовить состав для будущих изделий. Ну, да... Пока соберёшь все необходимые ингредиенты, пока при помощи ступки и пестика перемелешь их в тончайшую муку... Возможно, Шварц организовал бы стекольное производство, но он почему-то решил посвятить себя медицине. Стеклоделием же занялся по необходимости, так как негде было взять лабораторную посуду. Теперь я знаю, кто мне поможет с оконным стеклом!

Кроме строительного уровня аптекарь Шварц сделал мне термометр и три колбы, которые я планирую приспособить для ламп. В качестве горючей жидкости пока будет выступать спирт. Нефть нужно специально заказывать, и когда её привезут, хрен знает. К концу зимы, наверное, если не позже. Кстати, не знаю, изобрёл ли Цельсий свою шкалу, но я уже ею пользуюсь. Аптекарь, между прочим, тоже. Его поразила простота конструкции термометра, а так же возможность быстро определять температуру воды и окружающей среды. В общем, мы со Шварцем стали практически корешами. Особенно после того, как он узнал, что я превосходно разбираюсь в ботанике и могу помочь ему советами при изготовлении лекарств. Надеюсь, что с моей помощью он изобретёт аспирин. Тем более ива растёт повсеместно. Я вообще планирую привлечь Шварца ко многим проектам. Тем более партнёрами мы уже стали. Замутили, так сказать, совместный бизнес. Он сейчас выпускает термометры и строительные уровни.

Кстати, шкалу я взял метрическую. И ему про неё рассказал. Чётко определить сантиметр мне помогла пластмассовая пуговица на моём сценическом костюме. Как-то от нечего делать я померил попавшим под руку штангельциркулем её диаметр. Оказалось ровно два сантиметра. Теперь пуговица выступает эталоном. А вообще при помощи Шварца я хочу выпускать: цветные краски, губную помаду, гигиеническую помаду, зубную пасту, линейку женских духов и мужских одеколонов. С сырьём для изготовления флаконов проблем не будет. Запрягу Иванушек для этого дела. Заодно подскажу Шварцу, что нужно добавлять в расплавленную стеклянную массу, дабы получить различные цветовые оттенки. Правда, много рассказать не получится, так как большинство химических элементов ещё не открыты, да и я не всё помню. Но почему бы не поэкспериментировать? Интересно, а Ломоносов уже создал свою знаменитую стеклянную мозаику?

Чем сейчас занимается Шварц? Изготавливает мой заказ. Пока мы с Прохором

конструируем ректификационную колонну, он делает по нарисованному мной эскизу экстрактор Сокслета. Надеюсь, что на Рождество смогу удивить Белкина двумя-тремя вариантами ароматной водки.

За прошедшие десять дней я ещё успел изготовить около пяти килограмм пишущих мелков и две школьные доски. Правда, первая доска вышла не совсем удачно... В принципе, собрать и сколотить деревянный щит — большого ума не надо. Самое трудное, оказалось, подобрать состав покрытия, на котором потом пишут мелом. В обоих случаях получился какой-то тёмно-бурый цвет. Короче, масляная эмаль с матовым оттенком. В первый раз я её плохо просушил, поэтому вместо гладкой поверхности образовалась некоторая волнистость. Эту «стиральную доску» я установил в столярке. Сойдёт, чтобы рисовать пояснения. Удачный же вариант находится дома. Как говорится, всё лучшее — детям!

Кстати, отцу Лазарю доска очень понравилась. Удобно. И тут он меня озадачил, типа сделайте небольшие досочки для детей, а заодно белые карандаши, с помощью которых они станут писать. Ага, красный мой карандаш он уже видел, а для кучи я ещё угольных наделал, так как рисовать приходится часто. Пришлось ответить батюшке, что мне пока некогда. Тем более ингредиенты для изготовления досок и белых карандашей стоят денег. Тот же казеиновый клей на дороге не валяется. Конечно, если меня снабдят необходимым сырьём, то возьмусь за работу. Или запрягу кого-нибудь из Иванов.

Правда, про перекладывание труда на чужие плечи я говорить не стал. Незачем показывать, что сачкую, время от времени. И вообще, дворянин я или где? А то ношусь с самого утра, как белка в колесе, даже на личную жизнь не могу выкроить хотя бы час. Организму же на бытовые проблемы по фигу. Требуется, сука, особенно по утрам, сисястую бабу! Можно и не сисястую, но вынь да положи! А тут ещё шнурок у новых трусов порвался! Схалтурила Мария Васильевна, гнилой товар подогнала. Эх, была бы резина... Чего же мне объяснял Пашка Лужин? Вроде рассказывал про катализатор из металлического натрия... Блин, пока не попробуешь, не узнаешь. Снова придётся обращаться к другу Шварцу. А ещё он обещал познакомить меня с одной вдовой, не обременённой высокой моралью...

ГЛАВА 19

MONEY, MONEY, MONEY

Эх, никогда не думал, что лежать на толстой купеческой перине — это так классно! Никакие ортопедические матрасы из моего времени не заменят того чувства кайфа, которое я испытываю сейчас... Тем более кайф двойной. Наконец-то крылатый амур устроил встречу двух одиноких сердец в одной кровати. И, слава Богу! А то почти месяц вынужденного воздержания стал негативно отражаться на моей психике. Людям завидовать начал. М-да, тяжело пришлось. И вот... А началось всё неделю назад. Я пришёл по делам к аптекарю Шварцу. В тот момент у него находилась купчиха Евдокия Кошкина. Пришла она за какими-то притирками для спины. Слушая жалобы несчастной женщины, я подумал, что ей нужны не притирки, а хороший массаж. О чём и сказал вслух. Оказалось, что ни купчиха, ни аптекарь про массаж никогда не слышали. Долго удивляться данному факту мне не дали, а попросили рассказать, что это за гусь такой — массаж?

Как-то раз меня навестил друг мой, Данька, и пожаловался, что детский врач посоветовал его жене делать близняшкам массаж. И вот мы — два здоровых лба, вместо того, чтобы озаботиться поиском грамотных специалистов, принялись крутить по интернету ролики, выложенные различными костоправами. В результате угодили на месячные курсы по обучению массажу. На курсах тренировались друг на друге. Конечно, мы бы не отказались от женских тел, но девушки почему-то ходили на занятия вместе со своими бойфрендами. И только я с Данькой. На нас даже косились подозрительно...

Конечно, я не стал рассказывать аптекарю и купчихе о «чёрных пятнах» своей биографии. Мне вообще не улыбалось раскрывать перед кем-либо душу. Но массаж — не душа, поэтому поток моего красноречия лился в уши доверчивых обывателей легко и непринуждённо. В результате купчиха пожаловалась, что у неё есть десятилетний племянник и у мальчика побаливает спина. Так вот, не могу ли я полечить ребёнка при помощи массажа? А уж она в долгу не останется.

Что можно было сказать о купчихе? Евдокия Кошкина (в простонаречии — Дуся) вдовствовала уже три года. На момент нашей встречи ей стукнуло тридцать пять лет. По местным меркам — старуха. А на мой оголодавший взгляд, самый смак. Лицо чистенькое, румяное, морщин от вредных привычек и тяжёлого физического труда нет. Правда, полновата немного. Зато есть, за что подержаться. Ну, и как можно было обидеть отказом эту милую женщину? Я не смог. Мало того, помня народную мудрость: «Сначала ты работаешь на авторитет, потом авторитет на тебя», отказался брать деньги со своего первого клиента. Авось не обеднею.

Первые пять сеансов массажа проходили в лавке у Шварца. Именно туда купчиха приводила своего племянника, Федю. Мальчика одного со мной не оставляли. Кошкина следила, чтобы я не нанёс ребёнку вреда, а аптекарь, как истинный адепт науки, пытался понять, что, как и почему я делаю? Тем более отвечать на вопросы мне было не трудно. У Феденьки действительно имелись небольшие отклонения: лёгкий сколиоз, и некоторая зажатость мышц спины. На мой взгляд, в проблеме ребёнка были виноваты взрослые. Начнём с того, что здешние купцы достаточно хорошо владеют грамотой. Не все, конечно, но всё же.

Понятно, что сам по себе человек грамотным не становится, надо учиться. Вот Федю и

учили. Пацан часами сидел за столом и выводил циферки с буквицами. Жаль только, что никто не следил за его осанкой. Отсюда и результат. Ко всему прочему мальчик застудил спину, из-за чего мышцы с правой её стороны напоминали камень. Как тут не жаловаться на боли? Все свои наблюдения я поведал купчихе, заодно посоветовал быть внимательнее к детскому здоровью.

После пятого сеанса купчиха посетовала, что ей недосуг каждый день приходить в лавку к Шварцу. Поэтому, не соблаговолю ли я пожаловать к ней домой лично? «Почему бы и нет? — пришла в голову мысль. — Лишние знакомства с местным купечеством не помешают». И вот сегодня я пошёл в гости... Однако племянника дома не оказалось. Зато накрытый стол украшала рябиновая наливка. После трёх выпитых чашек наливки Кошкина захотела, чтобы я продемонстрировал массаж на ней. Запросто! Очень быстро лечебные процедуры превратились в непристойные любовные утехы...

— Лапонька моя, ты чего? — я с удивлением глянул на Дусю, которая вдруг отстранилась от меня и принялась быстро креститься.

— Сгинь, сатана!

— Кто сатана?! — я охренел от такого сравнения.

— Ты!

— Почему?

— А где твой крестик?

— Где? — и я стал усиленно шарить рукой по своей груди. — Ох, неужто потерял маменькин подарок?!

— Где ты мог его потерять?

— Наверное, верёвочка оборвалась, когда мы с тобой шалили, — делаю озабоченное лицо и начинаю искать несуществующий крестик в постельном белье.

Блин, беда с этим крестиком. Впервые о нём заговорил Белкин, когда мы мылись с ним в бане. Так как я никогда крестик не носил, то сказал, что потерял его во время разбойничьего нападения. Короче, отмазался. Отмазался и забыл. А вот окружающие меня люди не страдали подобным легкомыслием. Заметив, что я не ношу крестик, они очень быстро нажаловались отцу Лазарю. И этот вроде не глупый человек стал заниматься всякой фигнёй. Правда, я далеко не сразу осознал странное поведение батюшки. Тот начал втихаря брызгать на меня святой водой, невзначай притрагиваться к телу серебряным крестиком, и даже пригласил в церковь на воскресную службу. Я сходил, а чё — интересно же. Видя, что со мной ничего не происходит, батюшка прямо спросил:

— Леонид Иванович, почему вы не носите крестик?

— Э-э... — растерялся я от неожиданного вопроса. — Так ведь потерял во время нападения разбойников.

— А новый крестик, почему не освятите и не наденете?

— Отец Лазарь, если честно, то я так замотался с делами, что даже себя не помню.

Про дела я заговорил не случайно. Действительно, ввязался в кучу проектов... Во-первых: заливаю фундамент под новый дом у Белкиных. Во-вторых: занимаюсь оборудованием столярной мастерской, пока тоже у Белкиных. Заодно составляю проект будущей мебельной мануфактуры. Иван Данилович и отец Лазарь участок уже приобрели, но тот дом, который там есть, совершенно не отвечает намеченным целям. Нужна не деревянная изба, а нормальный цех площадью не менее трёхсот квадратных метров. И это только для начала. В-третьих: я продемонстрировал воеводе изделия из цемента и расписал

перспективы...

От увиденного и услышанного его высокоблагородие не на шутку возбудился. Вот уж не думал, что эта тема так зацепит Бахметьева. Теперь Николай Яковлевич подыскивает место под будущий заводик. Правда, отец Лазарь на меня обиделся. Оказывается он с воеводой в контрах, а тут такое выгодное дело... Типа сначала нужно было с ним посоветоваться. Конечно, батюшка напрямую меня не обвинял. Старался говорить с уважением. Блин, но произносил речь таким тоном, словно учит несмышлёного мальчишку! Ага, я в Боровске человек новый, многого не понимаю... Ну, да, куда уж мне? А объяснить все расклады по-человечески, видно, не судьба? То-то я всё думаю, чего они с Белкиным стараются не афишировать свои дела? И кажется мне, что первую скрипку в их дуэте играет отец Лазарь. Тут ещё с крестиком до меня докопался...

— Кстати, отец Лазарь, а я ведь католик, — это мне стало известно из прочитанных писем. — И кто мне освятить католический крест?

— Э-э... — батюшка на секунду завис. — А он у вас есть?

— Есть, — киваю головой, так как видел какой-то крестик в «своей» шкатулке среди ювелирных изделий.

— Тогда всё-таки стоит его надеть. И вообще, уважаемый Леонид Иванович, помните, что православная церковь с радостью примет вас в своё лоно.

«Ага, прямо бегу и спотыкаюсь» — подумал я, но на лице изобразил смирение.

Короче, в тот раз я снова забил на крестик. Вообще не люблю, когда на шее что-то висит. Ощущение, как от поводка. И вот сейчас, вместо того, чтобы заниматься приятными сердцу телодвижениями, мы с Кошкиной, уже в десятый раз перебираем пастельное бельё.

— Леонид Иванович, может, быть вы потеряли крестик в каком-нибудь другом месте? — в тоскливых глазах женщины читается такая надежда...

— Наверное, Дусенька, ты права. Я же сегодня на рынок заходил. А там столько людей и все толкаются...

— И не говорите, Леонид Иванович... — вздыхает Кошкина. — Кстати, скоро Феденька должен прийти...

— Да? — удивлённо изгибаю бровь. О мальчике я совсем забыл.

— Ага. Он сегодня своему отцу в лавке помогал.

— М-м, понятно. А где его мать?

— Сестра, что ли моя? Так умерла год назад от горячки... Теперь я ему вместо матери. Своих-то детей у меня нет. Всех боженька во младенчестве прибрал...

— Царство им небесное, — сочувствую от чистого сердца и невольно осеняю себя крестным знамением. Видать местная среда оказывает на меня влияние.

Задерживаться у Кошкиной я не стал. Правда, мальчика дождался, и массаж ему сделал. Раз взялся за дело, нужно довести его до конца. Да и Федя доволен. Говорит, что боли почти прошли.

По возвращению домой, я сразу зашёл к себе в комнату и принялся перебирать «свою» ювелирку... Ага, крестик есть! Вроде серебряный. Что ж, хватит тебе тереться среди железяк. Полезай на грудь... И на груди его могучей, три волоска казались кучей... Слава Богу, это не про меня. И грудь широкая, и волосатостью не страдаю. Так, что у нас ещё имеется? Золотая брошь с камнем, золотая печатка, серебряная печатка, коралловый браслет, янтарные чётки, пять жемчужин... Всё. Интересно, какова цена этим вещам? Вроде Шварц говорил, что немного разбирается в украшениях... Завтра схожу к нему. Заодно

подарю зажигалку. Эх, всем хорош мужик, но курит! Жаль, но мои попытки убедить его, что табакокурения вредно, понимания не нашли. Ну, и ладно. У каждого есть свои недостатки. Тем более человек он нужный, поэтому обрадую аптекаря новинкой.

Специально сделал две зажигалки. Работают на спирту. Правда, выглядят громоздко. Ну, не умею я делать маленькие пружинки и миниатюрные кремни. Спасибо Прохору, что помог хоть такие сделать. Зато теперь я хорошо представляю весь процесс по изготовлению зажигалок. Чтобы его модернизировать, нужны тигли для варки пружинной стали и небольшие станочки: медь раскатывать, кремень обтачивать, крутить проволоку... Так же не помешает паяльная лампа. Потихоньку колдую над её конструкцией. Основная деталь, струйный насос. Принцип его действия примерно понимаю, но как это выйдет на практике? Вон, с керосиновой лампой ничего не вышло. Спирт, который заливал в неё, светит плохо. Проще использовать простую спиртовку. Видать, не зря её называли керосиновой. Но где взять керосин? Нефть в продаже я не видел. Кому заказать, чтобы привезли, тоже пока не нашёл. Придётся ждать лучших времён...

— Леонид Иванович! — раздался голос Белкиной.

— Здесь я, — отвечаю громко, и убираю украшения обратно в шкатулку. — Что случилось?

— Письмо пришло от Михаила Илларионовича Воронцова! — радостно сообщает Мария Васильевна.

Что-то меня её радость напрягает. Опасаюсь я этого Воронцова. Он-то всяко видел настоящего Фишера. Если обнаружится подмена, даже не знаю, что делать?

— Откуда письмо? — спрашиваю нейтральным голосом, выходя в общую залу.

— Я принёс, — улыбается стоящий у входной двери Иван Данилович.

Что-то рано он сегодня. Ну, да не впервой. Помню, в конце той недели тоже завалился домой засветло. И не один, а с каким-то купцом. Тот купец привёз два воза брёвен. Причём хороших брёвен. Можно сказать, строевой лес. А пошло всё на дрова и уголь. И того и другого уходит много. Во-первых: постоянно приходится поддерживать тепло в шатрах, которые установили над свежезалитым фундаментом. Во-вторых: мы с Прохором собрали печь для варки жидкого стекла. Производительность небольшая, примерно литр в день, но для добавки в цементный раствор хватает. В-третьих: кузнечные работы не прекращаются ни на день. Мало того, что мы изготавливаем разные новинки и приспособы, так ещё в хозяйстве отсутствует масса самых элементарных вещей. Если честно, подобное положение дел даже бесит. И виновата в этом жадность Белкина. Говорю ему:

— Нужна двуручная пила.

— Помилуйте, Леонид Иванович, зачем она?

— Как зачем? — искренне удивляюсь. — Брёвна разделявать.

— Не беспокойтесь, мужики и топорами обойдутся.

— Слишком много времени уйдёт, — продолжаю настаивать.

— Ну-у... Вы тогда подскажите Прохору, что да как, он её и выкует. Зря, что ли новый горн собирали?

— А где взять стальные заготовки? — задаю вполне логичный вопрос, при этом не перестаю удивляться наивности Ивана Даниловича: пилу быстро не выкуешь. Как минимум дня три придётся потратить на её изготовление.

— Эх, дорогой мой Леонид Иванович, тоже нашли проблему. Купцы-то не только лесом торгуют. А я, как вы знаете, должность имею судейскую. Все эти торгаши вот где у меня! —

и Белкин продемонстрировал сжатый кулак.

Короче, я ждать не стал и купил пилу за свои деньги. Обошлась она мне в один рубль двадцать копеек. Цена же топора обычно гуляет в районе тридцати — сорока копеек. В общем, дорогая оказалась пила. Недаром в деревнях ими не пользуются. Проще попотеть с топором в руках. Лично меня такая философия не вставляет. Да, я потратился, зато «Иванушки International» всего за пару часов превратили груды брёвен в аккуратную поленницу кубов на пять. Правда, чуть пилу не сломали, уроды косорукие. Иначе прибил бы, гадов!

Когда Прохор принялся пережигать поленья в уголь, я снова чуть не начал плевать. Сука, ну ведь знают, как из древесины гнать смолу и дёготь. Товар-то ходовой. Однако вместо рационального подхода, тупо сжигают возможную прибыль. Причём архаичным способом. Вот, что мешает сделать небольшую пиролизную установку? Столько всего сразу можно получить, помимо угля... Хотел, уже было, обратиться к Белкину с этим предложением, но передумал. Во-первых: мы с Прохором такую установку не сможем сделать. Надо на заводе заказывать.

Захочет ли Иван Данилович финансировать мою задумку? Во-вторых: допустим, Белкин оплатит изготовление пиролизной установки. А мне с этого, какая радость? Я и так подкинул ему кучу прибыльных идей, только что-то обратной отдачи не вижу. Взять хотя бы случай с буржуйкой... Да, парням в сарае не холодно. А меня простое «спасибо» ни хрена не греет. Поэтому я заказал пиролизную установку за свои деньги. Поставлю её во дворе у Шварца, уже договорился. Он тему быстро просёк. Тем более там найдётся, что применить в химии. Короче, я поступил по принципу: все яйца в одну корзину не складывают. Не хочется постоянно зависеть от Белкина.

— И что же пишет, уважаемый Михаил Илларионович? — спрашиваю я у своего работодателя.

— Сейчас, Леонид Иванович, расскажу... Дайте только раздеться. Кстати, а на вас очень милая душегрейка... Купили?

— Не совсем, — отвечаю с загадочной усмешкой.

Одежда, доставшаяся от Лионеля Фишера, мне абсолютно не подходила. Обувь вообще не лезла, а костюмы были узковаты. В результате я всё раздарил. Сапоги — Прохору, остальное — Гавриле. А то мой слуга ходил в каких-то обносках. Кроме подарков, ещё пришлось купить ему овчинный тулуп и шапку. В ответ он тоже расстарался, и сшил мне удобные зимние ботинки. Хорошо, что шкуру для ботинок не пришлось покупать. Её подарила Мария Васильевна. Она же сшила мне пару трусов и футболок, правда, из купленной мною ткани. Но больше с шитьём я к Белкиной не обращаюсь, зарёкся. Ага, вставила в обои трусы шнурочки из дрянной материи, те и порвались в самый неподходящий момент. Мало приятного, ходить в трусах, которые постоянно сползают.

Теперь Гаврила шьёт не только обувь, но и одежду. Хотя Мария Васильевна пообещала связать мне шапочку и свитер. Надеюсь, это у неё получится лучше. Зато несомненные успехи есть у моего шведа. После ботинок он смастерил мне овчинную безрукавку-душегрейку. Как раз дома ходить. Сегодня я надел её впервые. Гаврила, между прочим, сам купил материал. Продал что-то там из моих подарков и приобрёл качественную шкуру. Помимо душегрейки он ещё сшил спортивную одежду и бушлат. По-моему, неплохо. Правда, с примерками достал! По пять раз на дню кружил вокруг меня, словно шмель у цветка. Я уже стал опасаться, как бы не опылил. А то стану походить на Белкину.

Кстати, случай с трусами побудил меня внести в конструкцию спортивных штанов новый элемент — лямки через плечи. Длина лямок регулируется при помощи бронзовых пряжек. Их изготовлением занимался лично. Как говорится, вспомнил навыки литейного дела. Заодно озадачил своего слугу новым заказом... Костюмы этого времени мне абсолютно не нравятся, поэтому Гаврила шьёт для меня английский костюм-тройку. Плюс к нему по паре галстуков, рубашек и туфель. Работа реально увлекает шведа: столько необычных новшеств... М-да, хорошо Гавриле, а мой кошелек изрядно похудел. Хороший материал стоит хороших денег. Сейчас только и думаю: как бы пополнить свою казну?

Ничего особого для меня в письме не оказалось. Да и писал Воронцов больше какими-то намёками. Что касается моей персоны, то Михаил Илларионович поинтересовался, мол, как там иностранный учитель, отвечает ли предъявляемым требованиям? Ага, напомнил про оказанную услугу. Белкины на этом месте заулыбались...

— Ох, и шутник Михаил Илларионович! Да такого человека, как вы, Леонид Иванович днём с огнём не сыщешь. Уж мы отпишем ему, что нарадоваться не можем...

— Буду весьма польщён! — пытаюсь подыграть им.

Ну, да, Белкина понять не сложно. Всё мечтает, чтобы Степан попал в гвардию. А без протекции Воронцова это вряд ли получится. Слишком лакомое место. В принципе правильно, отец заранее беспокоится о будущей карьере сына.

— Леонид Иванович, — Белкин глядит на меня глазами кота из мультфильма про Шрека, — я думаю, что одной водкой Михаила Илларионовича не удивить. Чай в столицах всяких напитков хватает...

— И что вы предлагаете? — подозрительно кошусь на Ивана Даниловича. Не нравится мне этот жалостливый взгляд.

— Может, вы ещё чего посоветуете? Всё-таки были при дворе французского короля...

Я задумался... Что дарили людям в моём времени? Сразу отмечаем достижения технического прогресса. А деньги? Нее, деньги здесь не подойдут. Во-первых: Белкин жадноват. Во-вторых: у него нет такой суммы, чтобы придворный хлыщ оценил её по достоинству и не один раз. Нужна какая-нибудь необычная безделица, которой не стыдно похвастать. Кстати, я как-то подарил Даньке подарочный набор для пикника... Весь набор помещался в симпатичный кожаный дипломат, обитый изнутри красным бархатом. Что-то мне подсказывает, здесь подобных «футляров» ещё не придумали. Так почему бы его не сделать? Особых сложностей не вижу. Из тонких дощечек соберу коробку, обощью её кожей, бархатом... Вот тебе и дипломат. С замочками тоже что-нибудь придумаю...

Так, а чем его наполнить? Набором для пикника? Почему-то меня одолевают сомнения. Не знаю, как насчёт пикников, а поохотиться дворяне любят. И ездят на охоту большой толпой... Маловат наборчик будет. А обделённых нам не надо. Тем более мы изначально планировали прислать Воронцову водку. Зачем же отказываться от этой идеи? Если ему понравится, то присылать зарекомендовавший себя продукт можно постоянно. Правда, малыми партиями. Больше ценить будет. Дальше... Для водки нужна симпатичная тара... Сделаем! Попрошу помощи у Шварца. Думаю, изготовить бутылку, ему особого труда не составит. К бутылке нужны рюмки... Кстати! Я где-то читал, что если в стеклянную массу добавить оксид свинца, то получится хрусталь... А не заняться ли мне со Шварцем производством хрустальной посуды? Можно делать подарочные наборы, например, те же рюмки, и складывать их в небольшие шкатулки.

Шкатулки научу делать Скунса со Звонарём. Будут на них учиться столярному делу. А

Сморчок и Тюлень станут готовить шихту для варки стекла. Главное, всё правильно организовать, чтобы ни Белкин, ни его дворня не догадывались, что и для чего они делают. А вот с формой для рюмок придётся расстараться лично. Иначе стандартных наборов не получится. К тому же металлическая форма намного облегчает работу. Выдувай в неё расплавленную массу и получай единообразный продукт. Но ладно, об этом после подумаем. Что ещё можно положить в дипломат? Блин! А ведь для водки тоже можно изготовить «шкатулку». Вырезать сексапильную матрёшку, а внутри неё «спрятать» бутылку. Прикольно же! Только одной матрёшки будет мало. Если дарить, то минимум две бутылки. Точно! А у матрёшки появится пара — петрушка. Итак: водка, рюмки...

Что ещё? Закуска? Эх, нет такой закуски, которая месяцами не портиться. Но о закуске пусть думает тот, кто станет пить водку. А вот нож не помешает. Тот же хлеб можно нарезать, или ещё чего-нибудь. Решено, сделаем с Прохором симпатичный нож. Он по моему рисунку откуёт клинок, а я замастрячу фильдеперсовую рукоятку. Кожаные ножны изготовит Гаврила. Классный набор получится. Кстати, было бы неплохо собрать простенький аккумулятор. Во-первых: с его помощью можно производить травление, меднение и латунирование стальных изделий. Например, вытравить на клинке ножа красивый рисунок, или изготовить прочные «золотые» иголки. Тем более, здесь иголки пользуются большим спросом. А раз есть спрос, значит, необходимо организовать предложение. Мне бабки нужны! Во-вторых: аккумулятор можно использовать для производства перекиси водорода, что сразу расширит поток возможностей. Отбеливание бумаги и ткани, обработка ран, окрашивание волос... Шварц от классного антисептика точно не откажется! Надо эту мысль запомнить...

— Есть у меня одна идея, Иван Данилович. Но без посторонней помощи мне не обойтись. Только вы сами знаете, что люди за просто так ничего не делают...

— Нету денег, Леонид Иванович, — Белкин сразу пошёл в отказ.

— А кто говорит про деньги? — загадочно улыбаюсь.

— А что, тогда?

Дальше я ему рассказываю о своей задумке. Материал для изготовления дипломата, ножа и кукол у него есть. Шихту для стекла Иваны намолотят столько, сколько надо. Но, чтобы варить стекло, требуются дрова. Много дров... Убеждаю в этом Белкина. Ага, хочу снабдить Шварца солидным запасом топлива. Опять же, будет чем заряжать пиролизную установку. После слов перехожу к наглядным пояснениям. Рисую дипломат и всё остальное. Сексапильные куклы не на шутку возбуждают Ивана Даниловича...

— Думаете, подобные вещи можно дарить? — Белкин переглядывается с женой, а у самого глаза так и горят...

— Эх, дорогой вы мой Иван Данилович, вам бы в Пите... Петербург съездить! Там повсюду обнажённые статуи, а уж голые амуры вообще счёту не поддаются! Сейчас в моде стиль барокко! — вещаю восторженно. — Почему бы не показать Михаилу Илларионовичу, что и вам не чуждо прекрасное? Но не просто прекрасное, а с русским колоритом! Такое даже императрица оценит.

— Думаете?.. — не выдерживает Мария Васильевна.

— Уверен! Правда, мне нужны лак и краски, чтобы кукол разукрасить.

— Не волнуйтесь, будут и лак, и краски! — твёрдо заявляет Белкин. — Сколько вам понадобится времени, чтобы всё сделать?

— Минимум две недели, Иван Данилович. Сами понимаете, сделать всё нужн

качественно, дабы не ударить в грязь лицом.

— Что же, делайте. Если возникнут вопросы, сразу обращайтесь ко мне или к Марии Васильевне.

— Договорились, — киваю с довольной рожей. Надеюсь, поимею с этого дела по полной.

ГЛАВА 20

СОДОМ и ГОММОРА

Вчера весь вечер я был занят тем, что рисовал чертёж будущего дипломата. Увлёкся. В результате пропустил занятие по письму и чтению. Обычно я перед сном тренирую свой почерк и читаю книги, которые вёз Лионель Фишер. Какая-никакая, но практика в иностранных языках. Нельзя терять навык. Со своим слугой тоже упражняюсь в лингвистике. Лишние знания не помешают. Случись что, сбежим с ним в Швецию. Хотя, надеюсь, до этого дело не дойдёт. Мне вполне комфортно в Боровске.

Странная вещь — человеческое сознание. Весь вечер придумывал, как изготовить дипломат, но ночью почему-то приснился торт. Большой кремовый торт с крупными малиновыми розочками... М-м, вкуснотища! Хочу, хочу, хочу!!! Но Марфа, как всегда, обломала весь кайф. Раньше сексом не давала заниматься, теперь сладкое запрещает. Эх, что за жизнь? Придётся мне научить Кошкину делать торт, чтобы наши встречи стали ещё слаще. Правда, я торт делать не умею. Зато видел, как его делала Анна. Авось получится.

В двенадцать часов дня, закончив занятия с детьми, я собрался к Шварцу. Во-первых: хочу узнать стоимость «своих» цацек. Во-вторых: надо обсудить мои вчерашние задумки, заодно подарю ему зажигалку. Сговорчивее будет. Выйдя во двор, я увидел, как Емельян и Звонарь разгружают розвальни, гружённые ящиками со шлаком. Эти ящики мы с Прохором изготовили специально, чтобы шлак удобнее было грузить, перевозить, переносить и складывать. Намного лучше бочек, которые тут обычно используют, как тару.

— Далёко собрались, Леонид Иванович? — спрашивает меня Емельян, поднимая очередной ящик.

— На торг надо.

— Если подождёте, то я вас доведу. У меня там тоже дела.

— Хорошо. А где Прохор с остальными Иванами?

— Прохор в новой мастерской рукодельничает. Скунс вместе с ним. Тюлень мелет ваш этот... цемент. Сморчок по шатрам бегает, огонь поддерживает. Потом его Звонарь сменит.

— Короче, все при деле? — усмехаюсь.

— Ага! — отвечает Емельян и скрывается за углом дома. Как только он вернулся, снова полез с вопросами. — Леонид Иванович, а не подскажите, что за хитрый бур такой?

— Какой, такой бур? — включаю еврея.

— Да Прохор рассказывал, что вы придумали бур, которым в земле дырки удобно ковырять. Теперь собираетесь его сделать.

— Это не я придумал, — имею в виду принцип действия ручного бура, которым любят пользоваться рыбаки и дачники.

— А кто?

— Архимед. Слышал о таком?

— Нет, — трясёт головой Емеля. — Тоже француз?

— Грек он, — чуть не рассмеялся я.

— Значит православный? — всё-таки добил меня конюх.

— Ох, уморил, Емельян! — отсмеявшись, продолжаю наш диалог. А то мужичок смотрит на меня, как на блаженного. — Архимед жил две тысячи лет назад. Был самым известным учёным в мире. Христос тогда ещё не родился. В те времена греки исповедовали

многобожие.

— Язычник, значит? — блин, всё не уgomонится. Звонарь тоже уши греет...

— Наверное. Главное, что не дурак. Его придумки люди уже две тысячи лет используют для своего блага. Ладно, хватит болтать... Разгрузили?

— Ага.

— Тогда поехали. Время не ждёт.

Боровск, по моим понятиям, трудно назвать городом. Население всего две тысячи человек. Кабы не маковки церквей, то и от деревни не отличить. Сплошь деревянные дома среди узких улиц. Но если верить рассказам Емельяна, то город вполне солидный. Тем более центр уезда. В моём времени сказали бы: «Административный центр». А ещё конюх рассказал, что раньше город представлял из себя крепость, которую построили, чтобы отражать набеги степняков. Правда, крепость была не каменная, а деревянная. Это её и сгубило. В 1634 году случился большой пожар, который полностью уничтожил крепость. С тех пор город потерял своё оборонное значение и стал превращаться в купеческую вотчину. Всё правильно, когда ты стоишь на пересечении дорог, то глупо не заниматься торговлей.

— Слышь, Емельян, а это кто? — ткнул я пальцем в группу военных, которые вели неспешную беседу и курили трубки.

— Эти-то? Так стрельцы. Тьфу, на них! Аки бесы дым изо рта пускают, — нахмурился конюх.

— Стрельцы?! — охренел я. — А разве Пётр I не извёл их под корень?

— Нее, не извёл. Стрельцов кругом хватает...

В лавке аптекарь объяснил мне, что стрельцов слишком много, чтобы в одночасье от них избавиться. Тем более это профессиональные военные. Государству такие люди нужны. А ведь точно, если в моём времени перевооружение армии длилось годами, то здесь вообще не чешутся.

Между прочим, Шварца зовут Евгений. Откуда он родом, ему доподлинно неизвестно. Во время Северной войны, которую вёл Пётр I со Швецией, его подобрал армейский медик. Подобрал, усыновил и воспитал. Так что фамилию он получил от приёмного отца. По вероисповеданию Евгений Шварц — лютеранин. Тоже отцовское наследство. В армии Петра I практически все медики были выходцами из немцев. Вот и мотался мальчонка вместе с отцом по военным лагерям, у него же учился наукам. Со временем стал помогать. Так и жили. Когда к власти пришла Анна Иоанновна, Евгений вместе с отцом оказался в Боровске. К тому времени медик порядком состарился и уже не годился для службы. Но в память о былых заслугах новая государыня одарила его небольшим поместьем на десять крестьянских дворов. Восемь лет назад отец умер. Тогда Шварц продал поместье, оставив себе всего одного слугу, и переехал в город, где завёл своё дело.

— Кстати, Евгений, а у меня для тебя подарок! — улыбнулся я, как только увидел, что Шварц набивает свою трубку табаком.

— Да? И какой же?

— Гляди! — с этими словами я начинаю демонстрировать ему возможности зажигалки. — Нравится?

— Ух, ты! — воскликнул он восхищённо. — Это что, так просто можно высекать огонь?

— Угадал! Дарю, пользуйся.

— Благодарю, Леонид Иванович, благодарю! Удобная вещь и красивая... Из бронзы?

— Ага.

— Внутри что, спиртус?

— Он самый, — улыбаюсь. — Жаль, нефть найти не могу. Из неё топливо лучше.

— Нефть обычно летом привозят. Кстати, мой отец как-то рассказывал, что общался с одним выходцем с востока. То ли перс, то ли араб, то ли ещё кто... Тоже, вроде, медик. Так вот, на востоке из нефти делают лекарства. Ничего про это не слышали?

— Слышал, — киваю и стараюсь не заржать. Вспомнил, как в армии один парень рассказывал о лобковых вшах, которых он подцепил в результате бурного романа. Лечил герой-любовник этих вредных насекомых как раз при помощи керосина. Процедура, по его словам, не из приятных. Яйца так жжёт, словно на сковородке!

— Хотите сказать, что вшей можно изводить при помощи нефти? — спросил Шварц, услышав мой рассказ.

— Не из самой нефти. Её сначала нужно перегнать, как брагу. В результате получается несколько фракций. Бензин хорошо подходит для зажигалки, которую я тебе подарил, а керосином лечат вшивых больных.

— Что ж, надо запомнить. Как появится нефть, попробуем её применить.

— Обязательно попробуем, — сказал я и чуть не осёкся: «Блин, мы же вчера с Кошкиной так зажигали... Сегодня снова к ней собираюсь... А ведь у моей полюбовницы мохнушка будь здоров! Птицам на гнездо хватит. Как бы не подцепить чего...» Прогнав тревожные мысли, обращаюсь к Шварцу. — Кстати, у меня к тебе дело... Сможешь оценить вот эти вещи?

— Давайте, попробуем, — аптекарь заинтересованно глянул на цацки, выложенные на стол. Первой под раздачу попала золотая брошь, которой я хвалился перед гостями. Шварц чем-то на неё капнул, потёр, а после сказал. — Дешёвка. Я за неё и рубля не дам.

— Как, дешёвка?! — не хочу верить услышанному.

— Очень просто, дешёвый сплав. Я за свою жизнь на такие вещи насмотрелся. Отец научил. Солдаты и офицеры частенько приносили ему различные побрякушки. Меняли в основном на спиртус.

Я взял брошь в руки и начал рассматривать её более внимательно. Скорее всего, латунь. Камень, наверное, тоже подделка из стекла. Так и оказалось. Шварц осмотрел всю мою коллекцию. Золота в ней не нашлось. Хорошо, хоть серебряный перстень был натуральный, а то получается, что я весь какой-то фальшивый... От этих грустных мыслей почему-то вспомнился торт, который приснился мне ночью. Затем перед глазами возникли курящие стрельцы...

«А не замутить ли свою табачную фабрику? — пришла в голову мысль. — Особых сложностей не вижу. Например, у Данькиного дедушки был друг, бывший фронтовик, а заодно заядлый курильщик. Из Германии он привёз трофей — ручной станок для скручивания сигарет. Вот и крутил дома сигаретки, набивая их самосадам из собственного огорода. Грубо говоря, тратился только на бумагу. Уверен, Шварц поддержит мою идею обеими руками. Но пока подождём. Сегодня есть более насущные проблемы...» Дальше я рассказываю аптекарю свою задумку с подарочными наборами...

— Ну, если будут дрова, готовое сырьё и хорошая форма, то почему бы не попробовать? — соглашается Евгений. — Кстати, Леонид Иванович, помните, вы рассказывали мне про резину? Даже показывали свои башмаки и нижнее бельё...

— Помню, конечно! — киваю я.

— Когда приступим к опытам?

— Как только я изготовлю стальной закрывающийся тигель и трубку. Так, сегодня 19 декабря, среда... Думаю, что к понедельнику всё будет готово, и мы займёмся опытами. Заодно приступим к изготовлению рюмок.

— Значит, в понедельник?

— Скорее всего, — киваю головой.

— А если попробовать в стеклянных сосудах провести опыт?

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Боюсь, что они лопнут или расплавятся.

— Хорошо, как скажите.

На этом мы расстались. Шкатулку с «сокровищами» я временно оставил у аптекаря, не хотелось таскать с собою. Меня ждала Кошкина... Пока шёл к её дому, размышлял о Шварце. Пообщавшись с ним поближе, я понял, почему он не хочет переходить в православие. Во-первых: не нужно платить церковный налог. Во-вторых: не надо ни перед кем исповедоваться. В-третьих: Шварцу было абсолютно пофиг на церковь. Конечно, в Бога он верил, но ещё больше любил науку. Церковь же со своими догматами этой любви только мешала. Наверное, именно поэтому мы подружились. Как мне рассказала Кошкина, аптекаря все считали нелюдимым, даже колдуном. А по мне, так мужичку просто было скучно с местной публикой. Ну, неинтересно человеку слушать глупые сплетни и слухи, до которых так охочи аборигены. Другое дело — наука! Он даже вёл переписку с Петербургской академией, желая быть в курсе новых открытий. Одно плохо, почта шла очень медленно.

До дома Кошкиной я не дошёл. Дорогу мне преградила толпа мужиков, вооружённая дрекольем. Рулил этим сбродом какой-то сухопарый поп с козлиной бородкой. Увидев меня, он ткнул в мою сторону указательным пальцем и противным голосом заверещал:

— Ага, попался, содомит! Бей его, православные!

Толпа мужиков, услышав призыв своего предводителя, грозно двинулась на меня «Ох, ни хрена себе!» — я оторопело застыл на месте. В следующее мгновение до меня дошло: «Нужно бежать, а то убьют!» и стал пятиться назад... В результате споткнулся и чуть не упал. От этого испугался ещё больше, после чего моментально развернулся и дал дёру. За спиной послышались злобные крики. Бросив взгляд через плечо, опять ужаснулся, разъярённая толпа устремилась за мною следом. Вдруг один из преследователей использовал жердь, находящуюся у него в руках, как метательное оружие. Деревяшка больно ударила меня по ногам, от чего я запнулся, перекувыркнулся через себя, снова вскочил на ноги, и побежал дальше...

Я бежал по узким улицам Боровска, не разбирая дороги. Сердце бешено колотилось, дыхание сбилось напрочь, изо рта валил пар... Неожиданно передо мной возникло здание воеводской канцелярии. Недалеко от входа кучковались её служащие. Увидев знакомые лица, я бросился к ним. А люди были заняты тем, что обсуждали стати поджарого вороного жеребца, на котором горделиво восседал коменданта Боровска: его благородие прапорщик Семён Алексеевич Челищев. Он-то и заметил меня первым, выпучив от изумления глаза. Походу видок у меня был ещё тот. Вслед за ним и все остальные начали поворачивать голову в мою сторону.

— Что случилось, Леонид Иванович? — ко мне поспешил находящийся здесь же Белкин. — Почему вы в таком виде и где ваша шапка?

— Шапка? — я наконец-то остановился, согнулся в поясе и упёрся руками в бёдра, стараясь восстановить дыхание.

— Да, шапка!

— На меня напали прямо посреди улицы, — слегка отдышавшись, ответил я, после чего провёл рукой по голове и убедился, что там действительно нет шапки.

— Кто напал? — задал очередной вопрос Белкин, а все остальные начали подходить к нам поближе, желая услышать разговор.

— Там... — я поднял руку, чтобы указать, откуда прибежал и к своему ужасу увидел толпу мужиков, которая направлялась в нашу сторону. Видать нашли по следам. Такого протектора на подошве нет во всём Боровске. Гаврила, за неимением резины, сшил мне её из нескольких слоёв толстой кожи. А чтобы подошва меньше истиралась, а так же не скользила по льду, я лично отлил из бронзы специальные подковки и шипы. Люверсы (металлические отверстия для шнурков) тоже изготовил сам, чем заслужил немалое уважение в глазах своего слуги. Он подобной фурнитуры ещё нигде не встречал. — Это они на меня напали!

Услышав мой испуганный крик, вперёд на вороном жеребце выехал его благородие Семён Алексеевич Челищев, как бы защищая меня и всех остальных от злобной мужицкой толпы.

— Пошто собрались?! — грозно хмуря глаза, крикнул он.

— Немца к суду хотим привлечь! — из толпы остановившихся мужиков вышел всё тот же козлородый монах с противным голосом.

— Это за что же?

— За то, что отроков малолетних совращает, принуждая к содомскому греху.

— Чего, чего?! — воскликнул я, как только осознал, о чём идёт речь. — Ах ты, урод, козлородый!!! Ты хоть понимаешь своей тупой башкой, какие предьявы мне бросаешь? Да за такие слова я сам порву твою жопу на британский флаг! — злость завладела всем моим существом, что я даже перестал следить за лексиконом и полностью перешёл на язык гопоты своего времени.

— Во-во! Ваше благородие, смотри, как лается, пёс смердящий! — не остался в долгу монах.

— Тихо! — громко скомандовал Челищев, удерживая своего жеребца, который нервно перебирал ногами. Народ примолк. Я тоже, еле удерживая эмоции. — Отец Димитрий, что тебе дало повод бросаться подобными обвинениями? Не боишься угодить на каторгу?

— За веру и погибнуть не страшно!

— За какую веру, урод?! — не сдержался я. — Ты меня обвиняешь с содомской грехе и растлении малолетних. Да за такое тебя на кол мало посадить!

— А ты и есть содомит! — пока я, задыхаясь от возмущения, не знал, что сказать, этот козёл стал рассказывать про племянника купчихи Кошкиной. Дескать, раздеваю ребёнка догола и нежно глажу, тем самым склоняя ребёнка к плотскому греху.

— Это правда? — обратился ко мне Челищев.

— Я делал ребёнку массаж. У него спина болела.

— Что такое — массаж?

— Э-э... — я стал подбирать слова, чтобы более понятно объяснить, что это такое. — Ваше благородие, вы же знаете, кто такие костоправы?

— Да, знаю.

— Вот и ко мне обратилась купчиха Кошкина, пожаловавшись на то, что у её племянника болит спина. Я в этом деле немного разбираюсь, поэтому не стал отказывать в помощи.

— Зачем же ты, ирод, раздевал ребёнка и гладил?! — не унимался гадский поп.

— Слышь ты, пень трухлявый, — снова не сдержался я, — если не разбираешься в медицине, то, какого хрена лезешь не в своё дело?! Ты почему сначала не подошёл за объяснениями ко мне? Ты почему сразу собрал толпу с палками? Между прочим, из-за вашего нападения, я потерял шапку, которая стоит пятьдесят рублей и ещё брошь, подаренную мне самим королём Франции! Брошь, к твоему сведению, оценивается в двенадцать тысяч рублей!!! Где моя брошь?! — что же, раз этот дурак заставил меня сегодня неслабо понервничать, то и я отплачу ему той же монетой. К тому же брошь оказалась дешёвой побрякушкой, которую лучше на людях не надевать. Вдруг кто-нибудь распознает фальшивку? Вся Боровская «верхушка» видела её на мне, а тут такой шанс избавиться от ненужной улики. Главное, Шварца предупредить, чтобы лишнего нигде не сболтнул. Хотя, не должен. Он не любит обсуждать свои дела с местными.

— Неужели, правда? — уставился на меня комендант.

— Да, ваше благородие, — шубу я уже успел расстегнуть, поэтому распахнул её пошире, показывая, что на кафтане, кроме пуговиц, ничего нет. — Они кидали в меня палками, я падал. Скорее всего, в это время потерял и шапку, и золотую брошь, украшенную драгоценным камнем.

— Я не это имел в виду, — продолжил Челищев. — Правда, что брошь стоит двенадцать тысяч рублей?

— Истинная, правда! — соврал я без зазрения совести. — Там камень очень дорогой. К тому же подарок самого короля Франции!

— Ты понимаешь, что натворил? — комендант перевёл свой взор на козлобородого попа и нахмурился.

— Не знаю я никакой броши! Он ребёнка хотел совратить! — снова заверещал служитель церкви. Вот только глазки у него испуганно забегали. Ага, чует кот, чьё мясо слопал. Отвечать придётся по полной. Тем более мужиков на бунт подбил. В толпе я насчитал четырнадцать человек вместе с ним. И все эти люди тоже начали понимать, в какое дерьмо вляпались, благодаря «Моисею».

— Всем стоять! — грозно рявкнул Челищев, одновременно с этим удерживая под собой нетерпеливого жеребца. Приказ прозвучал как раз вовремя. Те мужики из толпы, что стояли дальше всех, захотели под шумок улизнуть. — Охрана, живо ко мне!

От здания комендатуры отделилась четвёрка солдат, вооружённая длинными фузеями с притороченными к ним игольчатыми штыками. По знаку коменданта они разделились пополам и взяли толпу в клещи.

— Так, сейчас под охраной солдат возвращаетесь к тому месту, где напали на господина учителя, и ищите его шапку и брошь. Ищите и не расходитесь! Капрал...

— Слушаю, ваше благородие! — откликнулся один из четвёрки солдат.

— Никого не отпускать, пока я не вернусь.

— Будет сделано!

— А ты, отец Димитрий, и вы, Иван Леонидович, пойдёте к купчихе Кошкиной. Посмотрим, что за массаж такой.

По сути, случившееся происшествие должен был разбирать воевода. Но ему уже два дня, как нездоровилось, из-за чего он отлёживался дома и на службу не выходил. Поэтому комендант Боровска взял на себя функцию по наведению правопорядка. Однако сложившаяся ситуация Челищеву шибко не понравилась. Мало того, что беспокойный и туповатый поп подбил на бунт людишек, так они умудрились напасть на дворянина, который

имел высокие связи в столице. И как быть? По закону всю эту шоблу можно смело заковывать в кандалы и отправлять в Сибирь или забрить в солдаты. Только среди них сплошь умелые мастеровые и купцы. Начни репрессии, весь город можно взбаламутить. Ведь тут не один и не два человека, а больше дюжины. Это не бесправные крепостные. Да и те не всякое насилие сносят покорно.

Я про переживания коменданта ничего не знал. Для меня было главным обелить самого себя, заодно поймать выгоду из создавшейся ситуации. Если нужно идти к Кошкиной, то пойдём. Мне скрывать нечего. Лишь бы эта дурёха про наши грешки не лягнула. Фиг знает, как на это отреагирует общественность.

— Я с вами, — к Челищеву подошёл Белкин. — С этим безобразием придётся разбираться мне.

— Это точно, — хмыкнул комендант, прекрасно понимая, что судить и рядить гражданских — не его епархия. Он же лишь наводит порядок.

Сказать, что Кошкина удивилась, когда к ней в гости заявили первые лица Боровска, значит, ничего не сказать. Она с нетерпением ждала меня, всего такого распрекрасного, а тут... Короче, угощение, предназначенное мне, съели незваные «татары». Мало того, что объели, так ещё завалили бедную женщину кучей неприятных вопросов. Больше всех старался поп. Достал так, что я обратился к Белкину с просьбой заткнуть ему рот валенком. Иван Данилович, конечно же, эту просьбу отверг, но на отца Дмитрия морально надавил, чтобы не лез, куда не просят. Так за разговорами и нехитрой трапезой дождались племянника купчихи. Пацан тоже не испытал радости при виде посторонних. Хотя здесь ещё не существует понятия «подопытный кролик», но ощущать себя им ребёнок явно не хотел.

Лежать полуголым на лавке под пристальным взглядом облачённых властью людей... Тут и прожжённая проститутка заволнуется. Я тоже слегка нервничал. Тяжело одновременно объяснять и показывать вещи, о которых люди имеют весьма смутное представление. Приходилось искать примеры из жизни. Благо, что в бане парились все. Но как бы она ни была хороша, с её помощью невозможно тщательно промассировать все мышцы. Так же баня противопоказана людям с повышенным давлением, с высокой температурой, находящимся с похмелья, не переносящим духоту... В общем, рассказал и показал я много. Даже упомянул времена Древнего Рима. Уже тогда искусство массажа было хорошо известно. По крайней мере, я сам об этом читал в романе Генрика Сенкевича «Камо грядеши», о чём, естественно, умолчал.

В результате и Белкин, и Челищев были полностью удовлетворены моими объяснениями и плохого ничего не обнаружили. Скорее наоборот. Зато поп смотрел на меня, как революционный матрос на буржуазную контру. Ну, а кто виноват? Бабы делятся новостями, сплетничают, раздувают из мухи слона и он туда же. Прямо, как в моё время. Разные интернетные блогеры ляпнут какую-нибудь чушь, диванные эксперты и боты её подхватят и вот уже ор на весь мир...

— Что ж, пойдёмте, проверим наших бунтовщиков, — тяжело вздохнул Челищев. — Надеюсь, они нашли ваши вещи, Леонид Иванович.

— Я тоже надеюсь. Однако это дело так не оставлю. Моей чести было нанесено жуткое оскорбление. Подобные вещи смываются только кровью! — выдавливаю из себя пафосные нотки. — Но среди того быдла, что напало на меня, нет дворян. Поэтому их грязная кровь мне совершенно не нужна.

— А что же вам нужно? — это уже спросил Белкин.

— Быдло всегда оплачивало свои грехи благородными металлами и работой, — отвечаю высокомерно.

В принципе большинство дворян на моём месте поступили бы точно так же. Мало того, они бы с удовольствием велели наказать всех провинившихся кнутом. Я же не хочу наносить людям увечий. Хватит и денежной компенсации. Зато в следующий раз будут думать. А коли не соберут нужную сумму, отдадут работой или материалом. У меня планов много. А в свете новых событий можно подумать и о собственном доме, но желательно поближе к дому Белкиных. Пусть он будет даже деревянным, главное построенный по моему проекту.

Когда возвращались к тому месту, где на меня напали, я стал прихрамывать. Разболелась нога, по которой попало дрекольем. Из-за чего настроение резко ухудшилось. Здесь йода нет, и сеточку из него на ушибленном месте не поставишь. Надеюсь, у Шварца имеется бодяга. Она тоже от ушибов помогает.

Солдаты, посланные сторожить бунтовщиков, встретили нас с радостным нетерпением. Замёрзли бедняги. А вот мужичьё стояло с угрюмым видом. Они не нашли ни броши, ни шапки. Ну, с цацкой всё понятно. А куда делась шапка? Неужели не подобрали, когда я убегал от них? Странно... Кто же её заныкал? Блин, а без головного убора череп слегка подмораживает. У шубы воротник хоть и высокий, но макушка-то мёрзнет. Придётся пока носить парик и треуголку. Здесь ходить без верха — моветон!

* * *

Куприян Горбонос страдал с утра жутким похмельем. Страдал так, что даже не мог передвигаться по дому. Сил хватило лишь на то, чтобы доковылять до деревянного ведра, на четверть заполненного водой. Обнаружив рядом глиняный стакан, страдалец трижды наполнял его живительной влагой и вливал в свою глотку, иссохшую от жгучего сушняка. Стало чуть получше. Затем с горем пополам ему удалось затеплить лучину и растопить печь. Благо возле неё лежал небольшой запас дров. Иначе пришлось бы мёрзнуть. За ночь всё тепло ушло, а идти на двор к сараю уже не оставалось сил. К тому же вход в сарай, скорее всего, занесло снегом. Пока его не откинешь, вовнутрь не попадёшь. А измученное похмельем тело на такие подвиги было не способно.

Примерно через час в доме стало более-менее тепло. За это время Куприян успел облегчиться, помолиться и ещё раз три подойти к ведру, чтобы утолить жажду. В результате вода закончилась, а дрова практически прогорели. Сложившиеся обстоятельства недвусмысленно намекали, что надо идти на двор. Помолившись ещё раз, мужичок накинул на себя тулуп, водрузил на голову треух и вышел в свет... Повезло, снега выпало немного. Очистив проход в сарай, он не поленился натаскать в дом побольше дров. Первая охапка ушла в печь, всё остальное было вывалено в снях. Потом настала очередь воды. За неимением колодца во дворе, пришлось выходить за ворота и идти к общему...

Недалеко от колодца кучковались слободские мужички. Промеж них сновал отец Димитрий и что-то эмоционально вещал. В другой раз Куприян бы послушал его, но сейчас чувствовал себя не лучшим образом. Поэтому, наполнив колодезной водой два ведра, засеменял в дом. За водой пришлось сходить ещё пару раз, чтобы наполнить бочку, стоявшую в доме. Этого количества должно хватить и на сегодня и на завтрашнее утро. Затем Куприянсварил себе взвара из сушёных ягод и пару репок. К ним добавил сухарь,

оставшийся со вчерашней попойки.

После завтрака здоровье заметно улучшилось. Однако утро всё равно просило опохмелиться. Подсчитав наличные, мужичок вздохнул: денег хватало лишь на три косушки хлебного вина. А вот как жить дальше — неизвестно. Помолившись перед иконой в очередной раз, Куприян отправился в кабак. Выйдя на улицу, он увидел, что толпа мужиков, которая кучковалась недалеко от колодца, уже стоит вооружённая дреколём. Горбоносу стало интересно, что случилось? Но подходить ближе не стал, предпочтя наблюдать со стороны. Вскоре он заметил барина, которому продал своего холопа.

— Эх, покусай тебя собаки! — негромко произнёс Куприян. — За каким лешим ты припёрся на нашу улицу?

Тем временем отец Димитрий что-то прокричал, и толпа мужиков грозно двинулась барину навстречу. Тот, недолго думая, бросился бежать от них.

— Так его! — злорадно ухмыльнулся пьянчужка. Это говорило испытанное им унижение, когда на торгу перед всем честным народом пришлось просить милости у приезжего господинчика.

Барин убежал, мужики отправились за ним следом, улица опустела. Куприян позлорадствовал ещё немного и пошёл в кабак. Не пройдя и ста шагов, он увидел шапку, лежащую у края дороги. Поднял её, отряхнул... Шапка выглядела богато. Горбонос быстро сообразил, кто её потерял.

— Вот и будет, что продать! — расплылся он в радостной улыбке. Но тут же подозрительно огляделся по сторонам, спрятал шапку запазуху и быстро засеменял к заветному заведению.

Василий Петрович Щукин — владелец кабака, пребывал с утра не в духе. Его отец происходил из стрельцов. Однако сам Василий, наслушавшись рассказов бывалых людей о жарких баталиях, идти по стопам своего родителя не захотел: смерть слишком часто ходит рядом. Да и превратиться в калеку — радости мало. Поэтому Щукин выбрал торговое поприще. И не прогадал. Несмотря на то, что его питейный дом стал третьим в городе, прибыль приносил хорошую. К тому же имелся уговор с другими кабатчиками: цены друг другу не перебивать. И всё бы хорошо, но год назад у Щукина умерла родами жена. Умерла вместе с ребёночком. Погоревав немного, мужчина принялся выискивать себе новую жену. А как иначе? Нельзя справному хозяину без жены.

Его выбор пал на шестнадцатилетнюю Екатерину Семёновну Зайцеву — дочь прапорщика Зайцева. Отец кабатчика и прапорщик Зайцев росли вместе, были дружны, бок о бок воевали под знамёнами Петра Великого. Только Щукин-старший погиб, а Семён Зайцев дослужился до прапорщика и получил потомственное дворянство. И вот вчера Василий пошёл к другу своего отца, чтобы посватать за себя его дочь... Но получил от ворот поворот. Дескать, не по Сеньке шапка. Поэтому и пребывал Щукин в плохом настроении. Тут и унижение, и бессонная ночь, и ехидные смешки завсегдатаев кабака. Боровск — город небольшой, слухи разносятся быстро.

Куприян Горбонос зашёл в кабак, огляделся. Народу было мало. Больше половины столиков пустовало. Встретившись взглядом с Василием Щукиным, он расцвёл в щербатой улыбке.

— Здрав будь, Василий Петрович.

— И тебе не хворать, — мрачно ответил кабатчик, подозрительно оглядывая гостя. — Чего пришёл? Взаимы не налью.

— А я и не прошу. Нешто ты думаешь, что мне нечем оплатить за выпивку?

— Нечего мне думать. Коли не пустой пришёл, покажи сначала деньгу. А то ходят тут всякие...

— На все! — Куприян лихо выложил перед кабатчиком имеющуюся у него мелочь. — И луковицу с краюхой хлеба, чтоб закусить.

— На все, так на все, — презрительно усмехнулся Щукин. Даденых денег едва хватало на четушку (примерно нынешняя чекушка).

Получив желаемое, Горбонос отошёл к пустому столику, не спеша разложил на нём закуску и пшеничное вино, наполнил до краёв глиняный стакан, перекрестился и степенно опорожнил сосуд. Пьянчужка всем своим видом старался показать, что он не голь подзаборная, а человек с достоинством. Глядя на эти ужимки, кабатчик снова презрительно усмехнулся. Но вскоре он забыл о Куприяне. В кабаке пожаловали новые посетители. Горбонос же, поправив здоровье, снова напомнил о себе.

— Опять ты? — слегка удивился Щукин и тут же добавил. — Взаймы не налью.

— А что ты скажешь на это? — Куприян достал из-за пазухи шапку, встряхнул её и продемонстрировал кабатчику.

«Ох, ты! — изумился про себя Василий. — Дорогая вещица. Стоит не меньше сорока рублей. Интересно, откуда она у этого пьянчужки?» О чём и спросил вслух.

— Отцовское наследство, — нагло заявил Горбонос. — Всё берёг до поры до времени. А тут подумал: «Зачем она мне, чай не барин». Купишь?

— И сколько ты за неё хочешь? — лениво поинтересовался Щукин, всем своим видом показывая, что товар ему не интересен. Хотя от такой шапки он бы точно не отказался.

— Пять рублёф! — озвучил Куприян свою любимую цифру.

— Пять?! — кабатчик с таким презрением посмотрел на шапку, словно это не дорогая вещь, а половая тряпка. — Нее, больше двух рублей не дам.

— Хорошо, пусть будет два рубля, — согласился Горбонос. — Только к ним мне добавишь пару штофов хлебного вина, каравай хлеба, варёную курицу, рыбный пирог и пирог с капустой.

— Договорились, — после недолгого раздумья, ответил Щукин, а затем спросил. — Ты грамоте-то обучен?

— А тебе зачем? — удивился Куприян.

— Купчую мне на шапку напишешь.

— Ладно, напишу, — покорно согласился Горбонос, хотя писать ему совершенно не хотелось. Он желал поскорее уйти домой. Пусть четушка была выпита на старые «дрожжи» и в голове приятно шумело, но мужичок понимал, если продолжит попойку в кабаке, то непременно останется без денег. Такое случалось уже не раз. Зато дома деньги можно припрятать, а затем спокойно выпить и закусить. У кабатчика же имелись свои резоны. Он решил на всякий случай подстраховаться. Если кто спросит за дорогую вещь, всегда можно показать купчую.

* * *

Комендант Боровска, как только услышал, что мужичьё не нашло моих вещей, тут же приказал солдатам вести всех в темницу. Отца Дмитрия тоже. Авось там им будет лучше

думаться. Сам же вместе с Белкиным отправился в дом к воеводе. Было необходимо рассказать ему о случившихся событиях. Меня тоже звали, но я отказался, ссылаясь на боль в ноге. Типа мне надо к аптекарю, а то ходить совсем трудно. Пусть подыщет какую-нибудь целебную мазь. А к воеводе постараюсь зайти завтра. Белкин и Челищев полностью согласились с моими объяснениями. Вот и ладно. А то мне как-то не улыбалось идти домой к больному человеку. Чем болеет воевода, я не знаю, но очень опасаясь воздушно-капельных инфекций. Так же не перестаю наблюдать за всеми, с кем близко общаюсь. Всё-таки я попал сюда из 21 века. И мог принести с собой кучу разных болезней. Конечно, месяц — это срок и пока все живы и здоровы, но полностью успокоюсь не раньше, чем через полгода.

Кроме нежелания идти к воеводе, нужно действительно попросить у Шварца какую-нибудь мазь. Заодно подготовить себе алиби по поводу броши. Эх, язык мой — враг мой. Зачем нужно было ею хвалиться, выдумывая небылицы? Тут желательно вести себя тише воды, ниже травы, а меня нет-нет, да заносит... Даже отец Лазарь попенял мне на это. Дескать, рассказываю людям лишнее, о котором им знать совершенно не следует. Батюшка имел в виду мои рассказы об истории христианской церкви. Типа мои слова подрывают её авторитет. Естественно я повинился. Ссоры с авторитетными людьми мне ни к чему. Однако обидно... Ведь в том, что церковь раскололась на православную и католическую, а потом ещё на несколько подгрупп, простые люди не виноваты. Это церковные иерархи всё не могли (и не могут) власть поделить. Только их тщеславие слишком много горя несёт. Поэтому тяжело оставаться безразличным. Народ-то верит... Так в расстроенных чувствах я дошёл до Шварца.

— Леонид Иванович, где же ваша шапка? — спросил он первым делом, как только увидел меня.

— Я подвергся нападению, — грустно усмехаюсь.

— Кто же посмел? — удивился Шварц.

— Да, вот... — пришлось рассказать всю историю недавнего происшествия.

— Эх, тёмный народ, варвары, — покачал головой аптекарь. — А что за украшение вы потеряли вместе с шапкой?

— Подарок французского короля, — отвечаю, хоть и сомневаюсь, стоит ли это делать? Но про брошь, которую он сегодня лично оценивал, лучше промолчу. Незачем давать компромат против себя.

— И за что же вас одарил французский монарх, если не секрет?

— Это секрет, но только наполовину.

— Как так?

— Евгений, поклянитесь, что никому не проговоритесь о том, о чём я вам сейчас расскажу, — хочу связать Шварца клятвой. Тут народ к этому делу относится намного серьёзнее, чем в моё время.

— Хм... — задумался аптекарь, затем его лицо приобретает одновременно две черты: серьёзность и торжественность, после чего он произносит клятву.

— Я вам верю, мой друг! — тоже стараюсь придать лицу соответствующую мимику. — Как вы знаете, я долгие годы занимался исследованием различных растений...

— Да, да, я помню, вы мне говорили, — быстро закивал Шварц.

— Так вот, — продолжаю, — в один прекрасный день я обнаружил, что свёкла содержит сахар. Тогда я усилил опыты и путём селекции разных сортов свёклы добился того, что вывел сорт, в котором содержание сахара несколько больше обычного...

— То есть, из свёклы можно получить сахар? — тут же догадался аптекарь.

— Совершенно верно! О своём открытии я поведал его величеству Людовику XV. Король по достоинству оценил мои труды, наградив деньгами и золотым украшением. Но! — поднимаю палец вверх, — он попросил меня не распространяться об этом открытии, предупредив, что производители сахара не любят конкурентов. Сейчас его привозят в основном из южных стран. Морские перевозки стоят дорого. Это сказывается на цене продукта. А тут свёкла, которую можно выращивать в любом огороде...

— О-о! Теперь я всё понимаю...

— Вы обещали молчать, — напоминаю ему.

— И я сдержу своё слово! — уверенно отвечает Шварц.

— Хорошо. Но я хочу вместе с вами продолжить опыты по выведению сахарной свёклы.

Вы согласны?

— Это честь для меня! Я вам обязательно буду помогать, Леонид Иванович. Кстати, разрешите мне предложить вам свой головной убор. Не дело — ходить в такой мороз с непокрытой головой.

— Благодарю, не откажусь. А ещё хочу попросить какую-нибудь мазь, которая лечит ушибы. Лично я знаю о бодяге. Есть такая?

— Есть! — кивнул довольный аптекарь. — Её обычно применяют после телесных наказаний...

«Ого!» — промелькает мысль в голове. Но тут же выдавливаю из себя улыбку:

— Прекрасно! Остаток дня посвящу лечению больной ноги... Кстати, Евгений, у меня к вам большая просьба... — делаю серьёзное лицо.

— Слушаю, — тут же насторожился Шварц.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал об украшениях, которые я приносил вам на оценку. А то пойдут нежелательные разговоры...

— Не беспокойтесь, Леонид Иванович, у меня нет такой привычки: обсуждать с кем-либо чужие дела. Если только сами попросят, — обнадежил меня аптекарь.

— Что ж, я рад, что вы меня понимаете.

ГЛАВА 21

ШКУРА НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ

Если бы я провалился в прошлое не поздней осенью, а весной или летом, то занимался бы в основном изучением местной флоры. Сейчас же вся флора под снегом, если не считать деревьев. Но и тут мне удалось найти выход. Готовит, например, Марфа взвар из сушёных ягод... Но, прежде чем она опустит их в кипяток, я из ягод достаю косточки, складываю в бумажные конвертики и подписываю. Кроме ягод собираю семена фруктов, шишки, жёлуди, орехи... Со временем всё пригодится. К тому же новый дом Белкиных строится за старым. Рано или поздно старый придётся снести, чтобы обзор не закрывал. А на оголённой территории появится мощёная дорожка, ведущая к крыльцу нового дома, и симпатичная лужайка с цветником. Пусть хоть это восполнит потерю. А то, пока мы рыли фундамент, столько всего загубили...

Считай, начали строительство на месте существующего огорода. В общем, переделывать летом придётся многое. Но меня больше беспокоит не благополучие моих работодателей, а собственная тушка. Забрав у Шварца мазь от ушибов и свою шкатулку с драгоценностями, я отправился домой. Пока шёл, первым делом избавился от злополучной броши. Нет, я её не выкинул. Зачем добру пропадать? Сначала я вынул стекляшку, изготовленную под драгоценный камень. Пусть лежит. Может, пристрою куда-нибудь. Потом принялся давить брошь, чтобы смять её. Но, увы — не получилось. Слабоваты ручонки оказались. Ладно, приду домой, зайду в мастерскую и обобью молотком. Расплющу в общем, чтобы никто не догадался, что это было.

Как только определился с брошью, стал думать дальше о своём житье-бытье. Ситуация, которая произошла сегодня, меня не на шутку встревожила. В моём времени люди ради личной безопасности носили с собой газовые баллончики и травматические пистолеты. Про бейсбольные биты, всевозможные ножи и боевое оружие даже говорить не стоит. Но ими пользовались совсем уж отмороженные индивидуумы. А как быть мне сейчас? Где взять хотя бы травмат? Другими средствами самообороны против толпы с палками не отбиться.

Правда, комендант Боровска сказал, что если бы я застрелил кого-нибудь из пистолета, то мне бы ничего не было. Только нет у меня пистолета. К тому же местные пистолеты производят всего один выстрел, а затем его нужно долго перезаряжать. Пока будешь этим заниматься, коллеги пострадавшего гопника быстро отомстят! Сабля или шпага — тоже не выход. Я не умею ими пользоваться. Да и не потянут они против оглобли. Особенно если она не одна. В голову приходят две идеи. Первая, всё-таки нужно найти учителя по фехтованию. Не знаю, как шпагой, но саблей точно научат владеть. Казаков в Боровске хватает. Подобное умение всяко не помешает. Вторая, нужно купить парочку пистолетов. Лезть буром на направленные на тебя стволы — дураков мало. А ещё лучше, сделать пистолет самому. Только не здешний пугач, а хотя бы револьвер. По крайней мере, его конструкция мне представляется самой лёгкой. К тому же я хорошо знаю, как он устроен. Довелось в своё время подержать в руках. Делал одному коллекционеру проект дачи, а он похвастал своими раритетами. А какому мужчине не интересно оружие, тем более выросшему на пиратских и детективных романах? Так что конструкцию револьверов я изучил подробно. Даже немного пострелял.

Что мне необходимо для изготовления револьвера? Перво-наперво, свой собственный

дом. Заниматься различными опытами у Белкиных я не хочу. Слишком много посторонних глаз. А будет дом, подходящую мастерскую я обустрою. Пусть не сразу и не быстро, но обустрою. Тем более на заводе у Меллеров мне довелось видеть токарно-фрезерный станок, напоминающий по внешнему виду швейную машинку, которая была у моей бабушки. Да, он далёк от совершенства, но мне и такой будет за счастье. А выточить необходимые детали я смогу. Конечно, придётся изрядно помучиться. Как любил пошутить мой дедушка: «Не вспотев, ребёночка не заделаешь».

С мыслью о себе, я перешёл на размышления о Шварце. У него есть слуга, который научил Евгения изготавливать стеклянные изделия. Но слуга уже старый. Грех — требовать с него многого. Как бы ухаживать не пришлось. Аптекарю нужен молодой и сообразительный помощник. А ещё ему нужна большая лаборатория. Будем производить опыты не только со стеклом, но ещё много с чем. С теми же растениями, например. Кстати, пришло время припомнить уроки физики по оптике. Заодно поинтересоваться современными учебниками по этой теме. Подзорные трубы нам без надобности, если только для коммерческих целей, а вот микроскопы необходимы! Тут и опыты, и изготовление мелких деталей, и многое другое. Я не исключаю ситуацию, когда понадобится подделать документы. Не в рай попал. Поэтому считаю изготовление линз одним из приоритетных дел. А станочек для полировки стекла я придумал. Короче, пора трясти память по всем направлениям, а что вспомнится, сразу заносить на бумагу. Физика, химия, анатомия, медицина...

Придя домой, сразу уединиться в мастерской не получилось. О случившемся нападении знали уже все. Даже отец Лазарь пришёл. Я сначала думал, что он станет просить за своего коллегу, которого сунули в темницу вместе с мужиками. Оказалось — нет. Настоятели местных церквушек не очень-то ладили между собой. Каждый приход тянул одеяло на себя. Кроме того, отец Димитрий слыл мужичком склочным, поэтому достал многих. Сначала меня подробно расспросили о самом происшествии. Потом о его причинах.

Затем в очередной раз за сегодня пришлось объяснять, что такое «массаж». И в конце не столько спрашивали, сколько советовали, как поступить со злодеями. Причём и Мария Васильевна и отец Лазарь стояли на том, что все должны отведать кнута. Я эту точку зрения не разделял. Меня больше интересовали деньги или их эквивалент. А набегало много... Двенадцать тысяч рублей — «подарок короля», пятьдесят рублей — шапка, плюс нападение на дворянина. Вообще-то нападение считается уголовным преступлением и за него положено битьё кнутом и каторга. Хотя чаще назначаются розги и штраф. Иначе, какая дворянину польза, если злодея сошлют на каторгу? Чисто моральное удовлетворение?

— Нет, отец Лазарь, — говорю твёрдо. — Я не хочу, чтобы из-за меня пострадали люди. Бить кнутом, или ссылать на каторгу никого не надо. Зачем лишать город хороших ремесленников и купцов?

— И что, вы всех простите? — удивился батюшка.

— Нет, я хочу преподать им урок, чтобы думали в следующий раз своей головой, чего стоит делать, а чего нет.

— И как вы это сделаете?

— Накажу рублём! Если не найдут мою брошь и шапку, то будут выплачивать их стоимость. Плюс штраф за нападение на дворянина. Тем более я считаюсь подданным французского короля. Думаю, что в свете последних международных событий, властям Российской империи невыгодно ссориться с Францией. Поэтому, надеюсь, власть сделает всё, чтобы возместить мне убытки, — дальше я говорю, сколько стоят брошь и шапка, а так

же оцениваю нападение на меня. Набегает четырнадцать тысяч рублей.

— Помилуйте, Леонид Иванович, но где горожане возьмут такие деньги?! — изумляется Белкина.

— А это, Мария Васильевна, уже не мои заботы. Хотя я готов получить компенсацию не только деньгами...

— А чем же ещё? — это уже спрашивает отец Лазарь.

— Можно товаром, можно работой. Вы давеча сами рассказывали, что отдали плотницкой артели, которая построила вам новую деревянную церковь, сорок восемь рублей. И это только за работу, правильно?

— Правильно, — кивает батюшка. — Материал у нас был свой.

— Ну, вот... А теперь смотрите: мы с вами собрались строить мануфактуру по изготовлению мебели. Я могу внести свой вклад в это дело, как деньгами, так и работой. Изба, которая сейчас стоит на месте будущей мануфактуры, подходит для проживания, но никак не для производственного процесса. Вот пусть провинившиеся мужички и построят нам то, что необходимо. Тем самым спишут с себя часть долга.

— Хм... — глубокомысленно изрёк отец Лазарь. — Разумно, разумно. Но всё равно, сумма большая.

— А я никуда не тороплюсь. Думаю, срок в пять лет вполне подходящий. За это время успеют возместить все мои убытки. Однако есть обязательное условие.

— Какое?

— Одну тысячу рублей я хочу получить в течение месяца. Уверен, что виновные сообща соберут эту сумму.

— Что ж, ваше право, — пожал плечами батюшка.

«Конечно, моё право, — хмыкаю про себя. — Тем более, почти все свои наличные сбережения я израсходовал. Мне совершенно не улыбается быть постоянно зависимым от Белкиных и думать об их планах. У меня куча своих! Имея на руках одну тысячу рублей, можно смело покупать собственный дом. И не где-то там — у чёрта на куличках, а рядом с основным местом работы, то есть поближе к Белкиным».

Когда, наконец, отец Лазарь ушёл, а Мария Васильевна удалилась в свою комнату, сославшись на недомогание, я быстренько отправился в мастерскую. Правда, сначала пришлось озадачить детей примерами по математике, написав их на доске. Пусть немного поскрипят мозгами.

Прежде чем плющить брошь, я её немного нагрел в горне, чтобы стала пластичнее. Вскоре у меня появился тонкий блинчик, величиною с ладонь. Это я пропустил расплющенную брошь через ручные вальцы. Мне их сделали на заводе Миллеров. Обошлось такое «счастье» в пять рублей, плюс два портрета, написанных моей рукой. Был бы свой токарный станок, сам бы всё изготовил, чтобы никому не платить. Затем я скатал латунный блинчик в трубочку, а трубочку порубил на пять частей. Сделаю из них колечки и отполирую. Потом можно будет продать или подарить. В общем, улик не осталось. Даже стеклянного камушка. После недолгой борьбы с собственной жабой я расколол его в мелкую крошку. Всё-таки «камень» видели. Вдруг опять попадётся кому-нибудь на глаза? Подозрения появятся... Лучше не рисковать.

С грустью глядя на стеклянную крошку, я вдруг вспомнил где-то вычитанную историю... История о том, как парочка пройдох торговала поддельным жемчугом. А делали они его из стекла и рыбьей чешуи. Суть процесса в следующем... Сначала готовили

перламутровую краску. В стеклянную ёмкость клали чешую рыбы, добавляли воду и взбалтывают содержимое механическим миксером или венчиком. Сквозь стеклянную стенку ёмкости следили за процессом. После того, как перламутр отделялся от чешуи, её процеживали через мелкое сито в другую посуду и давали порошку отстояться. Далее из него готовили «жемчужную эссенцию». Затем изготавливали специальные стеклянные шарики.

Делали их так... В состав стекла, предназначенный для выдувания маленьких шариков, добавляли пепел от жжёных костей. В результате в расплавленной массе образовывались крохотные капельки фосфатного стекла, которые давали эффект преломления света. Такое стекло ещё называют опалесцирующим. Кстати, его уже можно само по себе использовать, как бижутерию потому, что от разного количества непрозрачных веществ (костный пепел) меняется степень опалового эффекта. Цветные витражи как раз получают подобным способом. А чтобы изготовить «жемчуг», внутрь стеклянных шариков через оставленное отверстие вводят клей, смешанный с «жемчужной эссенцией». После того, как состав закрепится на внутренней стенке шарика, в него дополнительно заливали расплавленный воск. Он придавал «жемчужинам» необходимый вес и твёрдость. Но это была подделка высоко класса. Когда же не гнались за качеством, то тупо покрывали стеклянные шарики несколькими слоями «жемчужной эссенции». Сами шарики тоже не выдували, а капали расплавленным стеклом в воду. Короче, тема интересная, нужно её как следует обдумать...

Пока я прятал концы в воду, мне никто не мешал. Да и дверь на всякий случай была прикрыта на засов. А не мешали потому, что все четыре Ивана и Прохор занимались обустройством навеса над будущим домом. Надоело постоянно чистить снег. Хотя места с уже залитым фундаментом мы утеплили и прикрыли. Пустующие траншеи тоже накрыты от попадания снега. А над свежезалитым фундаментом стоят «юрты» с очагами. Но этого недостаточно. Работы предстоит ещё много. Для той же печки нужно возводить отдельный фундамент. А у нас кроме основной печки, расположенной по центру дома, намечается дополнительная парочка: камин и голландка. Их место у крайних стен.

Камин будет располагаться в гостиной зале на первом этаже, откуда пойдёт на второй этаж в спальню Ивана Даниловича и Марии Васильевны. Голландка обоснуется между комнатами для прислуги, и между детскими спальнями. Размеры самого дома двенадцать на двенадцать метров. Крыльцо будет с колоннами. Они послужат опорами для балкона на втором этаже. В принципе ничего особого, если не считать санузла с ванной внутри дома. В столицах, скорее всего, этим никого не удивишь, а в провинциальных городках, где вся архитектура сплошь из дерева, подобная «роскошь» в новинку. Хотя я не уверен, знают ли в тех же столицах, что такое септик? Но всю канализацию мы будем делать уже в тёплое время года. Сейчас основная задача — фундамент.

Кстати, как только получу деньги, можно пойти к Джонатану Джейкобсу — управляющему заводом Меллеров. Хочу перетянуть его в соучредители нового завода. Правда, не шибко-то он и новый, тем более имеет хозяев. Но они не против, если в их дело вложится ещё кто-нибудь. Я имею в виду купцов Копыриных. А мне, кроме денег, действительно есть, что предложить. Например, я знаю очень простой способ изготовления чугунной дроби любых размеров. Вот тебе и военный заказ от государства. Сейчас дробь (или картечь) для пушек льют в основном из свинца, что весьма затратно, так как свинец дорогой материал. Или используют для этого дела колотый чугун. Что тоже не слишком хорошо. Приходится вручную подбирать куски одного размера. В общем, сплошные заморочки.

Мы же предложим более-менее стандартные шарики. Как говорится, заряжай, да стреляй. А способ изготовления действительно простой. Расплавленный чугун выливается на противень, дно которого покрыто стандартными круглыми отверстиями. Чугун, просачиваясь через эти отверстия, попадает под струю воды, льющуюся в ванну. В результате капли чугуна превращаются в шарики, которые оседают на дне ванны.

Кроме чугунной дроби имеется ещё несколько идей. Например, подмять по себя печное производство. А что, дома здесь строят стандартные, а вот печи разные. Очень много тех, которые топят по-чёрному. А мы станем изготавливать печи со стандартными чугунными плитами, оснащёнными варочными кольцами. Кольца предназначены для посуды, в которой готовят еду. Мы под наши кольца станем изготавливать нашу посуду: чугунки, сковородки, чайники. В этом времени их ещё крайне мало. Чугунки я точно не встречал. Если только глиняные, впрочем, как и чайники. Ещё можно наладить производство утюгов и мясорубок. Утюг будет работать на углях, а мясорубки хороши при изготовлении колбасы и многого другого. Главное побольше наглядной рекламы, чтобы люди видели пользу.

Кроме товаров народного потребления, можно будет продумать военную тематику. Не вижу ничего трудного в том, чтобы наладить выпуск местных аналогов ружей и пистолетов. Кстати, я прекрасно помню про пулю Минье и пулю Нейслера. Первая использовалась для нарезного оружия, а вторая для гладкоствольного. В моё время по интернету крутили массу роликов о Крымской войне 1853–1856 годов. В них рассказывалось, что одна из причин поражения русской армии была в том, что её ружья имели малую дальность стрельбы. Зато ружья французов и англичан, в которых использовались пули Минье и Нейслера, стреляли в два раза дальше. То есть пока русские солдаты займут необходимую дистанцию для стрельбы, их уже хорошенько проредят. Что ж, можно опередить время, но с обратным эффектом. Только сделать это нужно крайне аккуратно.

Лучше всего встретиться с Александром Васильевичем Суворовым и продемонстрировать ему возможности новых боеприпасов. Жаль, что он ещё пацан. Если мне не изменяет память, то Суворов родился в 1729 или 1730 году, а прославится во времена правления Екатерины II и её сына, Павла. Значит, пока спешить не будем. Прибережём ноу-хау до лучших времён. Зато можно попытаться изготовить ружья, которые будут заряжаться не со стороны дула, а с казны. Для тех же охотников и егерей они очень подойдут.

Кстати! А что мне мешает сделать духовое ружьё? Помнится, как бабушка «вбивала» в мою бедовую головушку английский язык через чтение Артура Конан Дойла в оригинальном исполнении... Так вот, был там такой сюжетец, когда полковник Себастьян Моран хотел грохнуть Шерлока Холмса как раз из духового ружья. Тема тогда меня зацепила. Я всё думал: «Как может какая-то пневматика из тира в городском парке лишить человека жизни?» Мои размышления привели к следующим находкам... Во-первых: существует разница в способах работы такого оружия. Можно просто сжать воздух боевой пружиной; можно накачать воздух насосом, тем самым создавая большее давление; а можно использовать баллончик со сжатым воздухом. Во-вторых: всё зависит от мощности дульной энергии. Например: есть пневматика развлекательного характера, которую используют в тирах городских парков. Там мощность не превышает 7,5 Джоулей.

Есть охотничья. Её мощность достигает 25 Джоулей. Но и это не предел. Мощность охотничьей пневматики на крупную дичь может составлять сотню Джоулей. Правда, в России такое оружие было запрещено. В-третьих: в 17–19 веках военные серьёзно

рассматривали пневматическое оружие, как альтернативу огнестрельному. Тем более плюсов в первом случае выходило намного больше: скорострельность и точность выше, малая зависимость от погодных условий, пониженная шумность, отсутствие демаскирующего дыма при выстреле. А на вооружении австрийской армии с 1780 по 1815 год даже стояла пневматическая винтовка Жирардони. Смертельная дальность её выстрела составляла 100–120 метров. В общем, есть над чем задуматься. И вообще, после нападения на меня толпы мужиков, моё настроение резко качнулось в сторону милитаризма. К тому же на этом можно неплохо заработать. Только вначале придётся немало помучиться. Для себя я, конечно, расстараюсь. А вот что касается массового производства ружей и пистолетов местных образцов, то нужно искать специалистов или готовить их с нуля.

А вот с чем точно не должно возникнуть особых проблем, так это с выкидными ножами. Здесь про них вообще не слышали. Зато мы с Данькой, под присмотром его дедушки, с десяток таких ножей сделали. Теперь осталось только восстановить навыки. Уверен, что подобные ножи многие захотят приобрести. Короче, планов громадье!

Что ещё? А ещё я узнал про Демидовых, о которых и книги писали, и фильмы показывали, и по интернету ролики крутили. Я-то всё думал, что они на Урале свои заводы строили. Ан нет! Младший сын основателя династии, Никита Никитич Демидов, по соседству обитает. Калугу и её южную область «оккупировал». Там и руды есть богатые, и леса много, и уголёк имеется. Мне бы уголёк тоже не помешал. В моё время основная масса производимого графита как раз делалась из угля. А графит — это не только стержни для карандашей. Например, графитовые тигли считаются одними из лучших. «Моему» железоделательному заводу они точно быгодились.

При литье в форму графит так же необходим. Структура изделия получается намного чётче, да и материал меньше липнет к заготовке. Придётся будущих соучредителей озаботить этой темой. И про нефть сказать. Уверен, что зажигалки и керосиновые лампы не останутся без покупателя, как и паяльные лампы, над созданием которой колдую последнее время. С пустыми руками к будущим партнёрам идти не стоит. Здесь привыкли верить не словам, а делу.

* * *

Воевода Боровского уезда, секунд-майор Николай Яковлевич Бахметьев, встретил гостей лёжа на лавке вниз животом. На спине же у него, в нижней её части, покрытой плотной льняной тканью, лежали два нагретых в печи кирпича.

— Никак поясницу застудили, ваше высокоблагородие? — поинтересовался Семён Алексеевич Челищев, когда слуга воеводы провёл его и Белкина в дом.

— Без чинов, Семён Алексеевич, без чинов, — прокряхтел Бахметьев, повернув голову в сторону гостей.

— Как будет угодно, Николай Яковлевич, — легко согласился прапорщик.

— Что, решили навестить больного старика?

— Да какой же вы старик?! — возмущённо начал Белкин. — Вам всего сорок три года. А как говорит господин учитель: «В тридцать лет люди только жить начинают».

— Ага, — хмыкнул воевода, — значит, я сейчас навроде младенца. А кирпичи на пояснице, чтобы из колыбели не смог убежать под тяжестью груза.

Белкин и Челищев сдержанно посмеялись немудрённой шутке. Затем воевода велел им садиться на соседнюю лавку, заодно крикнул кухарке, чтобы накрывала на стол. Гостей разговорами не кормят. Пока кухарка хлопотала по поводу угощений, слуга воеводы, отставной солдат Ефим, снял у него со спины кирпичи, помог Николаю Яковлевичу подняться с лавки и облачиться в тёплую, домашнюю одежду.

— Ну, как, барин, получше? — Ефим выжидательно уставился на воеводу.

— Вроде, получше, — ответил Бахметьев, прислушиваясь к собственным ощущениям.

— Но вы всё равно, пока не наклоняйтесь и резких движений не делайте.

— Хорошо, Ефим, постараюсь, — благодушно кивнул воевода и сел за стол на хозяйское место.

Пока гости не отведали выставленного угощения, и не осушили по паре стаканов хлебного вина, серьёзных разговоров не велось. Темы в основном касались погоды и здоровья. И лишь когда хозяин дома заметил сытость в глазах гостей, он спросил о новостях. Новости Николаю Яковлевичу не понравились. Если в столице узнают, что на подведомственной ему территории произошёл бунт с нападением на иностранного подданного, к тому же французского дворянина, который имеет высокие связи при дворе... А тут ещё Челищев подлил масла в огонь — принялся защищать бунтовщиков. Мол, не со злого умысла, а по навету. Тем более мужики все в цехах состоят. Разбойников среди них нет, сплошь мастеровые да купцы. Если уж кто и виноват, так это отец Димитрий. Но его тоже трогать нежелательно, вдруг прихожане взбунтуются?

Воевода от этих слов растерялся. Мысленно он был на стороне француза. Тем более они вместе с Фишером затеяли совместное дело. Изделия, которые тот продемонстрировал, Бахметьеву очень понравились: дорожная плитка; цветная облицовочная плитка, отполированная до зеркального блеска; квадратные и прямоугольные каменные блоки, каменные вазы, фигурные балясины... Воевода показал эти изделия парочке купцов и те с удовольствием согласились брать их на продажу. Правда, это были только демонстрационные экземпляры. Чтобы наладить производство, сначала нужно вложиться. В принципе, воевода был не против, скорее наоборот. Попрут его с поста в отставку, чем тогда заниматься? Гонять в имении крестьян? Скучно. А тут интересное, прибыльное дело. Тем более у него трое детей, две дочери и сын. Дочерей надо обеспечить хорошим приданым. Сын сейчас учится в шляхетском кадетском корпусе. Он тоже нуждается в материальной поддержке...

— Нет, Семён Алексеевич, ты не прав, — стал возражать Белкин. — Если мужикам всё спустить с рук, в следующий раз они попрут на нас с тобой...

— Кто говорит, чтоб спустить? — перебил Челищев. — Наказать, конечно, надо. Но лишь так, для острастки. Вон в прошлый раз окрестные крестьяне из староверов стали бунтовать, так им всыпали розги, назначили штрафов по пятнадцать рублей и всё.

— Розги, пятнадцать рублей... — передразнил Белкин. — В прошлый раз они ни на кого не нападали. Просто выгнали попов, которые принуждали их ходить в церковь и всё. А сейчас! Избили палками дворянина, отобрали у него шапку и дорогое украшение, подаренное самим королём Франции! А наша государыня-матушка сейчас дружна с французским двором. Ты понимаешь, что может случиться, если Леонид Иванович нажалуется? Нас тут всех по головке не погладят. Да ещё комиссию для разбирательства могут прислать.

— Пусть присылают. Мне скрывать нечего. А вот народных возмущений я опасюсь. Ты

сам, Иван Данилович, слышал, что заявил твой учитель... Требуется с каждого бунтовщика по одной тысяче рублей, чтобы компенсировали ему убытки.

— Он в своём праве, — возразил Белкин. — Ты поставь себя на его место... Представь, государыня-матушка наградила тебя орденом, а какие-то вахлаки отобрали награду...

— Всё равно, четырнадцать тысяч рублей — это слишком большая сумма.

Воевода тоже понимал, что сумма большая. Быстро её не соберёшь. И если у купцов ещё есть припрятанные деньги, то ремесленники похвастать богатствами не могли. Тут и цеховая принадлежность не поможет. Больше ста рублей на каждого — не наскребут. А если действительно, как говорит Челищев, народ возмутится? Но ведь и француз может пожаловаться. Тогда комиссия из столицы точно прибудет. И хоть воевода особых грешков за собой не числил, но совсем ангелом тоже не был. Тем более хватало недоброжелателей... И как тут быть?

— Эх, жаль, что Леонид Иванович сегодня не пришёл вместе с вами, — вздохнул Бахметьев. — Вроде он человек незлобивый, могли бы обсудить ситуацию к обоюдной выгоде...

— Он отправился к аптекарю за лечебной мазью, — подсказал Белкин. — Хромает сильно. Вот же напасть, хотел помочь больному ребёнку, в результате сам пострадал...

— Ох уж эти богомольцы! — покачал головой Николай Яковлевич на сентенцию Белкина. С церковниками Боровска отношения у него складывались не очень. Те постоянно устраивали конфликты со старообрядцами, а разбирать скандалы приходилось ему. Кроме этого служители церкви не гнушались переманивать к себе крепостных. Помещики же, да и сам Бахметьев, такому делу активно препятствовали.

Все были заинтересованы в большем количестве крепостных на своих землях. А то страшно было подумать, до чего доходила ситуация: дворяне, подобно простым мужикам, самолично вставали за плуг.

— Иван Данилович, вы уж поговорите с Леонидом Ивановичем, постарайтесь разъяснить ему обстоятельства... А завтра, если ему станет лучше, пусть приходит ко мне. Обсудим сложившуюся проблему.

— Хорошо, Николай Яковлевич, — кивнул Белкин.

После этих слов гости заспешили по домам. К тому же начало вечереть. Да и погода не радовала. Запешший домой с улицы слуга доложил, что с неба повалил густой снег.

* * *

Как-то на празднование Нового Года мы с ребятами в шутку выкрикивали свои желания. Кто-то хотел миллион и королеву; кто-то яхту и в любовницы Мать Драконов Дейенерис Таргариен из «Игры престолов»; кто-то тачку из последнего «Форсажа», а к тачке Полину Гагарину... Короче, простые, понятные человеческие желания. В тот день погода на улице была просто отвратительная: обильный снег и пронзительный ветер, из-за которого прогулка по улице превращалась в пытку. Причём погода испортилась как раз к вечеру. А до этого вполне себе ничего. Лёгкий морозец в купе с вялым ветерком. Как говорится: «Гуляй — не хочу!» Только нам некогда было гулять. Мы бегали по магазинам и затаривались к празднику. И вот, когда всё куплено, руки отягощены увесистыми пакетами, и тащить их нужно не более трёхсот метров, природная стихия показала себя во всей неприглядной

красе. Если честно, даже хотелось бросить пакеты и скорее добежать до подъезда. В тот вечер я тоже произнёс своё желание: «Хочу, чтобы круглый год на улице было + 25 градусов по Цельсию!» Сейчас как раз тот случай вспомнился. М-да...

Вовремя мы озаботились навесом. Снегопад такой, что белого света не видно. Теперь вокруг будущего дома нужно сугробы повыше поднять, чтобы снег вовнутрь не заметало. Ага, пещера будет. В общем, озаботил я Иванов созданием «крепостного вала». Благо мы с Прохором наделали лопат аж с запасом. Целых десять штук, хоть на продажу носи. Сначала распустили одно бревно на доски, потом эти доски распилили на бруски, затем бруски обточили на столярном станке до состояния гладких черенков, и в конце прикрепили к черенкам тонкие дощечки, обитые на концах жостью. Жость получали при помощи вальцов, которые сделали по моему заказу. Когда приобрету свой дом, заберу их себе, как и двуручную пилу. Всё, что куплено на мои деньги, оставлять Белкину не собираюсь.

Когда делали лопаты, я всё сокрушался, что нет фанеры. Проще было бы. А затем подумал: «Что мне мешает самому наладить её производство?» Сделаю станочек на манер точилки для карандашей, и буду нарезать им шпон. А пресс для склеивания шпона изготовлю из цемента. Конечно, лучше из чугунных плит, но выйдет слишком дорого. Размер-то нужен не менее квадратного метра. Иначе даже мараться не стоит.

— Ну что, сурки, решили примеры? — спросил я у детей, войдя в дом.

— Почему «сурки»? — спросил Василий Иванович.

— Потому, что вижу перед собой не прилежных учеников, а сонное царство.

— Нас Марфа покормила... А потом мы не знали, чем заняться...

— Не знали? — удивился я, и поглядел на доску.

Все десять примеров обзавелись ответами, причём верными. Теперь понятно: задание выполнили, сытно покушали, а тут ещё жарко натопленная печь... Вот и разморило детишек. Блин, надо придумать какую-нибудь игру, чтобы в моё отсутствие они не страдали бездельем. Эх, жаль, что компьютеров нет... Хотя, дружок мой, Данька, старался держать своих близняшек от них подальше. Прямо, как моя бабушка... Зато покупал им различные развивающие игры. Помнится, в одну я сам с ними играл. Называется «Гуси-лебеди». Состоит она из игрового поля, на котором расписан сказочный сюжет, фишек и игральных кубиков.

Правила просты: ставишь на начало фишку, кидаешь кубики, складываешь выпавшие числа и ходишь, то есть передвигаешь фишку согласно выпавшим очкам. Вся интрига заключается в том, куда тебя приведёт твой ход? По сюжету сестра и её братик отправляются в лес за ягодами. Там и начинаются приключения. Самое первое: братика воруют гуси-лебеди и улетают с ним к бабе-Яге. Ну, и так далее... По-моему, игра прикольная. Тут и сюжет интересный, и ребёнок учится счёту. Решено, буду по вечерам посвящать немного времени, чтобы изготовить аналог той игры. Подарю её детишкам на Рождество. Надеюсь, понравится.

— Кто написал на доске ответы? — обвожу малышню пиратским взглядом.

— Я! — похвалился Степан Иванович.

— Молодец! — от этих слов старший отпрыск семьи Белкиных аж расцвёл. Пришлось немного парня обломать, войдя в роль придирчивого учителя. — Вот только цифры нужно писать аккуратней, а не как курица лапой.

— Хи-хи-хи! — раздались смешки над столом.

— И нечего смеяться! — снова превращаюсь в жуткого пирата. — Будто все остальные

пишут лучше. А сейчас мы будем повторять немецкие слова, которые учили сегодня утром...

Только-только позанимался с ребяташками немецким языком, как пришёл Иван Данилович. Из своей комнаты тут же вышла Мария Васильевна. Холопых детей сразу отправили в пристрой к Емельяну. Нечего им тут под ногами путаться. Пока Белкин раздевался и умывался, Марфа быстро накрыла на стол. Пацаны с нами. Пусть они кушали не так давно, но посидеть за столом вместе с папой очень уж хочется... Я напоминаю им об культурных манерах, отчего лица Степана и Василия моментально скучнеют.

Дальнейший разговор тоже не принёс пацаньятам радости. Как бы ни хотелось мне и Ивану Даниловичу обсудить сегодняшние события, но при Марфе и детях мы стараемся говорить на отвлечённые темы. Ненароком беседа касается чая и кофе. В Боровск привозят и то, и другое. Однако товар слишком дорогой. Правда, я изредка балую себя этими напитками, но не дома у Белкиных. Иначе делиться придётся. Или превращусь в глазах окружающих меня людей в мелочного сквалыгу, недостойного звания дворянина. Поэтому чай и кофе пью у купчихи Дарьи Михайловны Рябушкиной. Мне их готовит мой слуга, у которого они хранятся. Кстати, узнал любопытный факт от Гаврилы-Густафа: в Европе мужчины запрещают женщинам заниматься вязанием. Почему? Потому, что конкурентки! Блин, никогда бы не подумал. Зато мой слуга пообещал, что будет не только шить одежду и обувь, но и вязать для меня. А научится у Дарьи Михайловны. Что ж, тем лучше! На Белкину я как-то не очень рассчитываю. Она хоть и обещала, но пока все обновки вижу лишь на ней и на её детях.

— Иван Данилович, — обращаюсь к хозяину дома, — вот вы говорите чай, кофе... А как же цикорий? Его ведь повсеместно можно выращивать.

— Цикорий? — удивляются Белкины на пару. — А что это такое?

«Блин, неужели не знают?» — тоже удивляюсь, но про себя. У меня бабушка очень любила цикорий и пила вместо кофе. Хотя по сути — это сорняк, который растёт повсюду. Напиток, наподобие кофейного, делают из корней цикория. Листочки тоже можно заваривать. Полезны, как и корень. А тут у дворян столько земли... Сажай — не хочу. Вполне достойная замена кофе. К тому же — медонос. Пытаюсь объяснить Белкиным, что я имел в виду. Нет, не знают они такого растения, как и напитков из него. Мля, хоть самому помещиком становись. Картошку не выращивают, подсолнечник не выращивают, про цикорий не знают. А ведь на этом всё можно заработать неплохие деньги...

Ужин закончился, Мария Васильевна ушла с детьми в комнату, Марфа отправилась кормить остальную дворню в пристрой к Емельяну, Белкин приступил к обсуждению наших общих дел.

— Понимаете, Леонид Иванович, — начал он, — на вас сегодня напали посадские люди.

— И чего? — не понял я.

— Начнём с того, что все они находятся в списках воеводской канцелярии. Каждый из них платит подати. Подати мы отправляем в казну. Кроме этого, время от времени из столицы приезжают ревизоры и проверяют, в полной ли мере собираются подати? Вдруг в городе проживает людей больше, а поступлений меньше. И ещё... Горожане без сопроводительной бумаги уехать из города не имеют права. Если же найдётся такой «умник», то его объявляют в розыск и в случае поимки возвращают обратно.

«Ни хрена себе — расклад! — удивился я. — Это что же, горожане ничем не лучше крепостных? Надоело тебе в Боровске, захотел перебраться в Москву, но без документа не

отпустят. А документ, наверное, денег стоит. Да ещё нужно хорошее обоснование, чтобы получить его».

— И вот что, получается... — продолжил Белкин. — Вы, Леонид Иванович, запросили слишком большую сумму со слободских мужиков. Конечно — это ваше право. Но чем люди станут платить подати?

— Ах, вот в чём дело! — понятиливо киваю головой, всё дело в деньгах. Городская власть боится, что ослабнут поступления в казну. А тут ещё проверка может нагряться. Станут разбираться, узнают о происшествии со мной, доложат наверх...

— Именно. Поэтому воевода попросил меня поговорить с вами. Может, решим противоречия другим путём?

— Другим — это каким?

— Сумма слишком большая, — вздохнул Белкин и отвёл в сторону глаза. — Может, есть возможность её уменьшить?

— Хм... Уменьшить... — я надолго задумываюсь. Иван Данилович молчит, терпеливо ожидая моего ответа. — А давайте сделаем так... Пусть мне сначала предоставят возможность переговорить с каждым бунтовщиком с глазу на глаз.

— Зачем? — удивился Белкин.

— Хочу выяснить, чем ещё, кроме денег, они смогут компенсировать мои убытки.

— Леонид Иванович, вы же сами сегодня говорили, что работой. Только работа выходит слишком неподъёмная, — снова вздохнул мой собеседник.

— Работой ли, товаром ли, деньгами ли — эту возможность дайте решить мне. Постараюсь сделать так, чтобы и овцы остались целы, и волки сыты. Кстати, я же не прошу возмещать всё сразу. Срок выплаты можно растянуть лет на пять...

— Хорошо. Я передам наш разговор Николаю Яковлевичу. Между прочим, он хотел видеть вас лично. Как ваша нога?

— Вроде получше, — ненадолго прислушиваюсь к себе. — А не подскажите, что за недуг приключился с Николаем Яковлевичем?

— С поясницей у него что-то неладное. Наклоняться не может.

— И чем его лечат?

— Наш аптекарь посоветовал греть кирпичи и класть их на поясницу. Так и лечат.

«Хм, — подумал я, — а мне Шварц про болезнь воеводы ничего не говорил. Правда, мы этой темы в разговорах не касались. Но такое поведение ещё раз доказывает, что Евгений понапрасну сплетничать не любит. Это, несомненно, радует. Завтра нужно будет к нему зайти. Про радикулит я знаю много. Дедушка им частенько страдал. Михаил Петрович тоже неоднократно просил нас с Данькой поискать в интернете информацию по этой теме».

— Что же, постараюсь завтра навестить нашего воеводу, — говорю Белкину. Поясница — это не ОРЗ, можно не волноваться. — Надеюсь, он позволит мне переговорить с бунтовщиками?

— Конечно, позволит, — уверенно отвечает Иван Данилович. — С чего бы ему запрещать?

— Что ж, это радует, — отвечаю спокойно.

— Вот и хорошо. А как продвигаются наши с вами дела?

Дальше мы обсуждаем подарок Воронцову, строительство дома, обустройство столярной мастерской... Я жалуясь на нехватку времени. Особенно в обустройстве столярной мастерской. Тем более там нужно не только время, но и хороший материал. Это,

прежде всего, касается стали, из которой нужно изготавливать инструмент. Сами мы её сделать не можем, необходимо покупать...

— Леонид Иванович, вот вы говорили про м-м... цикорий, — Белкин меняет тему.

— Да. И что?

— А можно как-то достать семена этого растения?

— Можно. Только придётся отправлять письма в Европу.

— В Европу? — расстроился Белкин. — Эх, далековато... Кстати, вы как-то обмолвились, что хотите отправить послание в Петербургскую академию наук?

— Да, Иван Данилович, хочу.

— Ну, так вот... Подарок, который мы пошлём Михаилу Илларионовичу Воронцову, повезут наши вестовые. С ними же можно договориться, чтобы они передали письма учёным.

— Нее, — отвечаю после недолгих раздумий, — я не успею. Слишком многое нужно обдумать и описать. А на мне ещё подготовка подарка. Вот если бы на месяцок попозже...

— Попозже... — теперь уже задумался Белкин. — Ну, конечно же! В конце января или в начале февраля два наших купца: Жданов и Копырин, отправятся в Ригу через Санкт-Петербург...

— Ох, ты! Здорово! — не сдержался я. Всё-таки Рига портовый город. Там проще достать всевозможные заморские диковинки.

— А я о чём, — заулыбался Белкин. — Через них и передадите, что вам необходимо.

— Благодарю, Иван Данилович. Кстати, а что за купец — Копырин? Не из тех ли, которые владеют железоделательным заводом?

— Нет, не из тех. Дальний родственник. В Боровске много Копыриных и все в основном промышленяют по торговой части. Эти возят в Ригу хмель и ячмень.

— Помилуйте, Иван Данилович, — удивился я, — какой зимой хмель и ячмень?

— Зачем, зимой? Пока Жданов и Копырин доберутся до Риги, весна настанет. Весной цены на зерно всегда выше.

— Ах, вон оно что... — до меня доходит суть бизнеса: часть урожая продают летом или осенью, а часть придерживают до весны.

— Совершенно верно, — кивает Белкин. — Так что готовьте свои послания в академию наук. А с купцами я вас познакомлю. Объясните им про цикорий. Может, вам ещё что-нибудь от них понадобится...

— Благодарю, Иван Данилович, — искренне благодарю Белкина. На этом мы желаем друг другу спокойной ночи и расходимся по комнатам.

Вот почему так: крутишься день-деньской, чего-то хлопчешь и, вроде бы, всё в порядке, а только ляжешь спать, как просыпаются разные «болячки»? Я про ногу, можно сказать, забыл совсем, а она ныть начала. И ладно бы — нога, десна засвербела! И главное, в том месте, где у меня зуб отсутствовал. Покушал однажды роллы. А там вместе с рисом камушек затесался... Да крепкий такой, сука! Хорошо хоть челюсть не свернул.

Зато зубу не повезло: сломался слишком неудачно. Отчего стоматолог, уныло оглядев мою ротовую полость, вынес вердикт: «Лучше удалить». Четыре года прошло с тех пор. Всё давно заросло. И тут на — тебе, напомнило! Чё за фигня? Вроде грязного ничего в рот не совал, слишком горячего тоже не кушал. Почему болит-то? И самое обидное: спать сильно хочу. Вымотался за сегодня. День и так оказался щедрым на «подарки», а я ещё после вечернего разговора с Белкиным увлёкся писаниной. Обычно свой почерк тренирую не больше одного часа. А тут вместо совершенствования навыков, марал бумагу своими мыслями, пришедшими на ум в течение дня. Засиделся до боли в спине, рези в глазах и спёртого воздуха в комнате. Свежему-то взяться неоткуда. У меня одновременно горели постоянно две лучины и керосиновая лампа. Причём в керосиновую лампу была залита смесь из спирта и репейного масла, доставшегося мне даром от Шварца, у которого завалился некондиционный товар. А я его пристроил к делу. Но коптит, зараза!..

Короче, лежу, мечтаю о «Нурофене» или хотя бы об «Анальгине». Но ещё лучше, если бы здесь со мной оказалась армейская аптечка... Эх, мечты, мечты... Надо будет завтра снова Шварца навестить, может у него есть что-нибудь обезболивающее? Только это будет завтра. А сейчас, как быть? В голову приходит лишь одна мысль: «Алкоголь, он поможет и в горе и в радости». Похоже, придётся... Жаль только, что нужно пить здешнее пойло. Тот спирт, который я изготовил с помощью Шварца, ушёл весь на дело, а оборудование по производству высококачественной водки ещё не готово. По планам его установка намечается на послезавтра. Встаю, иду в общую залу за «анальгетиком»...

В общей зале душно, печка сильно натоплена. А возле печи на лавке Марфа лежит, скрючившись, и дышит тяжело.

— Что с тобой? — озабоченно подхожу к ней.

Тут из-за печи Шварц выходит. Руки держит перед собой, а на них резиновые перчатки. Мало того, в правой ладони зажат скальпель.

— Аппендицит у неё, сейчас резать будем, — говорит он.

— Как резать?! — пугаюсь я. — Она же помрёт от болевого шока...

И тут лицо Шварца превращается в мою учительницу по химии, которая назидательным тоном рассказывает про реакцию этилового спирта и серной кислоты, в результате которой получают диэтиловый эфир.

— Мы ей сейчас эфирчику накапаем, она и уснёт, — лицо училки снова превращается в Шварца.

— Ох, боюсь я, Леонид Иванович! — неожиданно верещит Марфа и хватает меня за руку. — Не позволяйте этому колдуну резать меня!

— Марфа, успокойся и отпусти руку. Аптекарь тебе помочь хочет.

— Он колдун! Я боюсь его!

— Не бойся, — стараюсь успокоить женщину. — Ты эфир понюхаешь и сладко заснёшь, а проснёшься уже здоровой.

— Нет, Леонид Иванович! Нет! — и снова сжимает меня за руку.

— Блин! Да отпусти ты... — резко дёргаю руку и... ударяюсь локтём об стенку. — Пля!!!

— Что же вы не встаёте, Леонид Иванович? Я вас бужу, бужу...

Действительно, я лежу на своём топчане и потираю ушибленный локоть. Рядом стоит Марфа с испуганным лицом. Комнату освещают две лучины. Это я так приучил женщину: типа, прежде чем меня будить, настрой атмосферу видимости и понимания.

— Засиделся я вчера допоздна, вот сон и не отпускал, — непроизвольно оправдываюсь. — Всё иди, я уже проснулся.

Только Марфа ушла, я сразу к столу и записываю «лекцию» учительницы по химии. Не знаю, придумали уже эфир или нет, но благодаря ему можно спасти многих людей. Операции-то делают. Правда, не известно, какими обезболивающими пользуются.

Записав всё, что помнил, выхожу в общую залу. Настроение не очень. Нога, вроде, нормально, а десна свербит, сука! Хорошо, что похмельем не страдаю. Выпил вчера не больше двухсот граммов. Чисто для снятия всяких стрессов, которые терзали мою плоть и душу. Однако всё равно заснул очень поздно. Не выспался совсем, а тут десна в придачу... Что за напасть такая?! А ещё зарядку нужно проводить, сначала с Иванушками «International», потом с детьми. И ведь сам такой график составил и всех приучил. Белкин как-то по этому поводу даже завёл разговор, типа, дети — понятно, но зачем упражнения работникам?

Пришлось объяснять ему, что каждодневные утренние тренировки не только укрепляют тело, но так же дисциплинируют, учат вниманию и усердию, что обязательно скажется на качестве работы. Кроме того, обученные холопы — это разве плохо? Такие и двор от разбойников защитят, и в дороге с ними спокойнее, и за детишками присмотрят в случае чего. А то мелкие в последнее время стали жаловаться, что на улице мало бывают. Неправильно это. Детям нужно чаще бывать на свежем воздухе. А чтобы было веселей, Иваны, под нашим с Прохором чутким руководством, изготовят для них санки и лыжи. И никакие-нибудь, а самые лучшие! Крутится у меня одна мысль по поводу лыжных ботинок и креплений к ним. Сначала, естественно, сделаю для себя. Покатаюсь, вспомню школьные годы. Тем более я бегал на лыжах не только на уроках физкультуры. В зимнее время мой тренер по гребле тоже любил проводить тренировки на лыжной трассе. Тут и рукам нагрузка, и ногам, и дыхалке...

Короче, если местный люд оценит мою задумку, то и на заказ можно будет делать. За простолюдинов не скажу, слишком они консервативны, зато дворяне на новинки падки. К тому же многие из них любят охоту. А как идти в лес? Только на лыжах. По-другому, слишком проблемно.

Утренние занятия помогли отвлечься от проблем. Сначала потренировался с Иванами и со своим слугой, потом вместе с ними принял водные процедуры, затем определил каждому задачу на день и отправил всех на завтрак. С детьми было проще. Уже не нужно напрягаться самому. Только показывать, да следить, чтобы всё делали правильно. Обыкновенная утренняя гимнастика. Более серьёзные занятия начнутся весной, когда неуклюжие детские тельца немного окрепнут. После завтрака играли в «повторюшки». Просто вспоминать и повторять иностранные слова неинтересно.

Поэтому я озаботил детишек изготовлением матерчатых мячиков, размерами с грейпфрут. Делали они их под надзором Марфы. Нутро мячиков набили гречишными зёрнами. Для чего они нужны? Всё элементарно. Дети садятся парами друг напротив друга. Тот, у кого в руках мяч, произносит слово на русском языке и делает пас своему оппоненту. Приняв пас, нужно услышанное русское слово произнести на иностранном языке, и кинуть мяч обратно. Через некоторое время дети меняются ролями.

Ещё я периодически устраиваю весёлые старты. Для этого дети разбиваются на команды. Одна из них временно садится в сторонке, а вторая устраивается на лавке напротив школьной доски. Я произношу иностранное слово и кидаю мяч ребёнку. Тот его ловит, соскакивает с лавки, бежит к школьной доске, кладёт мяч на полочку, берёт в руки мел и пишет иностранное слово. Как только слово написано, нужно положить мел на место, снова взять в руки мяч, добежать до своей команды и передать мяч партнёру. Тому тоже нужно скорее подбежать к доске и написать рядышком с иностранным словом русский перевод. В запарке дети забывают мяч у доски, делают ошибки в словах, пишут коряво... Но это пока. Со временем разовьются и внимание, и почерк, и грамотность, а так же умение быстро ориентироваться в нестандартной ситуации. Тем более победа каждой команды оценивается по совокупности успехов.

Победителей Марфа обязательно угощает чем-нибудь вкусным. Такая у нас договорённость. Женщина понимает, что победителей обязательно нужно награждать, чтобы стимул к учёбе не пропал. Команды я постоянно тасую, ибо детей пятеро, да ещё среди мальчишек одна девочка. Дисбаланс выходит. И не только по людям, но и по чувству собственного достоинства. Никто не хочет «возиться» с девчонкой. Все мечтают попасть в команду, где два человека. Можно лишний раз пробежаться к доске. Если есть игры, где Наташеньке не хватает пары, то этой парой становлюсь я. Иногда девочка просто сидит в сторонке вместе с Марфой. Та её учит шить и готовить. Вот так и проводим время.

Единственное, что меня напрягает в учебном процессе — это слишком большое внимание со стороны. Марфа-то постоянно рядом. Слушает, запоминает, а потом передаёт всё Марии Васильевне и отцу Лазарю. А те начинают доставать меня вопросами. И ладно — Белкина. Образования у неё, по сути, никакого. Умеет лишь читать по слогам, писать не шибко грамотно, да считать по необходимости. Поэтому убедить её можно в чём угодно. А вот батюшка знаниями не обижен. И его вопросы достают до печёнок. К тому же поучать любит:

— Дети должны сидеть смиренно и внимать учителю со всем почтением. А у вас весело, словно они на дворе играют. Какое же это учение? За такое розги полагаются.

— Дети никому и ничего не должны! — отвечаю раздражённо. — И они не скотина безмолвная, чтобы их бить! Да и скотину бьёт лишь дурной хозяин. Если учитель не способен заинтересовать детей учением — это вина учителя и только учителя! Раз не умеешь разговаривать с людьми без палки, то тебе дорога не в учителя, а в палачи!

— Да что ж вы такое говорите?! — теряет самообладание отец Лазарь. — Эдак вас послушать, то старших почитать совсем не надобно.

— Не приписывайте мне того, чего я не говорил! Почтение к старшим — это святое. Но где сказано, что почтение нужно вбивать палками и розгами? Так воспитывают лишь рабов, внушая им страх перед хозяином. Только вместе со страхом приходит и ненависть. Или мало по России случается бунтов? Я в Москве и в Санкт-Петербурге пообщался со многими знатными дворянами и ужаснулся от их рассказов. Если посчитать по всей стране, то

выходит, что от бунтов погибает невинных людей намного больше, чем от болезней. Сея зло — возвращаешь зло! Что же касается детей, то подобные методы наказания вызывают у них отторжение к учёбе. Они начинают её ненавидеть! Если ребёнок не понимает урока — это не он глупый, это учитель — дурак, так как не умеет толково объясняться.

— Хотите сказать, Леонид Иванович, что детей вообще нельзя наказывать?

— Нет, не хочу. Бывают поступки, которые нельзя оставлять без наказания. Но это поступки! Что же касается учёбы, то в детях наоборот нужно развивать к ней интерес. Только тогда в России появится много своих учёных мужей, и не надо будет приглашать их из-за границы.

— Тогда подскажите, как вашей беготнёй можно заучивать молитвы? — задаёт вопрос отец Лазарь, не скрывая насмешки.

— Вы батюшка забываете основную цель обучения, — я нагло улыбаюсь в ответ. — Основная цель — это не запоминание молитвы.

— А что же? — безмерно удивляется тот.

— Нахождение механизмов, при помощи которых ребёнку легче и проще осваивать те или иные предметы.

— Что за механизмы такие?

— Во-первых: это соревновательность. Возьмём, к примеру, первую строчку молитвы «Отче наш». Даём детям задание, посчитать, сколько всего в первой строчке слов и букв? Заодно пусть выпишут все буквы, которые в ней присутствуют. А ещё напротив каждой буквы нужно указать, сколько раз она повторяется. А теперь скажите мне, вы сейчас сможете ответить на эти вопросы?

— Э-э... — завис отец Лазарь.

— Не нужно вспоминать молитву и считать слова с буквами, — снисходительно улыбаюсь. — Зато можно поощрить детей, которые первыми это сделают. Что же касается беготни... Кто быстрее всех напишет на доске слова молитвы, тот и молодец!

— Молитва — это не игры! — строго нахмурясь, возразил отец Лазарь. — Их нужно произносить со всем благоговением.

— Вы снова неправы, ставя на один уровень вопросы веры и обучения. Искренне верующий человек, даже будучи абсолютно неграмотным, прочитает молитву со всем благоговением. А коли нет веры в душе, будь ты трижды разумником, любая молитва прозвучит, как ничего не значащая, заученная фраза. Согласны?

— Что ж... согласен, — отвечает отец Лазарь после недолгой паузы.

— Тогда продолжу. Соревновательность — это лишь один из методов обучения. Когда я посещал ваш храм, то мне очень понравились церковные песнопения. Но чтобы красиво петь или читать молитву, этому тоже нужно учиться. В первом случае — вокал, во втором — риторика. То есть умение управлять своим голосом и дыханием. Так же немаловажен музыкальный слух. Лично у меня, к сожалению, он отсутствует. Зато те, у кого такой талант имеется, лучше запоминают слова на слух. А ещё им легче даются иностранные языки. Отсюда следующий вывод, нужно подмечать, какими талантами Господь наградил ребёнка и, исходя из этого, строить процесс обучения. Кстати, многие детишки любят лепить из глины. А если их попросить слепить из глины буквы? А из букв составить слова к молитве? Разве они не будут стараться изготовить красивые буквы? Заодно идёт запоминание молитв. И не надо никого бить и кричать, что он дурак, у которого пусто в голове.

Подобные споры повторялись довольно часто. Иногда отец Лазарь со мной соглашался,

иногда — нет. Всё-таки слишком разный менталитет. Здесь даже у вчерашнего крепостного могли быть собственные крепостные. Если мне не изменяет память, то со временем такое положение дел изменится. Владеть крепостными будут иметь право исключительно дворяне. Все прочие смогут лишь нанимать работников. Что, впрочем, не сильно повлияет на разницу. Зачастую к своим крепостным отношение намного бережней, чем к наёмным работникам. Тем более никаких законов о труде ещё нет в помине.

Закончив утренние занятия с детьми и, передав их на совесть отца Лазаря, я отправился по своим делам. Пришлось натянуть на себя сценический парик и треуголку с плюмажем. В придачу трость захватил. Всё-таки мне сегодня к воеводе идти. А трость — это не только статусная вещь, но и хорошее средство самообороны. Крепкая, проверял. Пока каким-нибудь оружием не обзаведусь, буду постоянно ходить с ней.

Емельян довёз меня до лавки Шварца. Так ему велела Мария Васильевна. Ага, типа я всё ещё хромаю и плохо себя чувствую. Захожу к аптекарю, а навстречу мне... Не девица — огонь! Серыми глазками стрельнула в мою сторону, что я даже обомлел на время. А она глазки свои потупила и скромно прошла мимо. Вот как они это делают, а?!

— Приветствую вас, Леонид Иванович! — поздоровался Шварц, увидев меня.

— А-а?.. — я очнулся от наваждения. — Ага, и тебе не хворать. А кто это сейчас от тебя вышел?

— Дочь его благородия прапорщика Зайцева, Екатерина Семёновна.

— Что за прапорщик Зайцев? Вроде в воеводской канцелярии я не слышал такой фамилии.

— В отставке он. Семён Платонович Зайцев. Из бывших стрельцов. Выслужился до прапорщика, получил дворянское звание. А это была дочь его единственная. За синькой ко мне заходила.

Я чуть было не ляпнул: «Зачем ей синька? Джинсы решила подкрасить или придать побелке голубой фон?» Потом до меня допёрло: «Какие на хрен джинсы, какая побелка? Совсем потерял голову от девичьего взгляда. Вот же чертовка...»

— Что за синька? — заинтересованно гляжу на аптекаря.

— Красильный пигмент. Меня отец научил его делать. В Европе он зовётся «гамбургская синь» или «берлинская лазурь».

Дальше Шварц стал мне объяснять, как делают эту синьку. Я сразу понял, что он рассказывает мне про железный купорос, который в моё время применялся для опрыскивания садовых деревьев. Приятно думать, что химия тут более-менее развита. Тогда я спросил у аптекаря про диэтиловый эфир, объяснив способ его изготовления.

— Да, я что-то слышал об этом веществе, — кивнул мне Шварц после раздумий. — А почему вы, Леонид Иванович о нём спрашиваете?

— Это вещество применяется при операциях, чтобы больной не чувствовал боли.

— При каких операциях?

— Ну-у... — я задумался, а потом вспомнил свой сон. — Например, по удалению аппендикита.

После этого заявления у нас со Шварцем произошло некое подобие дискуссии. Трудность в общении заключалась в том, что я плохо знал латынь. Да, многие слова мне были знакомы. Всё-таки знание трёх языков, в которых присутствовало не мало слов из латыни, давало о себе знать. Плюс мои познания в ботанике, где наименования растений изначально имеют латинские корни. Зато Шварц с детства изучал латынь. К тому же я ни

фига не медик. Могу лишь похвастать школьными уроками по анатомии, армейскими курсами по оказанию первой медицинской помощи, да роликами из интернета. Люди на моих руках не умирали. А вот Евгений навидался смертей с избытком. Причём с детства. И в человеческих внутренностях покопался достаточно. Всё-таки его приёмный отец был военным хирургом. А там проблем с «учебным материалом» не возникает, особенно во время боевых действий. Короче, практика большая.

Одно радовало: Евгений не обучался в Европе. Все знания он получил от отца. Сюда так же надо добавить медицинские журналы, которые он выписывал. Как говорится, был в теме последних научных достижений. Жаль, но многие достижения имели ложный характер. А ещё аптекарь думал, что я хорошо знаю латынь, поэтому вставлял её в разговоре повсеместно. Что же касается анестезии, то Шварц в основном использовал спирт. Хотя мне он рассказал ещё парочку рецептов, но там был намешан такой винегрет, что просто жуть! Ага, к простым вытяжкам из растений добавлялись поистине колдовские ингредиенты: желудок лягушки, крылышки саранчи и прочая лабуда. Если бы не это, то вполне стоящие рецепты. И где он нахватался подобного мракобесия? Но спрашивать я не решился. Обидится ещё, тогда нашему партнёрству придёт конец. А мне этого очень не хочется. Поэтому я взял у него несколько травок, обладающих противовоспалительным и болеутоляющим действием, чтобы самому изготовить дома нужную микстуру, а по поводу эфира заявил следующее:

— Евгений, я думаю, что сначала нужно провести опыты на животных.

— Как на животных? — удивился аптекарь.

— Очень просто. Изготовить эфир, взять кролика, попытаться его усыпить, а потом вырезать у него аппендикс. После этого понаблюдать, как он дальше будет жить?

— Почему именно кролика?

— Насколько я помню, у многих животных аппендицит отсутствует. А у кроликов он есть.

— Хм... А я не знал. Значит, эта мышца у многих животных отсутствует за ненужностью?

— Евгений, это не мышца. Представь, что в кишечнике имеется небольшой чуланчик, в котором скапливаются ядовитые вещества. Не было бы этого чуланчика, многие умирали бы от отравлений. Однако когда чуланчик переполнен, его необходимо удалить, иначе зараза перейдёт дальше. И вообще, Господь Бог не просто так создал человека таким, какой он есть. Каждый орган для чего-то нужен. Но человек в своём неразумном тщеславии думает, что он умнее Бога. Вот об этом, как раз, нельзя забывать.

— Что ж, я с вами согласен. Нам трудно предугадать божественные замыслы. А опыты с эфиром я обязательно проведу. Очень вы интересные вещи рассказываете. Странно, почему об этом не пишут в медицинских журналах.

— Ничего странного. Многие боятся конкуренции, вот и держат в тайне свои открытия. Тем более в Европе тоже хватает своих варваров, которые злобно относятся к науке. Так же не стоит забывать об инквизиции...

— Инквизиции?! — удивился Шварц. — Разве это не пережиток прошлого?

— К сожалению, нет, — я изобразил на лице грустную усмешку и тяжело вздохнул. — Или ты думаешь, что среди церковников одни святые? Да ради своих низменных целей они любого могут сослать на костёр.

— Надо же! Никогда бы не подумал. Хотя мне отец многое рассказывал... Но по части

варварских нравов он больше говорил о России...

— Он у тебя, наверное, жил в городе среди просвещённых людей? — стал возражать я. — Но, во-первых: город городу — рознь. А во-вторых: вокруг городов существует куча деревень, где в основном живут безграмотные крестьяне. Поверь мне, Европа мало чем отличается от России. Я всякого навиделся на своём веку... Кстати, глянь, что у меня с десной? Второй день уже свербит.

Прежде, чем лезть ко мне в рот, Шварц сначала запалил масляную лампу, а потом вымыл руки. Между прочим, взял привычку с меня. Это я, прежде чем делать мальчику массаж, всегда мыл руки, с умным видом объясняя, что к любому страждущему надо обязательно подходить с чистыми руками. В противном случае, нехорошая энергия, осевшая ранее на руках, перейдёт к больному и усугубит его болезнь. Таким объяснениям люди верили больше, чем рассказам о непонятных микробах.

— У вас режется новый зуб, — авторитетно заявил Шварц, освещая масляной лампой мой рот, который я раззявил, как крокодил.

— Зуб?! — моему удивлению не было предела. Нет, я знаю, что растут зубы мудрости. Но они растут далеко за щекой. А тут сосед верхнего клыка... — Ты уверен?

— Абсолютно. Правда, мне раньше подобного видеть не доводилось. Возраст у вас, Леонид Иванович, не тот, чтобы новые зубы росли.

— Это, наверное, потому, что я кальция много ем, — решаю всё свести к шутке.

— Какого кальция? — теперь пришла пора удивляться Шварцу.

— Ну-у, который содержится в молочных продуктах...

— Не слышал о таком.

«Блин! — сразу вспыхнуло в голове. — Неужели здесь кальций ещё не открыли? Как хреново, что интернета нет под рукой...» Пришлось объяснять аптекарю, что такое кальций и где он содержится. Лекция вышла длинная. Главное, я увёл Шварца от глупых мыслей по поводу вампиров. Оказывается, тут эта тема не менее популярна, чем в моём времени. А случай со мной как раз наводит на нехорошие размышления. Очень уж не хочется быть насаженным на осиновый кол.

Наговорившись со Шварцем, я отправился к воеводе, всю дорогу размышляя: «С какого бодуна у меня начал расти новый зуб? Наверное, это как-то связано с моим перемещением в прошлое...» Других разумных объяснений не находилось. В общем, к Бахметьеву я шёл сильно задумчивым. Хотя, если честно, предпочёл бы сначала побеседовать с мужиками, которые напали на меня. Но без разрешения Николая Яковлевича попасть в темницу сложно. Если только позолотить охране ручку. Однако один хрен, потом воеводе доложат о моих похождениях. Обидится ещё. Как же, его высокоблагородие!

Блин, всё не могу привыкнуть к этим титулованиям. Напридумывал Петруха табель о рангах, теперь сам чёрт ногу сломит. И ошибиться в названиях нельзя, особенно если случайно в чине кого понизишь, считай, врага заимеешь. Нет бы просто, звать всех господами с приложением к ним соответствующих званий: господин прапорщик, господин поручик, господин капитан и так далее... А тут и благородие, и высокоблагородие, и высокородие, и превосходительство, и высокопревосходительство... Сплошной маскарад с угадками. Иерархия, мать её! А ещё не хочу идти к воеводе потому, что время напрасно потеряю. Пока за стол посадит, пока разговоры заведёт, пока ещё чего-нибудь придумает... Так и вечер настанет. Какие уж там дела? Домой в пору возвращаться.

— Рад вас видеть, Леонид Иванович! — с улыбкой встретил меня воевода. — Как ваше

здоровьице?

— Благодарю, ваше высокоблагородие, уже лучше.

— Вы мой гость, поэтому прошу без чинов.

— Хорошо, Николай Яковлевич, — легко соглашаюсь и присаживаюсь на указанную мне лавку. — Кстати, как ваше здоровье? Слышал, поясницей маетесь?

— Есть такая беда, — отвечает воевода, и садится по центру стола за хозяйский стул. Ага, сразу показывает, кто тут главный. В принципе, мне всё равно. Лишь бы быстрее уйти по своим делам. Но, видать, не судьба. Бахметьев приказал накрывать кухарке на стол, да от души...

Пока накрывали на стол, я попытался заговорить о делах. Не вышло. Воевода сказал, что успеется. Понятно, мои предположения оправдываются. Сегодня сделать дела не получится. А мужички останутся сидеть в темнице. «Что ж, — думаю, — раз ты меня мурыжишь, то и я в стороне не останусь».

— Кстати, Николай Яковлевич, — возобновляю разговор о здоровье, — работа у вас в основном сидячая, приходится много бумаг разбирать...

— Да, это так, — соглашается со мной воевода.

— Вот отсюда все ваши беды с поясницей. А ещё геморрой может случиться.

— Ох, не приведи Господь! — перекрестился Бахметьев. По ходу, что такое геморрой, ему было известно.

— Однако есть специальные упражнения, выполняя которые, можно снизить риск появления этих болезней.

— Да-а? Интересно, интересно... Расскажите?

— Конечно! И расскажу, и покажу, — натягиваю на лицо обаятельную улыбку. — Кстати, у вас есть под рукой писарь?

— Есть. А зачем он нужен?

— Пусть записывает всё, что я вам расскажу. Если что забудете, всегда можно заглянуть в бумаги.

— Хорошо, — кивает Бахметьев и зовёт какого-то Митьку. Вскоре появляется невысокий, худощавый парень с письменными принадлежностями в руках. Воевода сажает его за стол и велит записывать за мной поучения.

— Первым делом, Николай Яковлевич, давайте займёмся вашей поясницей.

— Это что, мне нужно встать из-за стола?

— Совершенно верно. Тем более он ещё полностью не накрыт, — снова обворожительно улыбаюсь.

— Хорошо...

Сначала я аккуратно ощупал поясницу воеводы и выяснил, где у него конкретно болит? Ага, понятно. У моего деда встречалось похожее. Чем тут можно помочь? Есть одно упражнение... Я тоже периодически его выполнял, когда долго засиживался перед компом.

— Николай Яковлевич, — обращаюсь к воеводе, — сейчас внимательно смотрите на меня и запоминайте, что я буду говорить и делать. А затем мы вместе с вами выполним одно нехитрое упражнение.

— Я весь внимание, — кивает Бахметьев.

После этих слов я становлюсь в позу прыгуна с трамплина. Потом упираю согнутые в локтях руки во внутреннюю сторону бёдер. Пальцы рук повернуты друг к другу. Затем медленно выпрямляю руки и колени. Спина продолжает находиться параллельно полу.

Когда руки и ноги полностью выпрямляются, стараюсь максимально расслабить область поясницы, переведя всё напряжение на область бёдер, куда упираются ладони. Дышу ровно и спокойно. Нахожусь в таком положении секунд тридцать. После чего медленно начинаю сгибать колени и локти, придавая телу позу полуприсяда, чтобы спина оказалась перпендикулярна полу. И лишь затем аккуратно выпрямляю всё тело. Показав и объяснив упражнение, начинаем выполнять его вместе с воеводой.

— Ох! — вскрикнул Бахметьев после явного щелчка у него в спине. В тот момент он как раз старался расслабить поясницу.

— Что такое? — спрашиваю озабоченно, глядя на выпученные глаза воеводы. Спрашивать-то, спрашиваю, но позу не меняю. Нельзя во время таких упражнений резко дёргаться. Все движения нужно выполнять плавно и последовательно.

— В спине что-то хрустнуло, и дышать, как будто стало легче, — отвечает Бахметьев, а у самого на лице растерянность. Не знает, печалиться или радоваться?

— Не меняйте позу, Николай Яковлевич, — тут же предупреждаю его. — Продолжайте расслаблять поясницу. Спина прямая, локти и колени полностью выпрямлены. Дышим ровно и спокойно... Теперь медленно принимаем позу полуприсяда и аккуратно выпрямляем всё тело. Только так! Запомните, во время подобных упражнений резвость противопоказана.

— Ага, запомнил, — кивает воевода и щупает свою поясницу.

— Что чувствуете?

— Тупая боль словно исчезла куда-то! — широко улыбается Бахметьев. — Хочется, как в молодости, порезвиться...

— Стоп! Вот резвиться как раз не надо. Вы лучше присядьте обратно на своё место.

— Конечно, конечно, — кивает воевода и садится за стол.

— А я, Николай Яковлевич, ещё раз напоминаю, что после подобных упражнений лучше всё делать степенно и не спеша. Верхом на лошади тоже пока не следует ездить. А ещё нужно попить отвары из травок и погреть поясницу, — после чего диктую названия трав, а так же состав согревающего компресса. Затем рассказываю о простых упражнениях, которые можно выполнять сидя. Это уже касается геморроя. В моё время данные упражнения советовали делать водителям, а так же тем, кто подолгу сидит за компом. Я же, как раз совмещал и то, и другое. За компом составлял проекты, а потом на своей «РЕНЮшке» мотался по объектам.

— Надо же, сколько вы всего знаете, Леонид Иванович, — улыбается довольный воевода. — Поболее нашего аптекаря.

— А вот это вы зря, — отвечаю поспешно. Не хватало ещё, чтобы до Шварца дошли слухи, якобы я пытаюсь его затмить. — Просто не может человек знать всё на свете. А мои знания из далёкой Азии. Там подобные упражнения медики применяют не одну сотню лет, а мы всё продолжаем кичиться европейской наукой, считая её истиной в последней инстанции. Грех это, считать одни народы глупее других. К тому же многие знания в Европу как раз пришли с востока.

— Да, да, — кивает Бахметьев, — мне Иван Данилович рассказывал, что вы спасли какого-то японского монаха, и он поделился с вами тайными знаниями.

«Ну, Белкин, ну, балабол! — внутренне кривлюсь. — На фига рассказывать направо и налево то, чем поделились с тобой? Поболтать захотелось? Как бы и о задумках наших не сболтнул. Эх, любят дворянина похвастать!»

Тем временем стол уже накрыли, и воевода принялся хвалить блюда, которые приготовила его кухарка. День был постным, поэтому мясное отсутствовало. Зато рыба имелась в избытке: уха из судака, пироги с налимом, запечённый карп, жареные караси... Вместо спиртного на столе стоял жбан с ягодным взваром. Я наесться не спешил, пробуя по чуть-чуть от каждого блюда. Уже успел насмотреться на местные порядки. Любое похождение в гости превращалось в басню «Демьянова уха».

— Леонид Иванович, — между тем продолжил Бахметьев, — а вот вы делали мальчику массаж...

— Слушаю вас, — кивком подбадриваю замывшегося воеводу, не забывая при этом отдавать дань обеду.

— Как думаете, сия процедура будет полезной для меня?

От этого вопроса я мысленно застонал. Мне совсем не улыбалось каждодневно навещать воеводу. Своих забот — выше крыши. К тому же совершенно не хочется горбатиться за просто так. В моё время часовой сеанс массажа стоил не меньше двух тысяч рублей. Именно этот факт послужил одним из поводов записаться на обучающие курсы. Хотя я записался чисто за компанию с Данькой. У него же близняшки, не у меня. Но, по правде говоря, навык полезный. Тут и девушке своей можно сделать расслабляющий массаж, и бабушке с дедушкой аккуратно помять болезненные места...

— Я понимаю, Леонид Иванович, что вы человек занятой, — заторопился воевода, глядя на мою задумчивость. — Но у меня найдётся, чем вас отблагодарить.

— М-да, и чем же? — удивлённо смотрю на Николая Яковлевича.

— Во-первых: я вам подробно расскажу обо всех мужичках, что на вас напали. Думаю, это поможет в ваших делах. Во-вторых: я знаю, что у вас нет оружия. Уверен, имей вы шпагу или пистолет, то вам бы не пришлось спасаться бегством.

— Хм... Если честно, Николай Яковлевич, то вы меня заинтересовали. Только я бы предпочёл пистолет и саблю.

— Почему именно «саблю»? — удивился воевода.

«Действительно, а почему? — задумался я. — Чем сабля лучше шпаги? Наверное, тем, что саблей можно не только колоть, но и рубить. Мне в интернете попадались ролики, где знатоки занимались фланкировкой. Зрелище завораживающее. Шпагой подобного не сотворишь. Да и вообще...»

— С древних времён сабля была оружием князей и родовитых бояр. А шпага — это оружие горожан и наёмных убийц, — отвечаю воеводе воспоминаниями из ролика по интернету. — У меня сабля вызывает большее уважение.

— Вот как! — удивился Бахметьев. — Никогда бы не подумал...

— Однако это так, — дальше я рассказываю, почему выходцы из городской среды предпочитали шпаги и стилеты. Проще и удобнее. Но это в условиях узких улочек города. Недаром сам Наполеон относился к шпагам с презрением, предпочитая сабли. Для той же кавалерии она всяко лучше. Чем и делюсь с воеводой.

— Хм, действительно, наши казачки шпаги не жалуют, — усмехается Бахметьев. — Хорошо, будет вам сабля и пистолет! А с вас тогда — массаж, — и лучезарно улыбается.

— А с вас тогда умелая девка, — возвращаю воеводе улыбку.

— Э-э... — зависает Бахметьев, теряя радость на лице. — Нет, я, конечно, понимаю, мужское естество просит... А вы постоянно под приглядом Марии Васильевны и отца Лазаря, который, положив руку на сердце, человек не самый лучший, несмотря на сан. Но и

вы поймите меня, Леонид Иванович...

— А-ха-ха-ха-ха! — меня разбирает жуткий смех. Хорошо, что рот пустой был. А то бы сейчас кусочки еды полетели во все стороны. — Простите, Николай Яковлевич, не смог удержаться. Только вы совсем неправильно меня поняли.

— Да-а? — воевода выпучил на меня глаза. — А что вы имели в виду?

— Вы сами сказали, что я человек занятой. В первое время я постараюсь полностью уделить вам своё внимание. Но что будет дальше? Не проще ли иметь под рукой умелую девку?

— Вы хотите научить её делать массаж?

— Совершенно верно, — согласно киваю.

— Но почему именно — девку? Как по мне, так мужик лучше может намять бока...

— Николай Яковлевич, намять бока, большого ума не надо. Но есть такая поговорка: «Доверь дураку стеклянный хрен, он и хрен разобьёт, и руки порежет»...

— Как? Как? Доверь дураку... Э-хе-хе-хе-хе! Ну, вы и сказанули, Леонид Иванович. Никогда такого не слышал... — у воеводы от веселья даже слезы выступили из глаз. — Надо будет запомнить ваши слова. Значит, считаете, что девка сможет лучше за мной ухаживать?

— Конечно! Женщине от природы дано лучше чувствовать чужое тело. Не зря же именно они растят детей. Во время массажа требуется не грубая мужская сила, а чёткое понимание, как сделать так, чтобы ненароком не навредить. Позвоночник, то бишь — хребет, заключает в себе множество сложных соединений, которые сдуру можно так покалечить, что жизнь станет не мила. Поэтому, если у вас есть сообразительная девица, то я готов на вашем примере научить её массажу.

— Моя кухарка подойдёт? — после минутной задумчивости, спросил Николай Яковлевич.

— Нет.

— Почему?

— Во-первых: она уже не молода. Учить новому сложнее. Во-вторых: она кухарка. Вот и пусть занимается кухней. Зачем бедной женщине забивать голову непонятными «глупостями»?

— Хорошо, я найду девицу помоложе и посообразительнее.

— Вот и прекрасно! Как найдёте, так сразу и займётся массажем. А сейчас мне бы хотелось услышать ваш рассказ о мужиках, что сейчас сидят в темнице...

ГЛАВА 23

ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

Ну, и жучара этот воевода! Ему бы в ФСБ работать. Сначала подробно рассказал мне обо всех задержанных, а затем выдал расклад, как лучше стрясти с них бабки. Только делился он информацией не за мои красивые глазки, а ради нашего общего дела, недвусмысленно на это намекая. И лишь в самом конце поинтересовался, как лично я хочу всех использовать? Пришлось ответить, что пока ничего не решил. Сперва нужно поговорить со смутьянами. Но к его советам отнесусь со всей серьёзностью.

Что мне советовал Бахметьев? Прежде всего, запугать попа. Из-за него весь сыр-бор начался. Тем более деньги у батюшки есть по любому. Даже поболее, чем у некоторых купцов. На мой удивлённый вопрос:

— Николай Яковлевич, разве можно угрожать церковному служащему?

— Можно, Леонид Иванович, можно! — ответил вальяжно воевода, после чего рассказал историю, как в 1736 году было издано распоряжение, по которому всех церковнослужителей, не присягавших предыдущей императрице, было велено взять в солдаты. От этого, если верить слухам и донесениям, в 1740 году без причта оказалось до 600 церквей. Видать Бахметьев имел в виду мои связи в высшем обществе, и ясно давал понять, что светские власти церковников не жалуют, если те начинают кобениться. А тут из-за батюшки целый бунт случился.

Я чётко видел нелюбовь воеводы к батюшкам, но почему так происходит, для меня оставалось загадкой. Хотя, как говорили в моём времени, если не знаешь из-за чего конфликт, то можешь смело считать, что из-за бабок. Резон в этом, несомненно, есть. Взять тех же старообрядцев... Для властей они очень удобны. Во-первых: трудолюбивы. Во-вторых: платят двойную подать. В-третьих: стараются быть в стороне от конфликтов. Идеальные подданные! Зато церковники подвергают их всяким гонениям, заставляя отречься от своих убеждений и обязательно посещать службы в храмах, где, ко всему прочему, необходимо платить десятину. По сути, идёт перетягивание одеяла. А ещё мне довелось услышать от Белкина следующую историю...

В сентябре прошлого года, во время рекрутского набора, в писарской избе случился пожар. В результате сгорели кое-какие документы. После этого случая, как по команде, часть новобранцев признала себя беглыми крепостными. Хозяевами беглецов неожиданно оказались некоторые церковные служащие, которые потребовали вернуть их собственность. Вернули. Ага, церковники получили холопов, а местные власти нагоняй за недобор новобранцев. Похоже, отец Лазарь принимал в этой афере самое непосредственное участие. Недаром они с воеводой друг дружку на дух не переносят.

Если Бахметьев посоветовал мне припугнуть зачинщика бунта, то ко всем прочим попросил отнестись помягче. Я и сам это понимал. Туго здесь с наличкой. Придётся в основном брать товаром или работой, растянув выплату долга на несколько лет. Правда, узнав, чем мужички, напавшие на меня, занимаются, стал прикидывать, как помочь им, чтобы скорее рассчитались со мной. За примером далеко ходить не надо. Вон у нас, сколько новшеств в столярной мастерской! А ведь вроде бы всё элементарное. Или взять Марию Васильевну и купчиху Рябушкину, у которой живёт мой слуга. Белкина прядёт пряжу ручным веретеном, а купчиха при помощи самопрялки. И то: Гаврила-Густаф придумал какое-то

приспособление, улучшив её производительность. Короче, народ в Боровске механикой не избалован.

Ещё одной причиной «быть помягче» воевода объяснял тем, что год назад в Романдовской волости произошёл стихийный бунт крестьян. Эту волость Никита Демидов выкупил у графа Головина и устроил там завод. Отношение промышленника к людям было хуже, чем к скотине, вот народ и не выдержал. В результате двести человек бросили в темницу и наказали кнутом, а двоих и вовсе повесили. Николай Яковлевич не хотел, чтобы в Боровске случилось подобное. Ему претили жёсткие методы.

Кто же угодил в темницу, напав на меня? Братья Санины, Егор и Кирилл, изготавливающие кирпичи. Работали они порознь. Каждый имел свою мастерскую или сарай, как их тут называли. Производительность одной мастерской двести — триста кирпичей в день. Негусто, короче. Потом шли шерстобиты Полежаевы в количестве четырёх человек: отец и три взрослых сына. Торговец древесиной Меренков был седьмым в этом списке. Ещё два брата, только Шокины, занимались кожевенным делом. Дальше следовали кузнец Глухарёв, казак Артамонов, плотники Ефимов и Помухин. Завершал список рыбак Васильев С женой этого рыбака мне пришлось столкнуться, когда я возвращался от воеводы домой.

— Барин, не губи! — бросилась мне под ноги незнакомая женщина.

От испуга я чуть не приложился ей по тыковке своей тростью. Ага, рухнула посередине дороги на колени и хватается за мои ноги. Так и самому навернуться не долго. Хорошо, быстро допёр, что я не боец ММА на соревнованиях, а скулящая баба не соперник, желающий перевести бой в партер.

— Отпусти ноги, дура!

— Барин, не гу...

— Ноги живо отпустила и встала!!! — рывкнул так, что у самого в ушах зазвенело.

Подействовало. С горем пополам поднял бабу с колен и попросил объяснить: кто она и что ей надо от меня? Авдотья (так звали женщину), заливаясь слезами, поведала, что является женой рыбака Тараса Васильева. А ещё у неё трое детей. Старшему сыну идёт четырнадцатая весна, а двойняшкам по девять лет. Все три сына активно помогают отцу в его ремесле. Получается, что из-за меня семья лишилась главного кормильца. Ага, из-за меня. Меньше бы этот Тарас слушал истеричные вопли взбалмошного попа, ловил бы сейчас спокойно свою рыбу... «Рыбу! — щёлкнуло в голове». А ведь я хотел из рыбьей чешуи изготовить пурпурную краску. А тут такой повод! Интересно было бы понаблюдать действие такой краски на различных материалах, начиная с бумаги и заканчивая железом.

— Успокойся, — прервал я причитания женщины, которая уже по третьему кругу повторяла жалобы на несчастную жизнь. — На днях отпустят твоего Тараса из темницы. Даже кнутом наказывать не будут. Однако глупость свою придётся ему отработать.

— Отработаем, барин! Как есть, отработаем, — закивала головой Авдотья, попутно промокнув концом шерстяного платка слёзы на глазах.

— Даже не спросишь, что надо делать? — усмехнулся я.

— Э-э... — осеклась женщина. — А что надо делать?

— Про то я расскажу твоему мужу. Он, конечно, с тобой поделится, но! — я поднял вверх указательный палец, — об этом никому нельзя рассказывать, запомнила?

— Ага. А что, вообще никому?

— Никому, даже батюшке на исповеди.

— Барин, а ежели ты злодейство замышляешь? — неуверенно вымолвила Авдотья. —

Грех это, пользоваться нашей бедой и толкать на преступление.

— Какое, в сраку, преступление?! — разозлился я. — Секрет вам открою, чтобы свой долг передо мной быстрее отработали. Или желаете, чтобы другие с удовольствием попользовались тем секретом? Тогда вы никогда свой долг передо мной не отработаете!

— Нет, нет, я согласна! — заторопилась женщина. — Но почему батюшке нельзя говорить?

— Ты, дурёха, думаешь, что батюшка откажется от секрета, благодаря которому можно деньги заработать? Так он с удовольствием. Только вам от этого лишь кукиш останется. Поэтому делай, что говорю.

— Хорошо, — снова закивала болванчиком Авдотья.

— Кстати, ты говорила, что у тебя младшие сыновья — двойняшки?

— Ага, в один день родились.

— И ты хочешь, чтобы они всю жизнь рыбу ловили?

— Ага, — снова кивает. — Хорошие помощники отцу растут.

Как-то я не представляю профессию рыбака на речке. В море на сейнере — да, а тут... В моё время это было скорее хобби или развлечение, чем серьёзное занятие. На жизнь точно не зарабатываешь. Если только специально рыб разводить. Но это целый бизнес с хорошо продуманной технологией. Доводилось мне бывать на рыболовной ферме. Один мой знакомый занимался разведением осётров. Но здесь такое вряд ли возможно. Правда, я не исключаю мысль, что в это время рыбы в реках ещё много и она солидно выглядит. По крайней мере, обед у воеводы мне понравился.

— Хочешь, чтобы твои сыновья всю жизнь провели в холодной воде? — я решил высказать свою идею.

— Э-э... А чем ещё заниматься? Нашей рыбой многие в городе кормятся.

— Так и рыбачить может каждый, — возразил я. — Детям нужно изучать более серьёзное ремесло.

— Это, какое же?

— Хочешь, чтобы твои двойняшки стекло научились варить и стали известными мастерами?

— Стекло? Кто же их научит?

— Аптекарь Шварц.

— Так он же колдун!

«Вот же дура!» — ругнулся я про себя. Но вслух сказал другое:

— Из него колдун, как из навоза гребешок для расчёсывания.

— Это как?! — опешила баба.

— А так, что никакой он не колдун. Зато научит твоих сыновей варить прекрасное стекло. Заодно сможете быстрее свой долг передо мной отработать. Думай сама, кого будут больше уважать: какого-то рыбака или мастера по изготовлению стеклянной утвари?

— Я даже не знаю, — Авдотья растерянно захлопала глазами.

— Тогда думай пока. С твоим мужем я на эту тему тоже переговорю. А сейчас мне некогда. И так тут стою и мёрзну из-за тебя.

— Ой, барин, простите меня глупую, — затараторила баба, заметно повеселев.

— Бог простит, а ты думай, — я махнул рукой и пошёл домой.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net